

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 4 раза в год

**№ 1 (9)
2025**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Аватков В.А. – главный редактор, д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Крылов Д.С. – заместитель главного редактора, канд. полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Останин-Головня В.Д. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Андропова И.В. – д-р экон. наук, РУДН, Москва, РФ
Асанканов А.А. – д-р ист. наук, академик НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика
Воробьев С.В. – д-р ист. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ
Долгов Б.В. – д-р ист. наук, ИВ РАН, Москва, РФ
Ирхин А.А. – д-р полит. наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, РФ
Каширина Т.В. – д-р ист. наук, МГЛУ, Москва, РФ
Койчуманова Ч.У. – д-р ист. наук, член-корреспондент НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика
Курылёв К.П. – д-р ист. наук, РУДН, Москва, РФ
Лункин Р.Н. – д-р полит. наук, ИЕ РАН, Москва, РФ
Макаров О.С. – д-р юрид. наук, Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Республика Беларусь
Малышева Д.Б. – д-р полит. наук, ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Мигранян А.А. – д-р экон. наук, ИЭ РАН, Москва, РФ
Панин В.Н. – д-р полит. наук, Институт международных отношений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, РФ
Пономарева Е.Г. – д-р полит. наук, МГИМО МИД России, Москва, РФ
Сафрастьян Р.А. – д-р ист. наук, ИВ НАН РА, Ереван, Республика Армения
Сейдуманов С.Т. – д-р социол. наук, академик НАН РК, Алматы, Республика Казахстан
Феофанов К.А. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ
Штоль В.В. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Журнал «Ближний и Постсоветский Восток» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-85544 от 27 июня 2023 г.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.00
ISSN 2949-2408

© ИНИОН РАН, 2025

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

MIDDLE & POST-SOVIET EAST

ACADEMIC JOURNAL

4 issues per year

**N 1 (9)
2025**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Vladimir A. Avatkov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Danila S. Krylov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vasily D. Ostanin-Golovnya – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial board

Inna V. Andronova – RUDN University, Moscow, Russian Federation
Abylabek A. Asankanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
Sergey V. Vorobyov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Boris V. Dolgov – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Irkhin – Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
Tatiana V. Kashirina – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Cholpon U. Koichumanova – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
Konstantin P. Kurylev – RUDN University, Moscow, Russian Federation
Roman N. Lunkin – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oleg S. Makarov – Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Republic of Belarus
Dina B. Malysheva – IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan – Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor N. Panin – Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation
Elena G. Ponomareva – MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruben A. Safrastyan – Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia
Serik T. Seidumanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan
Konstantin A. Feofanov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Vladimir V. Shtol – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ № ФС 77-85544.

Opinions of the authors may not coincide with ideas of editorial.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.00
ISSN 2949-2408

© INION RAN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аватков В.А.</i> «Записки на салфетке» о Постсоветском Востоке (вместо предисловия)	7
<i>Аврутина А.С.</i> О задачах современной тюркологии	13
<i>Жигульская Д.В., Цветкова А.С.</i> Центральная Азия и Южный Кавказ в евразийской интеграции Турции	20
<i>Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э.</i> Турция и Россия в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье: диалектика сотрудничества и конкуренции держав в меняющемся мире	30
<i>Феофанов К.А.</i> Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии)	50
<i>Айрапетян А.С.</i> Оценка динамики развития полиязычия населения Турецкой Республики в период правления Партии справедливости и развития	63
<i>Буланакowa М.А., Васильев М.М.</i> Потенциал Саудовской Аравии в качестве региональной морской державы	82
<i>Крылов Д.С., Ерманалиева А.Р.</i> Место и роль Исламской Республики Иран в новой геополитической реальности	93
<i>Нафиков И.З., Галимов И.И.</i> Миграционная политика Турецкой Республики в условиях региональных конфликтов на Ближнем Востоке: сирийский кризис	104
<i>Сбитнева А.И.</i> Национальная разведывательная организация Турции	119

CONTENT

<i>Avatkov V.A.</i> "Notes on a Napkin": Reflections on the Post-Soviet East (Instead of Preface)	7
<i>Avrutina A.S.</i> On the Objectives of Modern Turkology	13
<i>Zhigulskaya D.V., Tsvetkova A.S.</i> Central Asia and South Caucasus in Turkey's Eurasian Integration	20
<i>Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E.</i> Turkey and Russia in the Black Sea Region and Eastern Mediterranean: Dialectics of Cooperation and Competition of Powers in a Changing World	30
<i>Feofanov K.A.</i> Civilizational Modeling of Regional International Relations (on the Example of Greater Eurasia)	50
<i>Airapetian A.S.</i> Evaluation of Polylingualism Development Dynamics of the Population of the Republic of Turkey During the Rule of Justice and Development Party	63
<i>Bulanakova M.A., Vasiliev M.M.</i> Saudi Arabia Potential as a Regional Sea Power	82
<i>Krylov D.S., Ermanalieva A.R.</i> The Place and Role of the Islamic Republic of Iran in New Geopolitical Reality	93
<i>Nafikov I.Z., Galimov I.I.</i> Migration Policy of Turkish Republic in Context of Regional Conflicts in Middle East: Syrian Crisis	104
<i>Sbitneva A.I.</i> National Intelligence Organization of Turkey	119

«ЗАПИСКИ НА САЛФЕТКЕ» О ПОСТСОВЕТСКОМ ВОСТОКЕ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

АВАТКОВ Владимир Алексеевич

доктор политических наук, доцент, заведующий Отделом Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: v.avatkov@gmail.com

SPIN-код: 7909-2304

ORCID: 0000-0002-6345-3782

Для цитирования: *Аватков В.А.* «Записки на салфетке» о Постсоветском Востоке (вместо предисловия) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 7–12. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.01.

Аннотация. В статье обосновывается понятие «Постсоветский Восток» в контексте геополитических и экономических трансформаций на постсоветском пространстве. Рассматривается динамика интеграционных процессов в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа, а также их растущее сближение с восточными центрами силы, такими как Китай, Индия и Турция. Особое внимание уделено различиям в развитии западной и восточной частей постсоветского пространства, где первая утратила потенциал межстрановой микроподсистемы, а вторая сохраняет прочные связи с Россией. Сделан вывод, что формирование «Постсоветского Востока» является не только объективным историческим процессом, но и стратегически важным направлением российской политики, нацеленным на создание дружественной микроподсистемы международных отношений.

Ключевые слова: Постсоветский Восток, Ближний Восток, дихотомия «Восток – Запад», Запад, Центральная Азия, Средняя Азия, Южный Кавказ, Закавказье.

“Notes on a Napkin”: Reflections on the Post-Soviet East (Instead of Preface)

Vladimir A. AVATKOV

DSc in Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: v.avatkov@gmail.com

SPIN-code: 7909-2304

ORCID: 0000-0002-6345-3782

For citation: Avatkov V.A. (2025). "Notes on a Napkin": Reflections on the Post-Soviet East (Instead of Preface). *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 7–12. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.01.

Abstract. The article explores the concept of "Post-Soviet East" in the context of geopolitical and economic transformations in the post-Soviet space. The dynamics of integration processes in the states of Central Asia and South Caucasus, as well as their growing rapprochement with the eastern centres of power, such as China, India and Turkey, are considered. Particular attention is paid to the differences in the development of the western and eastern parts of the post-Soviet space, where the former has lost the potential of an inter-country micro-subsystem, while the latter retains strong ties with Russia. It is concluded that the formation of the "Post-Soviet East" is not only an objective historical process, but also a strategically important direction of Russian policy aimed at creating a friendly micro-subsystem of international relations.

Keywords: Post-Soviet East, Middle East, East-West dichotomy, West, Central Asia, South Caucasus, Transcaucasia.

Вот уже два года мы выпускаем журнал «Ближний и Постсоветский Восток». Пришло время объясниться. Если с Ближним Востоком все понятно, хоть и тоже относительно^{1,2}, то с Постсоветским все интереснее. Эти «записки на салфетках» рождались долго и сложно, базируются на дискуссиях в Отделе Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН. Они не претендуют на истину в последней инстанции, а лишь приглашают к дискуссии ученых.

После развала СССР прошел значительный период времени, за который государства, входившие ранее в его состав, смогли показать свою состоятельность и несостоятельность³. Более того, единство связей, отнюдь не только экономических, априори снизилось, а значит, сократились и свойственные бывшему единому организму черты евразийской надидентичности, опиравшейся на единство Востока и Запада, а не противопоставление одного другому.

Постсоветский Запад не сложился в качестве микроподсистемы международных отношений. Западная часть бывшего СССР пошла по

¹Евстафьев Д.Г. Ближний и Средний Восток: от новой геополитики к новой конфигурации региона // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 70–86. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.05.

²Крылов Д.С. Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 113–133. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.

³Штоль В.В. Империя как прошлое и будущее России // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 26–41. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.02.

трем путям: 1) деградация собственной государственности (Украина); 2) полная интеграция с Западом (страны Прибалтики); 3) развитие союза с Россией (Белоруссия). Три разные модели предопределили невозможность межстранового взаимодействия в подсистемном ключе. Западная часть постсоветского пространства продолжает находиться в турбулентном периоде своей истории, на разрыве между прошлым и будущим. Имеющиеся линии разлома будут ослаблять и далее не только коммуникацию между государствами, но и сами государственные образования. Суверенитет государств постсоветского Запада будет определяться во многом не ими самими, а более крупными игроками, в первую очередь – Россией.

Если постсоветский Запад не сложился, то того же нельзя сказать о Постсоветском Востоке⁴. По мере отдаления от советского прошлого региональные государства приобретают все больше черт классического Востока, что приближает их – со всеми плюсами и минусами этого процесса – к Китаю, Индии, Афганистану, Ирану, арабскому Востоку и Турции. «Восток – дело тонкое», как известно. Так вот – это всецело относится ко всем государствам Средней, или, как сейчас с легкой западной руки модно говорить, Центральной Азии.

С Южным Кавказом (Закавказьем) все сложнее. Если Азербайджан по большей части качественных характеристик однозначно можно отнести к Востоку, то с Арменией и Грузией не все так однозначно^{5,6}. Стремясь на Запад, они перенимают многие черты западной цивилизации, утрачивая свою историческую незападную идентичность, но приобретая новые свойства.

Как известно, дихотомия «Восток – Запад» – она в наших головах, да и вообще была искусственно сконструирована историческими противниками России британцами⁷. У нее есть только один плюс: как и любая иная дихотомия, она дает относительное и гиперболизированное представление об отличиях и специфике, которую нужно учитывать.

Люди в целом предпочитают упрощения. Дихотомии в политических науках – это упрощение сложного хаотичного миропорядка к двум

⁴ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

⁵ Курылев К.П., Еномян А.В. Армения как объект воздействия турецкой политики «мягкой силы»: трудности, успехи и перспективы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 77–101. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.05.

⁶ Савельева М.А. Анализ взаимного восприятия России и Армении // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 60–76. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.04.

⁷ Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: Россия, «Восток» и Запад // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 102–114. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.

силам. В простейшей форме они служат для дифференциации по принципу «свой – чужой».

В современных геополитических реалиях Восток утрачивает свое значение единственного антипода Запада и скорее, наравне с Севером и Югом, становится одним из трех ключевых направлений трансформации системы международных отношений. В совокупности Восток, Север и Юг формируют своего рода понятие «Незапада» – пространства, которое видит свой путь отличным от курса Коллективного Запада в идейно-ценностном измерении. При этом «Незапад» не отсекает себя намеренно от Запада (скорее Запад отсекает других от себя).

Долгое время в определении «постсоветского пространства» превалировал формалистский подход. Ключевым параметром здесь был статус «бывшей союзной республики». Внутренним процессам и этноконфессиональной специфике уделялось несправедливо мало внимания⁸, из-за чего внутреннее деление «постсоветского пространства» на западную и восточную части имело исключительно географический характер, в то время как идейно-ценностный аспект оставался за скобками.

Постсоветский Восток – мир множества идентичностей. Исторически сложившаяся богатая «палитра» идентичностей внутри подсистемы в виде идентичностей национальных, этнических, конфессиональных, региональных и прочих проглядывает за идентичностью гражданской. Восприятие многими индивидами себя как части чего-то более локального или более широкого, чем в первую очередь гражданина того или иного государства Постсоветского Востока – это важная черта данной подсистемы. Но что объединяет общества Постсоветского Востока в идентификации? Отношение к России как важнейшему актору, оказавшему влияние на их развитие в прошлом и продолжающему это ныне. Восприятие России как ключевого игрока вовне – это та красная нить, которая связывает столь разнообразные идентичности обществ стран Постсоветского Востока.

Что дает введение в научный оборот термина «Постсоветский Восток»? Во-первых, речь об обобщении и наделении сущности наименованием. Во-вторых, речь об уточнении сущности. В-третьих, это часть исторического процесса. В-четвертых, это логично обосновывается географической классификацией ООН. И, наконец, в-пятых – это дает России возможность оказать влияние на формирование дружественной микроподсистемы международных отношений среди этих стран, которые продолжают оставаться ареной борьбы различных «миров». Достаточно упомянуть хотя бы турецкий мир, который активно шагает по региону.

⁸ Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идейно-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.

«Постсоветский Восток» в данном случае – это одна из составных частей Востока, которая представляет собой синтез пространственно-географических и временных границ. Своего рода составная часть пространства-времени международных отношений. Это не столько геополитический концепт, претендующий на изменение глобального мирового порядка и передел сфер влияния, сколько попытка выделить это пространство в надконцептуальной форме.

Постсоветский Восток – это, конечно, Восток, но вместе с тем это пространство, ключевые трансформационные процессы в котором происходили после ключевой геополитической катастрофы XX века – развала Советского Союза⁹, который стал Рубиконом как для будущего региональных держав, так и для всей сложной системы развития и становления международных отношений в целом. Поэтому «постсоветский» в данном случае означает одновременно «после Советского Союза» во временном смысле, т.е. после 1991 г., а также «республики Востока Советского Союза» в пространственном смысле: в регион включены только страны Востока и страны, входившие когда-то в СССР.

Также этот термин синергируется с более традиционным понятием «Постсоветское пространство», углубляя восприятие пространства с позиции идейно-ценностного подхода в контексте восточных норм, традиций и ценностей. В конце концов, именно на Востоке сосредоточено наибольшее число цивилизаций прошлого и государств-цивилизаций – центров силы современности.

К слову, самонаименование отнюдь не должно совпадать с внешним названием. Кроме того, оболочка важна, но не важнее наполнения, которое еще только предстоит сформировать. Будущее Постсоветского Востока, конечно, в руках самих его элит и жителей, но оно куется вольно и невольно и в Москве, с которой в региональной подсистеме до сих пор ассоциируется все хорошее и все плохое.

Понятие «Постсоветский Восток» может не только отвечать национальным интересам и задачам внешней политики России, но и способствовать постепенному отходу от европоцентричной концепции дихотомии «Восток – Запад» в сторону россияцентричной картины мира, где Россия выступает не просто «промежуточным звеном» между условным Западом (проектом Модерна) и условным Востоком (модели Традиции), а самостоятельным полюсом и центром притяжения, который не вписывается в традиционные векторы Запад – Восток и Север – Юг.

⁹ Воробьев С.В. Негативная трансформация совместной истории после распада СССР как основа идеологического разлома постсоветского пространства // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 22–32. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.02.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
2. Воробьев С.В. Негативная трансформация совместной истории после распада СССР как основа идеологического разлома постсоветского пространства // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 22–32. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.02.
3. Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идеино-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.
4. Евстафьев Д.Г. Ближний и Средний Восток: от новой геополитики к новой конфигурации региона // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 70–86. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.05.
5. Крылов Д.С. Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 113–133. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.
6. Курылев К.П., Еномян А.В. Армения как объект воздействия турецкой политики «мягкой силы»: трудности, успехи и перспективы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 77–101. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.05.
7. Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: Россия, «Восток» и Запад // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 102–114. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.
8. Савельева М.А. Анализ взаимного восприятия России и Армении // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 60–76. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.04.
9. Штоль В.В. Империя как прошлое и будущее России // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 26–41. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.02.

О ЗАДАЧАХ СОВРЕМЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

АВРУТИНА Аполинария Сергеевна

доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культур стран Азии и Африки СПбГУ, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений

E-mail: a.avrutina@spbu.ru

SPIN-код: 6842-1830

ORCID: 0000-0003-3162-2825

Для цитирования: Аврутина А.С. О задачах современной тюркологии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 13–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.02.

Аннотация. Статья посвящена краткому обзору текущего положения дел в современной тюркологической науке в контексте текущей геополитической ситуации, которая создает определенные вызовы, требующие безотлагательного и адекватного ответа. Также статья представляет собой попытку тезисно сформулировать задачи современной отечественной тюркологии на благо отечественной науки и нашего государства.

Ключевые слова: тюркология, тюркская филология, тюркский мир, геополитика Евразии, политология, тюркское просвещение, турецкий язык и литература, история Турции, страны тюркского мира, задачи тюркологии.

On the Objectives of Modern Turkology

Apollinaria S. AVRUTINA

DSc in Philology, Professor of the Department of Theory and Methodology of Teaching Languages and Cultures of Asian and African Countries, St. Petersburg State University; Director of the Center for Research on Modern Turkey and Russian-Turkish Relations at St. Petersburg State University

E-mail: a.avrutina@spbu.ru

SPIN-code: 6842-1830

ORCID: 0000-0003-3162-2825

For citation: Avrutina A.S. (2025). On the Objectives of Modern Turkology. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 13–19. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.02.

Abstract. The article is devoted to a brief overview of the current state of affairs in modern Turkological science in the context of the current geopolitical situation, which creates certain challenges that require an immediate and adequate response. The article also represents an attempt to formulate the tasks of modern domestic Turkology for the benefit of domestic science and our state.

Keywords: Turkology, Turkic philology, Turkic and the world, Eurasian geopolitics, political science, Turkic education, Turkish language and literature, history of Turkey, countries of the Turkic world, aims of Turkology.

Когда мы рассматриваем отечественную тюркологию в масштабах востоковедения Российской Федерации, мы часто видим, что в наше время тюркология, как и все востоковедение, – это междисциплинарная наука, междисциплинарные исследования, которые предполагают изучение культуры, языка, литературы, истории, рукописного наследия, древнетюркского наследия и многого другого. Более того, тюркология, будучи «востоковедной» дисциплиной, является важной отраслью отечественного востоковедения.

В наше время востоковедение – это стратегически важная система наук, система знаний, которая в современном мире играет очень важную и серьезную роль. События последнего времени, политические события, геополитические события, культурные события в мире, показывают, что востоковедение приобретает все большую актуальность. Усиление роли востоковедения синхронизировано с проявлением глобальных противоречий во всем мире. Востоковедение является концептуальным контекстом, который позволяет изучать многие проблемы во многих регионах, которые терзают современный мир, потому что истоки этих проблем очень часто стоят в дихотомии, в противостоянии восток – запад¹. Кроме того, внешнеполитические проблемы обычно неразрывно связаны с внутривосточными, и если проблемы ряда отраслей востоковедения не играют никакой роли в жизни Российской Федерации, то взаимодействие с тюркским миром неразрывно связано с внутренними вопросами РФ.

Таким образом, именно востоковедение способно ответить на некоторые аспекты как внешнеполитических, так и национальных вопросов, до сих пор остающиеся без ответов.

В советское время национальный вопрос в СССР был решен в ключе интернационализма, однако после перестройки лозунг интернационализма не удалось переложить в рамки новых идейных подходов. В советское время недостаточно хорошо изучались народы России (СССР), о традициях которых следовало бы знать каждому школьнику огромной многона-

¹ Концепции современного востоковедения. – Санкт-Петербург: КАРО, 2013. – С. 5.

циональной страны. Кроме того, крайне мало этнических русских владело национальными языками.

В советское время понимание необходимости подобных исследований не пришло, что позволило внешним недружественным силам разрушить СССР, прежде всего, именно по национальному признаку.

В то же время массовое изучение национальных языков СССР могло бы сыграть важную роль в понимании как отношений советских республик между собой, так и отношений между Россией и республиками.

Знание языка и культуры очень важно, поскольку только узнавая культуру, можно проникнуться уважением к этой культуре. Отсутствие образования, даже не столько образования, сколько просвещения в данной области в советское время, и, конечно же, в наши дни является большой лакуной как для российской науки, так и для российского общества. К сожалению, приходится констатировать, что данная лакуна в российском образовательном поле до недавнего времени стремительно заполнялась при активном участии иностранных просветителей. Так, например, с представителями тюркских народов на территории Российской Федерации до недавнего времени активную работу вела Организация тюркских государств, где 6 субъектов Российской Федерации в настоящее время имеют статус независимого наблюдателя (Татарстан, Башкирия, Хакасия, Тува, Якутия, Алтай и другие)².

Очевидно, что исправление представленной проблемы предполагает огромную работу, прежде всего, работу по подготовке педагогических кадров, со школьной скамьи, – и, прежде всего, организацию системного изучения тюркских языков в наших вузах.

Здесь не следует идти по пути Турецкой Республики, которая стремится к лидерству в тюркском мире, хотя фактически является периферией тюркского мира. В Турции преподавание тюркских языков официально запрещено и карается уголовным сроком до 10 лет за пропаганду сепаратизма. Существует лишь одно исключение – курдский язык в начальной школе можно преподавать во внеучебное время. Турецкие коллеги, слабо владея тюркскими языками Российской Федерации и другими языками СНГ, «навязывают» к изучению и употреблению турецкий язык и турецкий алфавит.

В то же время в большинстве российских научных центров, например в крупнейших научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга и Казани, мы видим удачное сочетание подготовки ученых разной направленности: историков и лингвистов, при этом уровень подготовки тюркологов, по крайней мере, в крупнейших научных центрах весьма высокий. Тем не менее в угоду классическим традициям отечественной тюркологии в масштабе всей страны преобладает подготовка филологов, которые фокуси-

² Республика Башкортостан. Başkurdistan Cumhuriyeti (RF) // Türksoy. – Турец. яз. – URL: <https://www.turksoy.org/baskurdistan-cumhuriyeti> (дата обращения: 01.12.2024).

руются исключительно на изучении только турецкого языка и только турецкой литературы. Таким образом, во многих университетах Российской Федерации тюркология сводится к изучению турецкого языка и современной литературы, по сути, – к переводоведению.

С третьей стороны, по-прежнему очень сильный акцент в традиционных отечественных тюркологических центрах делается на историю Турции, а также на рукописное наследие Османской империи. Число студентов-османистов, которые выпускаются профильными ведущими вузами, существенно превышает число предложений от работодателей, и большинство выпускников остаются нетрудоустроенными либо работают не по специальности. Выпускники таких образовательных программ, как «османистика», жалуются на слабое знание современного турецкого языка (по их словам, причина в недостатке часов по современному турецкому языку и сильный «перекос» аудиторной нагрузки в сторону «рукописных» занятий)³ и, как следствие, сложности с трудоустройством по специальности³. Таким образом, приходится констатировать, что в настоящий момент отечественная тюркология в массе своей трудится на благо Турецкой Республики, популяризируя, по сути, изучение турецкого языка и современной турецкой литературы, а также турецкой культуры и истории.

Проблема в том, что современные тюркологические исследования, занимаясь изучением как рукописного, исторического наследия, так и проблем нашего близкого соседа и партнера, Турецкой Республики, часто не учитывают современные геополитические нужды и потребности нашей страны. Так, на многих кафедрах тюркской филологии упор делается на преподавании турецкого языка, турецкой культуры, в то же время не придается никакого значения изучению тюркских языков народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Например, Крым вернулся в состав Российской Федерации уже более 10 лет назад, а в отечественных тюркологических центрах до сих пор не организовано изучение крымско-татарского языка и литературы. Данная тема вообще не включена в канву исследований будущих специалистов-тюркологов. Наследие Крымского ханства исследуется нечасто, в основном исключительно на местах (что крайне ошибочно), и в основном в отрыве от базовой стандартной тюркологической программы. Следовательно, для молодого тюрколога крымско-татарская история, язык, литература российского Крыма остаются «terra incognita». Другой пример связан с народами Дагестана, где преподавание русского языка нередко ведется англоязычными преподавателями РКИ (русский как иностранный), и при этом речь идет о гражданах Российской Федерации. Незнание языков и культур Кавказа уже неоднократно играло роковую роль в истории России. Подобное нежелание владеть информацией о культуре,

³ Автор настоящей статьи проводил интервьюирование студентов СПбГУ, обучавшихся по специальности «османистика» в 2021/2022 уч. г.

языке и, в конце концов, внутреннем устройстве стратегически важного региона нашей страны может привести к серьезным геополитическим потерям в будущем.

Подобное положение дел представляется крайне негативным и критическим, ведь речь идет о языке и культуре коренного народа, проживающего в крупном субъекте Российской Федерации. В этом ряду можно упомянуть и многие другие субъекты Российской Федерации (например, Кавказ, тюркские языки Кавказа), языки которых, как правило, известны в лучшем случае одному-двум специалистам в Москве. Исключительно узким кругом специалистов на местах ограничено в российской тюркологии изучение татарского, башкирского, якутского, чувашского и многих других языков.

Подобная позиция отечественной науки противоречит Указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В п. 4 Указа говорится, что *«Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»*. В п. 5 среди традиционных ценностей перечисляется *«коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»*.

Таким образом, отказываясь от изучения истории и культуры одного из народов России, мы отказываемся от знания богатой истории российского народа в ее полном объеме.

Что мы видим, когда оборачиваемся на историю советской тюркологии? После Октябрьской революции перед отечественными тюркологами, подавляющее большинство которых осталось работать в Советской России, встали задачи большой государственной важности, обусловленные коренными революционными преобразованиями в стране, в том числе на ее южных и восточных окраинах, а также развитием национально-освободительного движения на всем Востоке. Чрезвычайно важной задачей была, в частности, подготовка кадров тюркологов, в том числе национальных, для работы в тюркоязычных республиках и областях Советского Союза⁴. Совершенно забытым в бывших республиках СССР в настоящий момент фактом является то, что собственно изучение тюркологии в советское время в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Азербайджане было организовано специалистами из Москвы и Ленинграда.

⁴ О кафедре тюркской филологии СПбГУ // Кафедра тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ. – URL: <https://turkicstudies.ru/about/> (дата обращения: 29.11.2024).

Таким образом, многие современные филологи и историки из стран бывшего СССР в свое время обучались в крупных советских научных центрах, например в Москве либо в Ленинграде (Санкт-Петербурге), многие из этих выпускников впоследствии стали авторами ряда учебников. Однако в связи с развалом СССР совместное академическое прошлое было забыто, а академические связи утрачены.

* * *

Анализируя современные геополитические вызовы в современном мире, следует признать тот факт, что в России уже несколько десятилетий критически мало специалистов по тюркским странам ближнего зарубежья – по Азербайджану, Киргизии, Казахстану, Узбекистану, так как бытует ошибочное представление, заблуждение, что для диалога со странами Средней Азии достаточно русского языка. Мы недальновидно и ошибочно отказываемся признать тот факт, что русский язык постепенно утрачивает влияние в странах Средней Азии, уступая позиции английскому и турецкому языку. Данная тенденция будет сохраняться и нарастать.

Нежелание замечать эти сдвиги приводит к утрате Россией сфер влияния, которое строится, прежде всего, через межкультурный диалог, образование, воздействие на молодое поколение. Потребность владеть языками стран Средней Азии, вести с этими странами диалог на их языках должна давно быть осознана в Российской Федерации на государственном уровне, а изучение этих языков должно стать государственной программой в отечественной тюркологии.

Для сравнения, в странах Западной Европы и США число специалистов по «постсоветскому» пространству (в числе которых и специалисты по Средней Азии, многие из которых – со знанием как русского, так и любого тюркского языка, также немало специалистов по тюркским языкам субъектов Российской Федерации), подготовленных с начала 1990-х годов, исчисляется сотнями.

Недавно коллеги из ИНИОН РАН провели масштабную работу по исследованию образа России в учебниках по истории Ближнего и Постсоветского Востока. Это знаковое исследование и его результаты получили широчайший резонанс, так как выяснилось, что образ СССР, Российской Федерации в этих учебниках достаточно негативен⁵.

Помочь в разрешении этой ситуации могло бы отечественное востоковедение. Для системной помощи государству требуется глубокая трансформация классического отечественного востоковедения и консолидация специалистов для работы в государственном ключе с учетом интересов Российской Федерации. Важным представляется развитие образователь-

⁵ Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник / отв. ред. Аватков В.А. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – С. 4–7.

ных проектов между странами, молодежных образовательных проектов, построение молодежной политики, развитие международных молодежных образовательных проектов.

Классическое востоковедение в целом (и тюркология в частности) должно совершить перестройку, перестановку, чтобы начать работать на благо страны, а не на благо самого себя.

Список источников и литературы

1. Концепции современного востоковедения. – Санкт-Петербург: КАРО, 2013. – 464 с.
2. О кафедре тюркской филологии СПбГУ // Кафедра тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ. – URL: <https://turkicstudies.ru/about/> (дата обращения: 29.11.2024).
3. Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник / отв. ред. Аватков В.А. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – 155 с.
4. Республика Башкортостан. Başkurdistan Cumhuriyeti (RF) // Türksoy. – Турец. яз. – URL: <https://www.turksoy.org/baskurdistan-cumhuriyeti> (дата обращения: 01.12.2024).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ТУРЦИИ

ЖИГУЛЬСКАЯ Дарья Владимировна

доктор исторических наук, профессор, профессор Института евразийских
и межрегиональных исследований РГГУ

E-mail: dvzhigulskaya@gmail.com

SPIN-код: 4107-8150

ORCID: 0000-0003-3163-4308

ЦВЕТКОВА Арина Сергеевна

студент бакалавриата, Восточный факультет СПбГУ

E-mail: arishatsvetok@mail.ru

ORCID: 0009-0004-1922-6680

Для цитирования: Жигульская Д.В., Цветкова А.С. Центральная Азия и Южный Кавказ в евразийской интеграции Турции // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 20–29. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.03.

Аннотация. В статье проведен анализ эволюции идеи евразийства в Турции с момента распада СССР до настоящего времени и определено место, которое в ней занимают Центральная Азия и Южный Кавказ. Сопоставляя евразийскую концепцию России и Турции, авторы приходят к выводу о том, что современное российское евразийство, нашедшее выражение в том числе и в идее «государства-цивилизации», демонстрирует преемственность классическому евразийству начала XX в. В случае с Турцией дела обстоят иначе: первоначальный энтузиазм Анкары по поводу евразийской интеграции был мотивирован геоэкономическим потенциалом Центральной Азии и Кавказа, а также стремлением найти альтернативу интеграции европейской. Сегодня турецкое евразийство еще более прагматично, обусловлено национальными интересами, политической конъюнктурой и выгодой. Есть все основания утверждать, что оно так и не смогло сформироваться в полноценное идейное течение. Иногда турецкое евразийство удачно встраивается в более широкие и проверенные временем идеологии: примером тому может служить тюркизм.

Методологической основой работы являются принципы объективности и историзма. Разработка этой тематики обладает не только теоретической, но и практической значимостью: в эпоху перестановки геополитических сил на международной арене все большее значение приобретает политика «мягкой силы», к

которой активно прибегает Турция, используя в том числе проект евразийской интеграции как универсальный инструмент для доказательства «исключительного геополитического значения» Турции в глобальной системе международных отношений. Результаты проведенного исследования могут использоваться в работе профильных министерств, ведомств, аналитических центров, а также в учебном процессе высших учебных заведений.

Ключевые слова: Турция, евразийство, евразийская интеграция, постсоветское пространство, геополитика, внешняя политика Турции, Центральная Азия и Кавказ, тюркский мир, тюркизм, поворот на Восток.

Central Asia and South Caucasus in Turkey's Eurasian Integration

Darya V. ZHIGULSKAYA

DSc in History, Professor, Professor of the Institute of Eurasian
and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities

E-mail: dvzhigulskaya@gmail.com

SPIN-code: 4107-8150

ORCID: 0000-0003-3163-4308

Arina S. TSVETKOVA

Undergraduate Student, Faculty of Oriental Studies,
St. Petersburg State University

E-mail: arishatsvetok@mail.ru

ORCID: 0009-0004-1922-6680

For citation: Zhigulskaya D.V., Tsvetkova A.S. (2025). Central Asia and South Caucasus in Turkey's Eurasian Integration. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 20–29. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.03.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the key stages of the development of the Eurasian concept in Turkey, defines the place that Central Asia and the South Caucasus occupy in it. The paper also answers the question of whether Turkey's newly increased interest in Eurasia is a choice in favor of the eastern direction in its foreign policy. The methodological basis of the work is the principles of objectivity and historicism. The development of this topic has not only theoretical, but also practical significance: in the era of the rearrangement of geopolitical forces in the international arena, the policy of "soft power" is becoming increasingly important, which Turkey is actively resorting to, using, among other things, various geopolitical and geo-economic projects, one of which is the Eurasian integration project. However, Turkish Eurasianism, unlike Russian, has not received such development and has not formed original and well-established concepts and provisions. Today the concept of Eurasianism becomes a universal tool in the hands of public figures and politicians who seek to prove Turkey's "exceptional geopolitical importance" in the global system of international relations. The results of the conducted research can be used in the work

of relevant ministries, departments, analytical centers, as well as in the educational process of higher educational institutions.

Keywords: Turkey, Eurasianism, Eurasian integration, post-Soviet space, geopolitics, Turkish foreign policy, Central Asia and the Caucasus, the Turkic world, Turkism, turning to the East.

Распад СССР и окончание Холодной войны в конце 1990-х годов привели к установлению однополярного мира с доминирующей ролью США. Одновременно с этим, образование Европейского союза в 1993 г. стимулировало интеграцию в Европе, а новые независимые государства, появившиеся на постсоветском пространстве, столкнулись с выбором: присоединиться к существующим интеграционным блокам или создать собственный, одним из вариантов которого стал проект евразийской интеграции¹.

Истоки евразийства

Концепция политического понятия «Евразия», а также евразийства тесно связана с русской философской мыслью начала 1920-х годов, корни которой берут начало в идеях и учениях славянофилов². Классическая концепция евразийства рассматривала Россию не как часть Европы, а как сердце уникального геокультурного пространства, основанного на ортодоксальных ценностях. Н.С. Трубецкой, один из основоположников концепции евразийства, утверждал, что сама «жизнь» заменила Россию на «Евразию», отняв у русского народа статус «единственного хозяина государственной территории» на континенте. Из этого следует вывод, что только идея «многонародного единства евразийской нации» может дать Евразии «тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части»³.

Таким образом, евразийцы сформулировали идею России как цивилизации-противовеса и обозначили необходимость формирования территории создания единого культурного содружества⁴.

Преимственность современной евразийской концепции России классической

Здесь необходимо отметить опубликованную Кремлем 31 марта 2023 г. новую Концепцию внешней политики России, в которой наша страна определяется как «государство-цивилизация». Политолог Д.В. Тренин про-

¹ Абрамов С.В. Концепция Евразии в современной политической науке // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 7. – С. 677.

² Там же. С. 678.

³ Там же. С. 679.

⁴ Там же. С. 680.

комментировал это следующим образом: «Это заявка на собственное мировоззрение и систему ценностей, язык и комплекс понятий. Российская цивилизация – сложная и синтетическая, фактически это цивилизация цивилизаций. При этом нужно хорошо понимать, что в российской цивилизации центральную роль играет государство, а точнее сказать, держава, которая “удерживает” все народы и огромные пространства России, создает условия для развития, продвигает ценности цивилизации в условиях междоцивилизационной конкуренции»⁵. Также главным редактором журнала «Россия в глобальной политике» Ф.А. Лукьяновым было отмечено, что «понятие “государство-цивилизация” звучало в документе подобного уровня впервые» и это означает, что «Россия больше не хочет интегрироваться в глобализационные процессы и проекты, в которых объективно доминирует Запад и включение в которые до последнего момента российским руководством признавалось необратимым. Теперь российское руководство считает страну готовой идти к самодостаточности»⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что идея Евразии, зародившаяся более века назад как попытка определить уникальное место России в мире и предложить альтернативу западному порядку, сохраняет свою актуальность и по сей день.

В современной России евразийство представляет собой интеграционный проект, ориентированный, прежде всего, на постсоветское пространство, а центрально-азиатский и кавказский сегмент постсоветского пространства занимает особое положение на геополитической карте Евразии, выступая связующим звеном – своего рода «мостом» – между Европой, Азией и Ближним Востоком и находясь, таким образом, на стыке различных цивилизационных и геополитических систем⁷.

В условиях нынешнего кризиса мировой политики и экономики дружественные страны становятся приоритетным направлением реализации геоэкономической стратегии Российской Федерации, в том числе для преодоления санкционного режима и необходимости создания справедливого баланса сил в Евразии⁸. Кроме того, благодаря положению в качестве центральной силы на евразийском пространстве и богатому историческому опыту взаимодействия с ним, Россия, безусловно, имеет здесь особую роль.

⁵ Данная мысль была озвучена Д.В. Трениным на научно-образовательной программе «Кавказский диалог», которая проходила с 22 по 26 ноября 2023 г. в г. Майкоп, Россия.

⁶ Лакстыгал И. Россия закрепила в концепции внешней политики свое положение как «государства-цивилизации» // Ведомости. – 03.04.2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/03/969174-rossiya-v-kontseptsii-vneshnei-politiki-kak-gosudarstva-tsivilizatsii> (дата обращения: 21.09.2024).

⁷ Аржаев Ф.И. Геоэкономическая стратегия России в Центральной Азии в условиях санкционного давления // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 6. – DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-1.

⁸ Там же.

Возникновение евразийства в Турции

Турция с точки зрения своего геостратегического положения лежит в самом центре Евразии и, соответственно, формально находится в фокусе идеи создания Евразийского союза⁹.

Образование в 1991 г. независимых государств Центральной Азии и Южного Кавказа, основная масса населения которых этнически и в языковом плане была очень близка Турции, а также кризис в отношениях Анкары с Брюсселем стали мощным катализатором¹⁰ для формирования и активизации турецкой политики евразийской интеграции.

Кроме того, благодаря проводимым восьмым президентом Турции Т. Озаль экономическим реформам страна достигла высочайших успехов, что позволило ей превратиться из аграрного в успешно развивающееся аграрно-индустриальное государство. Поэтому турецкий бизнес особенно интересовался энергетическим, торговым и логистическим потенциалом Центральной Азии и Кавказа. Турция стремилась стать их главным партнером: только за первые три года независимости в центрально-азиатские республики Турцией было совершено 1170 официальных визитов и заключено более 140 партнерских соглашений¹¹.

Евразийство как составная часть тюркизма в политике Турции

Премьер-министр Сулейман Демирель активно продвигал идеи евразийства, определяя Евразию как «регион, населенный преимущественно тюрками и простирающийся от Адриатического моря до Великой китайской стены», а президент Тургут Озал, провозгласив XXI век «веком тюрков», выразил тем самым надежды Турции в отношении тюркских республик Центральной Азии и Кавказа¹².

В конце октября 1992 г. состоялся Саммит глав тюркских государств в Анкаре, по результатам которого была подписана Анкарская декларация, заложившая основы многостороннего сотрудничества. Справедливо утверждать, что в ходе этого саммита началось формирование тюркской надыдентичности (*supra-identity*).

⁹ Чифтчи О. Турецкое евразийство. Çiftçi O. Türk Avrasyacılığı // TUIÇ Akademi. – 26.11.2019. – Турец. яз. – URL: <https://www.tuicakademi.org/turk-avrasyaciligi/> (дата обращения: 07.09.2024).

¹⁰ Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 59. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Там же.

Более того, в 1992 г. Турция учредила «Турецкое агентство по сотрудничеству и координации» (ТКА), деятельность которого направлена на взаимодействие тюркских государств в различных социальных сферах, но с главенствующей ролью Турции в этом объединении. В 2011 г. 805 из 1473 проектов в области развития были осуществлены в странах Центральной Азии и на Кавказе¹³.

Осознавая важность общего языка, литературы и культуры для единства тюркских народов, Турция в марте 1993 г. организовала международную конференцию, главной темой которой стала необходимость перехода всего тюркского мира на единый тюркский алфавит на латинской основе. А в июле того же года шесть тюркоязычных стран (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Турция) подписали договор о создании ТЮРКСОЙ – Международной организации тюркской культуры. Из названия следует, что организация занимается проведением мероприятий, направленных на обмен опытом деятелей культуры и науки, на самом же деле ключевым моментом ее деятельности является продвижение идеи «тюркского мира»¹⁴.

Так, несмотря на то, что проводимую в начале 1990-х годов в отношении стран Центральной Азии и Кавказа политику Турции можно было охарактеризовать как евразийскую, позже стало очевидно, что евразийство – это лишь составная часть других более распространенных и четких концепций внешней политики Турции, в частности тюркизма. Ведь даже сам термин «Евразия» остается в Турции не определенным, а ее границы не очерченными, как и пространство, которое должна охватывать евразийская интеграция.

В начале постсоветской эпохи именно тюркизм стал основой внешней политики Турции в отношении новых независимых государств¹⁵. И в отличие от пантюркизма, несущего в себе совершенно отчетливый заряд экспансионизма, тюркизм выглядел более мягкой и мирной идеологией¹⁶, делающей акцент на культурном и духовном единстве тюркского мира, а не на политическом доминировании.

¹³ Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 158.

¹⁴ Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 7. – С. 1383.

¹⁵ Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идеино-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.

¹⁶ Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 61. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.

Прагматизм Турции в «евразийском» проекте

Сулейман Демирель, занявший пост президента после смерти Тургута Озала (1993), продолжил прагматичный подход к тюркизму, видя в нем инструмент для укрепления межгосударственного сотрудничества тюркских стран. Одновременно евразийская интеграция превратилась в стратегию, призванную облегчить вступление Турции в Европейский союз, ведь страна могла стать для Европы «окном в Евразию», через которое и ЕС, и США могли бы эффективнее взаимодействовать со странами постсоветского пространства¹⁷.

Однако, несмотря на большие амбиции Анкары, ее политический и экономический потенциал был весьма ограничен, чтобы сыграть роль ключевого игрока в регионе. По этой причине произошла трансформация турецкого евразийства, и, вместо геополитического, оно приобрело преимущественно геоэкономический характер, фокусируясь на позиционировании Турции в качестве ключевого энергетического узла между Западом и поставщиками энергоресурсов из Центральной Азии и Каспийского региона¹⁸. Целью декларировалось обеспечение политической и экономической независимости республик Центральной Азии и Кавказа от России.

Однако прагматичный подход Турции к евразийскому проекту нашел яркое отражение и в ее стремлении к сближению с Россией, особенно заметное после прихода к власти В.В. Путина в 2000 г. Это привело к очередной переоценке Анкарой евразийской интеграции в своей внешней политике. Евразийство все больше приобретало антизападную окраску и рассматривалось как потенциальный геополитический проект России и Турции¹⁹.

В частности, в ноябре 2001 г. министрами иностранных дел России и Турции был подписан План действий по развитию сотрудничества между Россией и Турцией в Евразии (от двустороннего сотрудничества – к многоплановому партнерству). В документе был сделан акцент на том, что фундаментальные изменения в мире открыли новую стадию в российско-турецких отношениях. Появилась возможность развивать все сферы сотрудничества в атмосфере дружбы и с учетом взаимных интересов. В рамках плана была достигнута договоренность по созданию Совместной рабочей группы высокого уровня для регулярных консультаций с целью улучшения отношений двух стран и распространения их сотрудничества на целый регион Евразии²⁰.

¹⁷ Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 62. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.

¹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ Ходунов А.С. Российско-турецкие отношения в 1991–2010 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2016. – № 4. – С. 97.

Поиск альтернативных трактовок евразийства в Турции – отчасти следствие все возрастающего в то время евроскептицизма, подпитываемого трудностями вступления в Евросоюз и неприемлемыми для Анкары политическими требованиями Брюсселя по курдскому и кипрскому вопросам.

Однако в начале 2000-х годов, когда идеи «евразийского союза» с Россией в Турции приобрели поддержку на самом высоком уровне, в стране произошла смена власти. По итогам парламентских выборов 2002 г. к руководству страной пришла Партия справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом.

Став премьер-министром Турции, Эрдоган инициировал реформы с целью начала переговоров о вступлении страны в Европейский союз, ведь сближение с Западом и интеграция в европейские структуры воспринимались как инструмент развития и модернизации Турции, как способ извлечь экономические выгоды из объединения благодаря, в частности, своему выгодному географическому положению²¹.

В целом можно заметить, что в 1990-х и до 2010-х годов идеи евразийства в Турции переживали сложный и неоднозначный период развития. Они находили отклик в определенных, относительно узких политических кругах, преимущественно в националистической среде, и использовались, скорее, как инструмент для достижения конкретных политических целей, чем как полноценная политическая философия.

Выступая в 2010 г. на форуме Совета по внешнеэкономическим отношениям Турции в Анкаре, глава МИД Турции А. Давутоглу призвал к созданию союза Евразийских государств как платформы для взаимодействия между странами, экспортирующими и импортирующими энергоресурсы. Причем Турции в этом объединении Давутоглу отводил роль «центральной страны», что предполагало определенную систему геополитических координат, которая ставила Ближний Восток и Северную Африку в приоритет, а Центральную Азию – на второй план²². Таким образом, Турция, постепенно расширяя сферу своего влияния на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в регионах Персидского залива, оставила позади риторику «страны-моста» и начала предпринимать шаги в соответствии со своей новой идентичностью – концепцией «страны-центра»²³.

Этот пример наглядно демонстрирует, как евразийство становится частью националистического дискурса. Кроме того, очевидно, что турец-

²¹ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. // Свободная мысль. – 2020. – № 2 (1680). – С. 115–128.

²² Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 68. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.

²³ Чифтчи О. Турецкое евразийство. Çiftçi O. Türk Avrasyacılığı // TUIÇ Akademi. – 26.11.2019. – Турец. яз. – URL: <https://www.tuicakademi.org/turk-avrasyaciligi/> (дата обращения: 07.09.2024).

кое евразийство не находится на том уровне развития, чтобы сформировать отдельную стратегию для страны²⁴.

Многовекторность турецкой внешней политики

Нынешний интерес Анкары к евразийству, с одной стороны, вызывает ощущение «*déjà vu*» 1990-х – начала 2000-х годов, а с другой – является следствием меняющейся геополитической картины мира. Растущий глобальный интерес к Евразии в ней обусловлен ее экономическим потенциалом: регион объединяет динамично развивающиеся экономики, ключевых поставщиков энергоресурсов и перспективные рынки²⁵.

Турция активно взаимодействует со странами Центральной Азии и Южного Кавказа, используя разнообразные инструменты влияния. Это включает в себя работу государственных и негосударственных структур, деятельность культурных центров и образовательных программ, а также апеллирование к этнической, языковой и религиозной общности²⁶, что свидетельствует об актуальности тюркистских идей. Активное сотрудничество Турции и Азербайджана и развитие Организации тюркских государств (ОТГ) на данном этапе также нельзя оставить незамеченными. В частности, 6 ноября 2024 г. в Бишкеке состоялась 11-я встреча глав государств ОТГ на высшем уровне. В рамках саммита были приняты такие решения, как: Устав тюркского мира, меморандум о создании Совета тюркских центральных банков, меморандум о взаимопонимании относительно разработки Большой тюркской языковой модели ОТГ, соглашение о создании Механизма гражданской защиты ОТГ.

* * *

Ergo, «поворот на Восток» не означает выбор между Западом и Востоком для Турции, а скорее отражает стремление ее руководства к многовекторной и более гибкой внешней политике. Однако тюркские республики Центральной Азии и Кавказа как были, так и останутся одним из приоритетных направлений ее деятельности на международной арене. Турецкое

²⁴ Чифтчи О. Турецкое евразийство. Çiftçi O. Türk Avrasyacılığı // TUIÇ Akademi. – 26.11.2019. – Турец. яз. – URL: <https://www.tuicakademi.org/turk-avrasyaciligi/> (дата обращения: 07.09.2024).

²⁵ Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1. – С. 127. – DOI: 10.31249/ape/2020.01.06.

²⁶ Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой республики в рамках современной системы международных отношений: специальность 23.00.04: дис. ... д-ра полит. наук / Аватков Владимир Алексеевич; науч. рук. Каширина Т.В.; Дипломатическая академия МИД России, 2020. – С. 117.

евразийство при этом, не будучи оформившимся в монолитную, идейно завершенную концепцию, время от времени встраивается в другие идеологии (например, тюркизм) исключительно в прагматических целях.

Список источников и литературы

1. Абрамов С.В. Концепция Евразии в современной политической науке // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 7. – С. 677–685.
2. Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой республики в рамках современной системы международных отношений: специальность 23.00.04: дис. ... д-ра полит. наук / Аватков Владимир Алексеевич; науч. рук. Каширина Т.В.; Дипломатическая академия МИД России, 2020. – 387 с.
3. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. // Свободная мысль. – 2020. – № 2 (1680). – С. 115–128.
4. Аржаев Ф.И. Геоэкономическая стратегия России в Центральной Азии в условиях санкционного давления // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 5–15. – DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-1.
5. Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 7. – С. 1381–1385.
6. Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идейно-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.
7. Лакстыгал И. Россия закрепила в концепции внешней политики свое положение как «государства-цивилизации» // Ведомости. – 03.04.2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/03/969174-rossiya-v-kontseptsii-vneshnei-politiki-kak-gosudarstva-tsvivilizatsii> (дата обращения: 21.09.2024).
8. Сафонкина Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 145–166.
9. Ходунов А.С. Российско-турецкие отношения в 1991–2010 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2016. – № 4. – С. 85–110.
10. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 58–76. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.
11. Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1. – С. 110–135. – DOI: 10.31249/ape/2020.01.06.
12. Чифтчи О. Турецкое евразийство. Çiftçi O. Türk Avrasyacılığı // TUIÇ Akademi. – 26.11.2019. – Турец. яз. – URL: <https://www.tuicakademi.org/turk-avrasyaciligi/> (дата обращения: 07.09.2024).

**ТУРЦИЯ И РОССИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ
И ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ:
ДИАЛЕКТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА И КОНКУРЕНЦИИ
ДЕРЖАВ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

ИРХИН Александр Анатольевич

доктор политических наук, профессор кафедры
политических наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
E-mail: alex.irhin@mail.ru
SPIN-код: 7399-0942
ORCID: 0000-0001-7895-550X

МОСКАЛЕНКО Ольга Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Теория и практика перевода и зарубежная филология»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
E-mail: kerulen@bk.ru
SPIN-код: 2703-2615
ORCID: 0000-0002-4162-3162

ДЕМЕШКО Наталья Эдуардовна

кандидат политических наук, доцент кафедры
«Социально-философские и политические науки»
Института общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
E-mail: natalidem93@mail.ru
SPIN-код: 5312-9118
ORCID: 0000-0002-9620-2410

Для цитирования: Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. Турция и Россия в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье: диалектика сотрудничества и конкуренции держав в меняющемся мире // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 30–49. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.04.

Аннотация. Российско-турецкие отношения в формирующейся системе международных отношений выходят далеко за рамки двустороннего взаимодей-

ствия и являются отражением сложной и многоуровневой подсистемы международных отношений с внешними и внутренними переменными. В Черноморском или расширенном Черноморском регионе (включая Армению и Азербайджан) и регионе Восточного Средиземноморья Россия и Турция являются соперниками и партнерами (но не союзниками) по всему ряду вопросов регионального и глобального взаимодействия. Ситуация с Астанинским форматом и генезисом сирийского конфликта свидетельствует именно об этом. Цель публикации – исследование современных тенденций двусторонних отношений России и Турции и геостратегии двух держав в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья.

Авторы приходят к заключению, что Турция интегрирована в западную систему сдерживания России в Черноморском регионе, в то же время обладает здесь существенной внешнеполитической автономией от своих западных союзников, что авторы помещают в геостратегическую логику «турецкого баланса». Она предполагает существенную сферу партнерских отношений с РФ, но не отменяет двойственность и наличие пространства турецко-российской конфронтации в расширенном Черноморском регионе, которая через него проецируется на постсоветскую Среднюю Азию. В регионе Восточного Средиземноморья западные союзники Турции создали условия для сдерживания уже Анкары в логике двойного сдерживания соперников и союзников. Поэтому перенесение логики «турецкого баланса», предполагающей противопоставление Анкарой внешнеполитической активности России Западу, а западной экспансии – мощи России, на Восточное Средиземноморье с Чёрного моря является функциональным для Турции. Смещение сложившегося равновесия между двумя державами в последние десятилетия чревато их втягиванием в прямой военный конфликт.

Ключевые слова: Турция, Россия, Черноморский регион, Восточное Средиземноморье, сотрудничество, конфликт, «турецкий баланс».

Turkey and Russia in the Black Sea Region and Eastern Mediterranean: Dialectics of Cooperation and Competition of Powers in a Changing World

Aleksandr A. IRKHIN

DSc in Political Science, Professor of Political Science
and International Relations Department, Crimea Federal University

E-mail: alex.irhin@mail.ru

SPIN-code: 7399-0942

ORCID: 0000-0001-7895-550X

Olga A. MOSKALENKO

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory
and Practice of Translation and Foreign Philology, Sevastopol State University

E-mail: kerulen@bk.ru

SPIN-code: 2703-2615

ORCID: 0000-0002-4162-3162

Natalia E. DEMESKO

PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Social and Political Science and Philosophy, Sevastopol State University

E-mail: natalidem93@mail.ru

SPIN-code: 5312-9118

ORCID: 0000-0002-9620-2410

For citation: Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. (2025). Turkey and Russia in the Black Sea Region and Eastern Mediterranean: Dialectics of Cooperation and Competition of Powers in a Changing World. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 30–49. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.04.

Abstract. In the emerging system of international relations, Russian-Turkish relations go far beyond bilateral interaction and reflect a complex and multi-layer subsystem of international relations with external and internal variables. In the Black Sea region or extended Black Sea region (including Armenia and Azerbaijan) and the Eastern Mediterranean region, Russia and Turkey are rivals and partners (but not allies) on a whole range of issues of regional and global interaction. The situation with the Astana format and the genesis of the Syrian conflict has testified to this. The purpose of the research is to study the current trends in bilateral relations between Russia and Turkey and the geostrategy of the two powers in the Black Sea region and the Eastern Mediterranean region.

The authors come to the conclusion that Turkey is integrated into the Western system of containing Russia in the Black Sea region, while at the same time it has significant foreign policy autonomy from its Western allies, which the authors place within the geostrategic logic of the “Turkish balance”. This implies a significant sphere of partnership with the Russian Federation, but does not negate the duality and existence of Turkish-Russian confrontation in the wider Black Sea region, which is projected through it to post-Soviet Central Asia. In the Eastern Mediterranean region, Turkey’s Western allies have created conditions for containing Ankara in the logic of double containment of rivals and allies. Therefore, the transfer of the logic of the “Turkish balance” (which assumes Ankara’s opposition of Russia’s foreign policy activity to the West and opposition of Western expansion to Russia’s power) to the Eastern Mediterranean from the Black Sea is functional for Turkey. The shift in the established balance between the two powers in recent decades is fraught with their being drawn into a direct military conflict.

Keywords: Turkey, Türkiye, Russia, Black Sea region, Eastern Mediterranean, cooperation conflict, Turkish balance.

Современные двусторонние российско-турецкие отношения – это сложный комплекс политико-экономических противоречий и сотрудничества, который имеет узкий, но более чем значимый аспект в форме черноморского пространства совместных интересов и баланса двух держав в чрезвычайно важном с точки зрения национальной безопасности регионе и для Москвы, и для Анкары. Баланс сложился после подписания Конвенции Монтрё в 1936 г., пережившей две мировых войны – Вторую мировую и холодную войну. Это равновесие также выходит за пределы Черномор-

ского региона и может быть, с одной стороны, охарактеризовано как пространство геополитических противоречий, которое уравнивается более масштабными вызовами со стороны более мощных нечерноморских держав и их союзников – с другой; и довольно активными экономическими отношениями, развитие которых несколько компенсирует первый фактор двустороннего, в основе своей конкурентного взаимодействия. Восточное Средиземноморье является критическим регионом прежде всего для Турции, однако для России он также важен с точки зрения выхода к южным морям и океаническому пространству.

Зеркалом российско-турецкого взаимодействия является стремление Турецкой Республики войти в БРИКС, не ставя под сомнение свое членство в евро-атлантических структурах: стать частью коллективного Незапада, оставаясь в авангарде коллективного Запада.

Цель публикации заключается в исследовании современных тенденций двусторонних отношений России и Турции и геостратегии двух держав в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья.

Методология исследования основана на применении геополитического и цивилизационного подходов. Авторы также вводят в качестве методологических подходов, раскрывающих суть внешнеполитической логики двух держав, понятия «*турецкий баланс*» и «*имперский детерминизм*», иначе – «имперская предопределенность», которые объясняют логику формирования и реализации внешней политики. Под «турецким балансом» авторы понимают механизм внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, который нацелен на встраивание в логику и алгоритмы внешнеполитических балансов более сильных держав с взаимным их противопоставлением и дальнейшим уравниванием, что позволяет Турции получать максимальные геоэкономические и геополитические дивиденды в рамках обозначенной динамической системы^{1,2}.

«Имперская предопределенность» рассматривается исследовательским коллективом как набор качественных и количественных характеристик национально-ориентированной элиты и государственного пространства, которые воспроизводят стремление к ряду параметров, отражающих сущность имперского проекта сильного государства, от которого не так легко отказаться, в противном случае элита, стремящаяся уйти с дороги имперской судьбы, должна будет выбирать между империей и полным исчезновением государства.

¹ Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.

² Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / отв. ред. Ирхин А.А. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – С. 83–84.

С точки зрения методологии географического детерминизма Турецкую Республику следует определить как полуостров между бассейнами Средиземного и Чёрного морей, что создает объективные предпосылки для геостратегии турецкой элиты по объединению Черноморского региона и региона Восточного Средиземноморья в единое геополитическое пространство. Фланговые позиции современной Турции растянулись от Балкан до Кавказа, что в полной мере обосновывает целостность рассмотрения данного геополитического пространства именно в такой проекции. Россия после выхода к черноморским берегам 250 лет назад по итогам Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., заключенного между Российской и Османской империями, – вступила в конкуренцию за устойчивое присутствие в Чёрном море, а через Черноморские (Турецкие) проливы стремится оказывать влияние на соотношение экономических интересов и военно-политических сил в Средиземноморье и Мировом океане. Новороссия как экономический регион Российской империи была ориентирована на геополитический синтез степи и береговой линии с выходом в Средиземноморье, что экономически укрепляло южный вектор экспансии Российской империи, соединяя геополитическую и геоэкономическую логики русских царей. Выращивание и экспорт зерновых культур через черноморские порты в страны Средиземноморья отражало экономическую оправданность данной экспансии.

Черноморский регион и Восточное Средиземноморье могут быть объединены в один регион с учетом морских коммуникаций и интересов главных региональных и геополитических субъектов Черноморского региона – Турции и России³. Однако в логике политического реализма необходимо признать, что в Восточном Средиземноморье, конкуренция с соперниками, список которых открывают региональные игроки: Греция, Израиль, Республика Кипр и западно-средиземноморская держава Франция – для Турции выше, чем в регионе Черного моря, где Турция обладает значительной автономией и военно-политической субъектностью благодаря контролю над Черноморскими проливами⁴ и ограниченному, однако, определяющему для региона сотрудничеству с Россией. Присутствие России в Восточном Средиземноморье позволяет Турции перенести механизмы «турецкого баланса» с Черноморского региона на Восточное Средиземноморье. С учетом большого количества региональных соперников и

³ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

⁴ Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.

глобальных противоречий этот механизм усложняется, однако он вполне жизнеспособен, что показывает пример существования на ограниченном временном отрезке Астанинского формата и, по сути, коалиционного участия Турции, России и Ирана в сирийском кризисе, к сожалению, после падения режима Асада, ушедшего в прошлое.

Для Турции эти регионы, с учетом береговой линии Республики (соотношение береговой линии и сухопутной границы современной Турции составляет почти один к трем в пользу морской, а черноморская часть береговой линии составляет почти четверть общей береговой линии Турции, почти такую же протяженность имеет средиземноморская береговая линия Турции⁵), связаны с первостепенными национальными интересами вокруг проливов Босфор и Дарданеллы, свободного доступа в Средиземноморский бассейн и обеспечением стабильного развития своего «заднего двора» от Кавказа (а, возможно, и Центральной Азии) до Стамбула. Центральной позицией в этих флангах опять становятся Черноморские проливы и вопросы контроля над ними.

Для России Черноморский регион и Восточное Средиземноморье формируют систему геополитических проблем, связанную с безопасностью российского Черноморского побережья, через которое в периоды относительной слабости враждебные военно-морские силы могут проникнуть вглубь страны, а также обеспечивающего России выход и экспансию в Средиземноморский бассейн и дальше в мировой океан, когда держава находится в устойчивом положении.

Самый простой прибрежный принцип определения Черноморско-Восточно-Средиземноморского региона позволяет выявить следующие границы и государства, входящие в него. Черноморский регион: Россия, Турция, Украина, Румыния, Болгария, Грузия, Молдова. Восточное Средиземноморье: Греция, Египет, Сирия, Ливан, Ливия, Израиль, Турецкая Республика Северного Кипра, Республика Кипр; и критические водные коммуникации: Черноморские проливы и Суэцкий канал. Такого понимания границ региона и будут придерживаться авторы.

Россия в XX столетии пережила две геополитические катастрофы: развал Российской империи и СССР. Большевики сумели быстро пересобрать империю на новых смыслах социальной справедливости. Кстати, Турция пережила похожий сценарий примерно в это же время, но попытки возвращения к имперскому (державному) статусу начинаются только после прихода к власти Партии справедливости и развития. Однако тогда в первые два десятилетия XX в. геополитические катастрофы для двух бывших империй сблизили кемалистскую Турцию и ленинскую Россию, что и закреплялось в Московском договоре от 1921 г., известном также как Договор о дружбе и братстве.

⁵ Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / отв. ред. Ирхин А.А. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – С. 83–84.

За последние 200 лет каждый раз ослабление или фрагментация территории исторической России были связаны с потерей позиций (Крымская война) или большей части Черноморского побережья (Первая, Вторая мировые войны и итоги холодной войны) и последующей борьбой за их возвращение.

Так, в период между 1991 и 2014 гг. черноморская береговая линия Российской Федерации критически сократилась. Без Крымского полуострова длина береговой линии России в Чёрном и Азовском морях составляла 750 км: в Краснодарском крае – 550 км, в Ростовской области (Таганрогский залив) – 200 км. Воссоединение с Крымом в 2014 г. удлинит протяженность береговой линии до 2500 км. Напротив, протяженность береговой линии отколовшейся в 1991 г. Украины до 2014 г. составляла 2782 км, после 2014 г. – 2032 км; после превращения Азовского моря во внутреннее море России протяженность береговой линии украинского государства уменьшилась еще на 1000 км, а протяженность береговой линии России в Чёрном море и Азовском увеличилась к 2023 г. по сравнению с периодом с 1991 по 2014 г. на 1800 км⁶. В случае вытеснения Черноморского флота Российской Федерации из Крыма в 2014 г., очевидно, включился бы «эффект домино» по полному вытеснению РФ из Чёрного моря, что поясняет логику принятия политических решений В.В. Путиным⁷.

Взаимодействие России и Турции в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья может быть охарактеризовано через три уровня двусторонних отношений.

На первом, несмотря на разницу в восприятии своих национальных интересов в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья, Россия и Турция обладают схожим пониманием современной системы безопасности в Черноморском бассейне, сложившейся после подписания в 1936 г. Конвенции Монтрё, и частично эта логика переносится в регион Восточного Средиземноморья, где, однако, Турция имеет более обостренное восприятие вызовов и угроз вследствие непосредственной приближенности и вовлеченности своего западного фланга в проблемы Восточного Средиземноморья, значительной частью которого является сама Республика. Этот кондоминиум складывается, пока есть стремление более сильного игрока или блока проникнуть в Черноморский регион и «вскрыть» его для своих нерегиональных интересов.

На втором уровне Россия и Турция имеют значительные противоречия на этом же пространстве. Турция не заинтересована в каком бы то ни было изменении границ после развала СССР, если, конечно, это не связано с ее экспансией или разрешением конфликтов в интересах ее союзников, например Азербайджана. Столкновение Тюркского (Турец-

⁶ Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / отв. ред. Ирхин А.А. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – С. 95.

⁷ Там же. С. 250.

кого) и Русского миров на этом пространстве уже вполне получает не только идеологическое, но и геополитическое измерение⁸.

На третьем уровне этого механизма сотрудничества и конкуренции России и Турции существуют взаимные попытки использовать экспансию каждого актора против своего потенциального конкурента: например, Турция противопоставляет России Запад, а Западу – Россию; в то же время России в условиях временной слабости выгодно присутствие в центральноазиатских республиках турецкого фактора, который несколько уравнивает китайское доминирование в некогда заповедной российской сфере влияния. Однако такая политика лавирования может проводиться только в краткосрочной перспективе, иначе она чревата потерей собственных позиций.

С началом специальной военной операции Черноморский регион превращается в зону конфликта между Россией и Украиной, а потенциально – между НАТО и Россией. Однако позиция Турции по перекрытию Проливов со ссылкой на 19 статью Конвенции Монтрё подтвердила региональное равновесие, система координат которого сложилось после 1936 г.⁹ В то же время противостояние России и Украины на морском театре военных действий привело к чувствительным потерям и заставило РФ вывести часть флота из Севастополя.

Турция реализует в Черноморском регионе внешнеполитическую логику балансирования в рамках введенной авторами концепции «турецкого баланса» как внешнеполитической логики уравнивания и гибкого балансирования между глобальными и региональными акторами с постоянным повышением своей региональной роли и статуса: на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморском регионе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

В Черноморском регионе «турецкий баланс» направлен на сохранение силового *status quo*, установившегося после 1991 г. Дезинтеграция СССР сформировала благоприятную политическую ситуацию для державного возрождения Турции, когда по периферии турецких границ появились государства слабее самой Турции (исключая Иран), сформировав естественный буфер безопасности для Анкары. Поэтому сохранение сложившегося после 1991 г. равновесия на постсоветском пространстве путем консервации существующих межгосударственных границ является одной

⁸ Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России // Регионоведение. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 22. – DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030.

⁹ Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.

из ключевых задач Турции¹⁰. Из этой логики следует, что нарушение данной политической географии любой из держав или коалиций не в интересах Турции, и Анкара будет всячески противодействовать этому процессу.

Однако, как представляется, логика обозначенного «турецкого баланса», хоть и подразумевает общую цель – достижение своих национальных интересов для Турции и России в Восточном Средиземноморье, но основана на иных условиях реализации, чем в Черноморском регионе. Восприятие Турцией Восточного Средиземноморья можно пояснить в понятной для нас терминологии «ближнего зарубежья», каковым для нас является пространство постсоветской Средней Азии и Закавказья (для Анкары логика обратная), в свою очередь для России здесь в настоящее время необходима логика присутствия с желательным формированием благоприятного баланса сил в регионе.

С середины 2000-х годов бассейн Восточного Средиземноморья превратился в ключевую арену, на которой проявляются глобальные геополитические тенденции. За последние два десятилетия наличие мощных и слабых государств в сочетании с географическим положением между беспокойными и стабильными регионами привлекло значительный региональный и глобальный интерес¹¹.

В результате за последние два десятилетия бассейн Восточного Средиземноморья, согласно тезисам доклада британского «Международного института стратегических исследований» (IISS) конца 2023 г., получил следующие ключевые характеристики:

- место крупных, сложных гражданских войн и межгосударственных конфликтов, ни один из которых не разрешен, и все они сохраняют значительный потенциал для последующего обострения;
- главная арена геополитической и идеологической конкуренции со времен «арабской весны» 2011 г.;
- канал, по которому внешние эффекты нестабильности и конфликтов на Ближнем Востоке и в Сахеле, а именно терроризм и миграция, достигли Европы и способны дестабилизировать ее;
- пространство, отмеченное политическим вакуумом безопасности после ослабления внимания Соединенных Штатов к Ближнему Востоку;
- испытательный полигон и возможность для глобального возрождения России и ее нового вызова Западу;

¹⁰ Aktürk Ş. Turkey's Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal // *Perceptions: Journal of International Affairs*. – 2020. – Vol. 25, № 2. – P. 152–177.

¹¹ Strategic Dossier Preview: Turbulence in the Eastern Mediterranean: Geopolitical, Security and Energy Dynamics // IISS. – November 2023. – URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/strategic-dossier-preview-turbulence-in-the-eastern-mediterranean> (дата обращения: 08.12.2024).

- получатель китайских инвестиций в инфраструктуру в рамках инициативы «Один пояс, один путь»;
- регион, в котором появились две ревизионистские мировые средние державы – Турция и Иран, которые имеют потенциал вывести свое влияние за рамки региона. Хотя Иран не имеет непосредственного выхода к Средиземному морю, его влияние через Сирию, Ливан и конфликт с Израилем делают его активным игроком в Средиземноморском регионе;
- регион, где арабские государства Персидского залива демонстрируют настойчивость в своем стремлении к глобальному влиянию;
- перспективный, но оспариваемый и предварительный путь для создания новых конкурирующих межконтинентальных энергетических и геоэкономических коридоров¹².

Дополним, что:

- Восточное Средиземноморье вместе с Черноморским регионом охвачены военным конфликтом. Эти районы мировой политики являются двумя из трех ключевых регионов мира наряду с Восточной и Юго-Восточной Азией, которая также близка к превращению в новый очаг мировой войны, где развернется основной ее театр военных действий, исходя из логики «ловушки Фукидида»;
- основные противоречия в Восточном Средиземноморье формируют два конфликта: греко-турецкие противоречия и арабо-израильский конфликт. И первый, и второй являются результатом двух последних мировых войн – Первой и Второй мировых войн;
- в регионе существуют исторически сложившиеся парные противоречия, которые идеально подходят для механизма дистанционного управления регионом в механизмах «британского баланса» сил: евреи и арабы, арабы и персы, мусульмане и христиане, турки и арабы, турки и евреи, турки и персы, курды и все остальные (арабы, иранцы, турки), шииты и сунниты, русские и турки и далее по этой логике;
- регион со второй половины XIX в. является зоной конкуренции империй (великих держав).

Турция проводит достаточно активную политику в тех регионах мира, которые рассматривает как попадающие в сферу ее геополитических интересов. С одной стороны, такая внешняя политика напрямую связана с личностью Р.Т. Эрдогана, с другой – она опирается на определенную идеологию, в том числе неоосманизма и пантюркизма, которые носят ярко наступательный характер. Доктринальное оформление этой идеологии применительно к морским пространствам вылилось в разработку кон-

¹² Strategic Dossier Preview: Turbulence in the Eastern Mediterranean: Geopolitical, Security and Energy Dynamics // IISS. – November 2023. – URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/strategic-dossier-preview-turbulence-in-the-eastern-mediterranean> (дата обращения: 08.12.2024).

цепции «Голубая Родина», обосновывающей притязания Анкары на те или иные акватории¹³.

Российский исследователь П.А. Гудев также четко отмечает, что основой турецкого подхода в данной акватории Мирового океана является не международное право, а собственное видение в отношении применения и интерпретации тех или иных международных конвенционных норм: «В районе Восточного Средиземноморья, где пересекаются интересы не только Турции и Греции (в отношении пространств и акваторий Эгейского моря: Республики Кипр, Израиля, Сирии, Египта, Ливана и др.), но и Турции и внерегиональных держав (США, стран – членов ЕС и НАТО, РФ и все больше Китая), подход официальной Анкары по защите своих национальных интересов непосредственно опирается на определенную историческую практику и позиционирование, которое не всегда соответствует действующим нормам и положениям международного, прежде всего, морского права. Однако для Анкары в вопросе выбора, что является более важным – международное право или же критерий справедливости – именно последний рассматривается как единственно верный»¹⁴. И суть этих противоречий в том, что национальный турецкий подход опирается на 6-мильную границу вокруг островов в Эгейском море, а греческий взгляд на эту проблему отражает современный международный 12-мильный подход.

Кипрский ученый Н. Мудурос приводит такое событие: 29 октября 2019 г. на церемонии, посвященной годовщине основания Турецкой Республики командующий фрегатом «Гёкчеада» Энгин Агмыш заверил президента Турции Р.Т. Эрдогана, что турецкие военные «готовы выполнить любой приказ и защитить каждый сантиметр 462 тыс. квадратных километров нашей «Голубой Родины». Заявление это символично тем, что показывает привязку «Голубой Родины» к дате создания современного турецкого государства и турецкие претензии на конкретные географические границы региона Восточного Средиземноморья¹⁵.

К настоящему времени у Турции сложилось свое видение того, какие морские зоны суверенитета и юрисдикции существуют у нее не только в Чёрном, но и в Средиземном море, включая Эгейское. Правда, здесь необходимо понимать, что береговая линия вокруг Крымского полуострова и далее пришла в движение вследствие проведения Россией специальной военной операции, что пока не признается Анкарой, но в других районах Черного моря морские границы Турции улажены и согласованы в рамках серии двусторонних соглашений с Болгарией и СССР в

¹³ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / отв. ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – С. 61.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 108.

1970–1980-х годах. Напротив, в Средиземноморском бассейне у Турции нет никаких договоренностей ни с Грецией, ни с Кипром, ни с Сирией¹⁶.

С учетом закрытости турецких доктринальных документов необходимо выделить две концепции внешнеполитической активности Анкары на море и суше, которые в целом отражают цели и задачи современной Турции в меняющемся мире: это уже упомянутая «Голубая Родина» и концепция «Турецкий мир», иначе называемая концепцией Тюркского мира¹⁷. Если первая является отражением турецкой морской экспансии, то вторая – комплексной сухопутной активной политики.

Можно говорить о том, что в основе принятия турецкой элитой фундаментальных внешнеполитических решений, лежат определенные, комплексы, сформированные географией и историей. После того как был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, Россия и Турция стали центром обеспечения стабильности Черноморского региона – с незначительной паузой на период с окончания Крымской войны и до Циркулярной депеши князя А.М. Горчакова 1870 г. главным подписантам Парижского мира. Две исторические травмы сформировали внешнеполитическую логику Турции в Черноморском регионе. Первая – русско-османские войны XVIII–XIX вв., доказавшие силу России в регионе и заставившие учитывать подавляющую мощь России в этой части мира, а региональные государства сотрудничать с ней. Вторая лежит в глубоко укоренившемся недоверии Турции к странам Запада, так называемом «севрском синдроме». Угроза быть преданными и ослабленными Западом, звучит у турецких националистических и консервативных партий, даже входящих в правительственную коалицию^{18,19}.

Современная турецкая государственность сформировалась как итог Первой мировой войны, Севрского мирного договора 1920 г., национально-освободительного движения и Лозаннского мира 1923 г. Тогда эти шаги стали компромиссом между стремлением коллективного Запада отставить от Османской империи небольшое марионеточное государство и борьбой турецкого народа вместе с генералами за жизненное пространство нового национального турецкого государства. В течение XX в. Турции приходилось лавировать между Западом и Востоком, между «севрским

¹⁶ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / отв. ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – С. 71.

¹⁷ Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 153–182. – DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182.

¹⁸ Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.

¹⁹ Gaber Ye. Turkey's Black Sea Policy: Between "Russian Lake" and "NATO's Backyard" // UA: Ukraine Analytica. – 2020. – Vol. 19, № 1. – P. 44.

синдромом» и «русской угрозой», преодолевая ощущение одиночества и осадного положения турецкой элиты.

После распада СССР Турция получила возможность перейти к наступательной внешней политике. А на фоне временной слабости России, занятой в специальной военной операции, Турция начала активно возвращать свои имперские сферы влияния в Причерноморье. Причем, хотя «увязание» России в СВО на Украине только усиливает региональные позиции Турции, появляется угроза обрушения «турецкого баланса» из-за растущего давления США на Турецкую Республику, цель которого – проход ВМС НАТО в Черное море. Иными словами, чрезмерное ослабление России противоречит логике «турецкого баланса», в рамках которого Россия служит противовесом Западу в Черноморском регионе²⁰.

В рамках политического реализма существуют две противоположные точки зрения на позицию Турции по возвращению Россией Крыма. Первая состоит в том, что Турция была не заинтересована в воссоединении, так как на протяжении трех десятилетий инвестировала в Крым и крымских турок²¹. Вторая допускает заинтересованность Турции в воссоединении Крыма с Россией, так как остальные варианты для нее оказались бы еще хуже. Например, после Кючук-Кайнарджийского мирного договора с точки зрения разделения сфер влияния в Чёрном море для Турции и России ничего не менялось. А вот после вытеснения Черноморского флота РФ из Крыма появление американских ВМБ баз на территории Крыма становилось неизбежным, что абсолютно разрушало бы региональный баланс и логику Чёрного моря как «гарема султана», которым после 1774 г. Турция готова была делиться только с Россией. Кроме того, в случае расширения присутствия коллективного Запада в Черном море, Турции, скорее всего, будет нанесен урон, соотносимый с «новым Севрским миром». Такова геополитическая логика западной цивилизации.

И если после подписания Конвенции Монтрё 1936 г. Турция получила значительную автономию в Причерноморье, то в Восточном Средиземноморье столкнулись пока что греческие и турецкие претензии на значительные водные пространства. Как отмечает российский исследователь П.А. Гудев: «...Катализатором столкновения греческих и турецких проектов обустройства Восточного Средиземноморья стала так называемая “Севильская карта”, на которой было показано, какие морские зоны должны иметь в Восточном Средиземноморье Республика Кипр и Греция.

²⁰ Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.

²¹ Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 348–363. – DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363.

Для Турции самым неприемлемым стало то, что греческий остров Кастелоризо, находящийся в непосредственной близости от турецкого берега, при формировании внешних границ своих ИЭЗ и КШ позволяет этим зонам сомкнуться с идентичными зонами Республики Кипр»²². Это прямо противоречит изначально турецкой позиции, что острова не могут обладать правом на формирование расширенных морских зон, за исключением территориального моря». Турецким ответом стала концепция «Голубая Родина» турецкого адмирала Джема Гюрдениза.

Архитектура безопасности, сырьевая и военно-политическая подоплека конкуренции за воды региона Восточного Средиземноморья для Турции могли бы означать, что активная и успешная борьба со стороны западной части Черноморских проливов возможна при существовании военно-политического тыла в виде спокойных вод Чёрного моря и полузакрытого режима, сформированного Конвенцией Монтрё. Однако восточный – кавказский – фланг Турции и специальная военная операция России на Украине, от исхода которой зависит развитие евразийского Хартленда, делает реализацию такого подхода в политике для Анкары проблематичным. Приходится одновременно реализовывать и свою активную позицию на полях СВО, и в более восточном направлении в рамках сухопутной экспансии логики Тюркского мира. В то же время концептуальная карта «Голубой Родины» предполагает турецкую зону национальных интересов в южном и центральном Причерноморье, очевидно учитывая исторически сложившуюся сферу интересов России в северном и центральном Причерноморье.

Логика же России до февраля 2022 г. лежала в сохранении *status quo* после развала СССР, включая сохранение за собой Севастопольской военно-морской базы и, следовательно, позиций на Чёрном море и остаточных геополитических возможностей после распада Советского Союза, который обеспечивал бы влияние в Восточном Средиземноморье с желательным для себя формированием благоприятного баланса сил. Однако когда В. Путину стало понятно, что «консервация» геополитических возможностей России в Чёрном море не входит в планы западной политики, он начал специальную военную операцию.

Для России черноморская геополитическая формула выглядит следующим образом. Во-первых, невозможно сохранить Кавказ без сохранения контроля над Крымом и, следовательно, без Северного Причерноморья. Во-вторых, потеря Крыма и Кавказа включит «эффект домино» по распаду Российской Федерации по линии тех территорий, которые присоединил еще Иван IV, и которые сформировали для Московского царства условия перехода в статус империи: Казани и Астрахани. Для Турции черноморская геополитическая формула состоит в выборе между Чёрным

²² Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / отв. ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – С. 71.

морем как «русским озером» и новым Севрским миром, и, по сути, Конвенция Монтрё 1936 г. формирует оптимальные условия лавирования между этими вариантами.

Как-то в 1945 г. при очередных попытках получить от западных союзников хоть какой-то средиземноморский уголок (речь шла о базе Триполитании) для СССР В. Молотов подметил: «В Черноморских проливах нас хотят держать за горло руками турок»²³. Но после передачи островов Греции в Эгейском море в 1947 г. (Архипелаг Кастеллоридзо) турок в этой логике «держат за горло» в Восточном Средиземноморье руками греков. Таким образом, британцами и американцами созданы условия двойного сдерживания и своих противников, и своих союзников.

Главные державы западной цивилизации – США и Великобритания – пытаются пересмотреть Конвенцию Монтрё 1936 г.²⁴ Отдельным исследовательским вопросом являются причинно-следственные связи принятия Конвенции в 1936 г. Что заставило Великобританию и Францию, как главных держателей Версальско-Вашингтонской системы, позволить пересмотреть либеральный (открытый) режим Черноморских проливов, установленный на Лозаннской конференции, в пользу полузакрытого режима, ведь первый был им чрезвычайно выгоден? По мнению авторов, выдвижению и разработке статей нового пропускного режима Проливов, при котором региональные черноморские державы имели преимущества над нерегиональными, способствовала внешнеполитическая активность Италии в первой половине XX в., вплоть до ее поражения во Второй мировой войне.

Независимо друг от друга это направление внешней политики и экспансии Италии, в том числе, интеллектуальной, разрабатывали такие исследователи как Н.П. Нестерова и М.А. Шепелев. Как отмечает в своей статье Нестерова Н.П., «Архипелаг Кастеллоридзо (Καστελλόριζο, Castellorizo, итальянское название – Кастельроссо, Castellosso) – самая восточная точка Греции, в настоящее время причисляется к Додеканесским островам и включает 14 островов и островков, протянувшихся вдоль юго-западного побережья Турции. Самым крупным и населенным островом архипелага является остров Мегисти, который часто именуется Кастеллоридзо – из-за расположенной на нем крепости, построенной в XIV в. из красного камня рыцарями Ордена св. Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты: красная крепость, castello rosso, дала новое название

²³ Алексеев А. Африканская игра Сталина // Коммерсант. – 03.10.2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4518596> (дата обращения: 08.12.2024).

²⁴ Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.

острову»²⁵. Вне большой политики острова оставались вплоть до начала XX в., но итало-османская война 1911–1912 гг. кардинально изменила ситуацию, итальянские войска заняли Ливию и Додеканесские острова. Местное правительство, «Правительство острова Кастеллоридзо», установило над островами суверенитет, хотя на центральном острове архипелага – Мегисти – оставался небольшой османский гарнизон. 24 июля 1923 г. в Лозанне державы Антанты, в том числе Италия и Турция как правопреемница Османской империи, подписали мирный договор, который заменил так и не вступивший в силу Севрский. Документ зафиксировал среди прочего и переход Додеканесских островов, в том числе Кастельроссо, к Италии, сделав его, по словам Муссолини, «форпостом Европы на Востоке». Италия так и не освоила полученные территории, для международных отношений Кастеллоридзо перестал представлять интерес, разделив судьбу всего Додеканеса: по Парижскому мирному договору 1947 г. острова перешли под суверенитет Греции²⁶. То есть реализован тот сценарий, который был недопустим для Турции в ходе Лозаннских переговоров, а союзники Республики в лице Британии и перенявших ответственность в регионе США создавали механизм сдерживания Анкары.

Крымский профессор М. Шепелев исследует итальянскую геополитику 1920–1940-х годов и отмечает, что именно в эти годы была выдвинута идея «Большого Средиземноморья» – под идеологией «Средиземноморье для средиземноморских держав», что естественно противоречило позициям Великобритании. Идеи имперского возрождения Италии синхронизировались с концепцией создания автаркического (самодостаточного) пространства в бассейне Средиземного моря. Итальянская школа геополитики, для становления которой миф об «Итальянском Рисорджименто» сыграл значительную роль, разрабатывала концепцию возрождения Большого Средиземноморского пространства под патронатом Италии на основе экономического единства с включением в него Европы, Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока. Лозунг «Средиземное море для средиземноморских народов» прозвучал в борьбе с Британией, а в целом эти геополитические процессы работали на интересы СССР. Одной из уязвимых региональных позиций являлся режим Черноморских проливов, установленный на Лозаннской мирной конференции в 1923 г.²⁷ Новый режим Черноморских проливов был принят 20 июля 1936 г. в швей-

²⁵ Нестерова Т.П. «Форпост Европы на Востоке»: архипелаг Кастеллоридзо в контексте итальянской политики в Восточном Средиземноморье 1912–1932 годов // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 263. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-262-274.

²⁶ Там же. С. 271–272.

²⁷ Шепелев М.А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 325–338. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338.

царском городе Монтрё²⁸. Как подчеркивает М. Шепелев, в 1936 г. конвенция Монтрё отражала *modus vivendi*, но после окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны И. Сталин сделал попытку пересмотра режима функционирования Черноморских проливов путем создания совместных советско-турецких военных баз и большего расширения военно-политических возможностей черноморских держав²⁹.

Таким образом, по мнению авторов, итальянское геополитическое проектирование и внешнеполитическая активность в рамках идей Большого Средиземноморья и «Средиземноморье для средиземноморских народов» способствовали ответному геополитическому проектированию Британии по отсечению политики Рима от Черноморского региона. Однако в настоящее время именно Конвенция Монтрё 1936 г. сдерживает англо-американскую экспансию вглубь континента через Проливы, Крым и Закавказье в Центральную Азию.

В чем же суть российско-турецкого condominiuma в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья, несмотря на внушительную сферу двусторонних противоречий?

Любые имперские пространства – от Рима до Османской и Российской империй – пытались контролировать две ключевые позиции в регионе: Черноморские проливы (Турецкие проливы) и Крым³⁰. До Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. Черное море рассматривалось турецкими султанами исключительно как внутренний водоем, который после Турция начинает делить с Россией. В этих условиях режим функционирования Черноморских проливов и допуск военных кораблей в Чёрное и Средиземное моря начинает играть определяющее значение для исхода конкуренции в Черноморском бассейне. Однако имперский контроль предполагает контроль региональными державами за проливами и Крымом одновременно, если же эта формула размывается, и под контроль нерегиональной, мировой державы попадает одна или две из ключевых точек контроля над Черноморским регионом (Проливы или Крым), то государственность Турции и России оказываются под угрозой исчезновения уже в краткосрочной перспективе. Внутри этой логики Россия может стремиться к контролю за Черноморскими проливами, что имеет исто-

²⁸ Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.

²⁹ Шепелев М.А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 325–338. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338.

³⁰ Никифоров А.Р. Ритмы Большого Черноморского пространства: сверим часы // Сборник по итогам международного круглого стола «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины». – 2008. – С. 60–67.

рическое подтверждение в логике Восточного вопроса русских государей, а Турция – к возвращению Крыма, что также имеет свои рефлексии в период второй половины XVIII в. в российско-турецких отношениях, однако в реалистской политической парадигме современные элиты Турции и России будут стремиться к сохранению этой имперской формулы при условии продолжения существования константы в виде Конвенции Монтрё 1936 г.

Такое положение позволяет сохранять современной Турции значительную автономию от своих западных партнеров по НАТО в Черноморском регионе. С другой стороны, гипотетическая потеря Россией Крыма и попадание его под контроль нерегиональной черноморской державы или держав приведет к последующей утрате Турцией контроля над Черноморскими проливами (о чем говорит формула Никифорова). Сценарий, при котором Крым попадает под контроль Турции или зеркальный ответ – Проливы под контроль России, мы не рассматриваем. В конце концов 250-летний совместный исторический опыт сосуществования России и Турции в Чёрном море позволили выйти на современный баланс интересов и противоречий.

Восточное Средиземноморье с учетом пестроты вызовов для Турции и России, которые формирует Запад и их союзники (частью которого является и сама Турция), также имеет возможность нахождения кондоминиума и перенесения логики сотрудничества, сформированной в Черноморском регионе, где Анкара за счет механизма «турецкого баланса» успешно реализует свои интересы, а Россия может формировать для себя благоприятный баланс сил, опираясь на российскую имперскую и советскую традиции и геополитические позиции.

* * *

Современный мир движется к многосторонней модели, в которой каждая из великих держав будет иметь свою зону первостепенных интересов, сферу влияния и обмена. Ослабление однополярного мира ведет к разработке и реализации новых пространственных, экономических и идеологических проектов региональных и мировых держав, опирающихся на свой исторический опыт и новые реалии с учетом своего технологического уровня развития. Проблема Турции и России в этом динамическом процессе будет состоять в осознании пределов взаимной экспансии и нахождении баланса уже в новом мировом порядке.

Главные из этих пределов состоят в осознании Турцией ограничений для своей экспансионистской политики в рамках Организации тюркских государств и для попыток исключить Россию из большой игры на Ближнем и Среднем Востоке, что при такой системе вызовов в Восточном Средиземноморье для Анкары невыгодно в стратегическом измерении, так как будут ломаться логика и механизмы «турецкого баланса».

Россия же в ответ может ограничить свою активность на курдском направлении и по ряду других болезненных для Турции вопросов.

В условиях формирования нового мирового порядка региональная подсистема международных отношений Черноморского региона и Восточного Средиземноморья, ядро которой выстраивается на взаимодействии России и Турции в течение уже нескольких столетий, должна сохранить стабильность и превалирование роли сотрудничества над сферой конкуренции в новом многополярном мире, и в этих условиях ученые-международники двух держав могут внести значительный вклад в достижение данной цели в региональной геополитической формуле, которую можно обозначить как «союз региональных держав против экспансии не-региональных».

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 348–363. – DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363.
2. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
3. Алексеев А. Африканская игра Сталина // Коммерсант. – 03.10.2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4518596> (дата обращения: 08.12.2024).
4. Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / отв. ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – 664 с.
5. Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 10–30. – DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030.
6. Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 153–182. – DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182.
7. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.
8. Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / отв. ред. Ирхин А.А. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – 264 с.
9. Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс

- международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.
10. Нестерова Т.П. «Форпост Европы на Востоке»: архипелаг Кастеллоридзо в контексте итальянской политики в Восточном Средиземноморье 1912–1932 годов // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 262–274. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-262-274.
 11. Никифоров А.Р. Ритмы Большого Черноморского пространства: сверим часы // Сборник по итогам международного круглого стола «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины». – 2008. – С. 60–67.
 12. Шепелев М.А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 325–338. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338.
 13. Aktürk Ş. Turkey's Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal // Perceptions: Journal of International Affairs. – 2020. – Vol. 25, № 2. – P. 152–177.
 14. Gaber Ye. Turkey's Black Sea Policy: Between “Russian Lake” and “NATO's Backyard” // UA: Ukraine Analytica. – 2020. – Vol. 19, № 1. – P. 43–53.
 15. Strategic Dossier Preview: Turbulence in the Eastern Mediterranean: Geopolitical, Security and Energy Dynamics // IISS. – November 2023. – URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/strategic-dossier-preview-turbulence-in-the-eastern-mediterranean> (дата обращения: 08.12.2024).

**ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ)**

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич

доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра междисциплинарных исследований Института научной
информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-код: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

Для цитирования: *Феофанов К.А.* Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 50–62. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.05.

Аннотация. Статья посвящена возможностям применения системного подхода к анализу региональных подсистем международных отношений. Рассматриваются теоретические аспекты применения системного подхода, терминология системного подхода, структура региональных подсистем при анализе региональных аспектов международных отношений. Исследуется феномен цивилизационализации как возрастания роли локальных цивилизационных элементов и подсистем в глобальных и региональных системах и подсистемах. Данные политические процессы совпали со стремительным ростом исследовательского внимания к локальным цивилизациям в 1990–2000-е годы. Рассматриваются теоретические аспекты применения системного метода при анализе региональных аспектов международных отношений, структура региональных подсистем международных отношений, возрастание политической роли цивилизаций как подсистем международных отношений, структуры глобальных и региональных систем (подсистем) в поисках равновесной цивилизационной и геополитической конфигурации. Особое внимание уделено моделированию межцивилизационных взаимодействий (на примере интеграционных объединений Большой Евразии).

Ключевые слова: цивилизации, локальные цивилизации, системный подход, цивилизационные подсистемы, цивилизационизация, цивилизационное моделирование, международные отношения, региональные подсистемы, Большая Евразия.

Civilizational Modeling of Regional International Relations (on the Example of Greater Eurasia)

Konstantin A. FEOFANOV

DSc in Political Science, Professor, Leading Researcher
of the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-code: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

For citation: Feofanov K.A. (2025). Civilizational Modeling of Regional International Relations (on the Example of Greater Eurasia). *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 50–62. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.05.

Abstract. The article is devoted to the possibilities of applying the systems approach to the analysis of regional subsystems of international relations. It considers the theoretical aspects of applying the systems approach, the terminology of the systems approach, the structure of regional subsystems in the analysis of regional aspects of international relations. The phenomenon of civilizationalization as an increasing role of local civilizational elements and subsystems in global and regional systems and subsystems is scrutinized. These political processes coincided with the rapid growth of research attention to local civilizations in the 1990–2000s. The article considers the theoretical aspects of applying the systems approach in the analysis of regional aspects of international relations, the structure of regional subsystems of international relations, the increasing political role of civilizations as subsystems of international relations, the structure of global and regional systems (subsystems) in the search for an equilibrium civilizational and geopolitical configuration. Particular attention is paid to modeling of inter-civilizational interactions (on the example of integrative associations of the Greater Eurasia).

Keywords: civilizations, local civilizations, systems approach, civilizational subsystems, civilizationization, civilizational modeling, international relations, regional subsystems, Greater Eurasia.

В исследованиях международных отношений широко используется понятие региональной подсистемы, тем самым методологически подчеркивается автономность региональных подсистем от глобальной мировой системы. Данный термин был разработан в рамках неореалистского (структурно-реалистского) подхода во второй половине XX в., и его применение развивалось параллельно с самим неореалистским подходом. Наряду с ростом исследовательского интереса к терминологии региональных подсистем и процессам в международных регионах, в связи с феноменом «цивилизационизации», – переходом в 1990-е годы глобальных и региональных противоречий времен холодной войны на более глубокий и детерминирующий политическое, экономическое, дипломатическое и другие взаимодействия государств, цивилизационный уровень, – недавно начи-

нает активно рассматриваться возможность в исследованиях международных глобальных и региональных отношений использовать в качестве актуального направления применения системного подхода исследование *цивилизационных подсистем*¹. Интерес, проявленный научным сообществом и политическими элитами различных стран к теме цивилизационного развития, десятки тысяч научных статей на данную тему в 1990-е и 2000-е годы демонстрируют значительный эвристический потенциал цивилизационного подхода и цивилизационных исследований. Системное моделирование глобальной и региональных систем (подсистем) позволяет воспроизводить их свойства на искусственно конструируемой модели – аналогичной оригиналу. Обнаруживаемые в ходе моделирования процессы и тенденции, на данной основе, могут быть распространены на реальную действительность, выступая основой понимания, объяснения, прогнозирования и практико-политической деятельности.

Теоретические аспекты применения системного метода при анализе региональных аспектов международных отношений

Международные регионы рассматриваются как региональные подсистемы мировой системы, или, если наблюдатель располагается внутри, то как системы – в свою очередь, содержащие элементы или подсистемы (элементы и подсистемы – это одно и то же по отношению к системе). Среди свойств систем важное значение имеют целостность, иерархичность, автономность-самоуправляемость, адаптивность-динамизм, взаимосвязанность со средой, гомеостатичность, информативность и безопасность. Структура международных отношений на глобальном уровне отражается на региональном уровне, можно сказать, что региональная подсистема (система) погружена во внешнюю среду – систему международных отношений. Но справедливо и обратное утверждение – региональные процессы влияют на глобальные, как минимум, через способствование или препятствование им, и как максимум, определяют и формируют их «снизу», через определение наиболее «убедительных» тенденций «несовпадения» с глобализацией, регионализацией и региональной интеграцией. Ключевыми понятиями системного подхода также являются состав, внешняя среда, взаимодействие и границы системы.

Практический и научный интерес к региональным подсистемам стал актуализироваться в последней трети XX в. на фоне глобализации как увеличения взаимосвязанности между регионами и способов сохранения, в подобных условиях, региональной идентичности. Предпосылками повышенного внимания к региональным подсистемам также послужили разрушение биполярной системы, полицентризация, развитие и проблемати-

¹ Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». – 2021. – С. 7–12, 16–19, 25–29.

зация интеграционных процессов, осознание и фактическая реализация «многослойности» региональных пространств. Международный регион является и территориально-географической, и геополитической, и геоэкономической, и геофилософской подсистемой, существуя на различных, не совпадающих друг с другом уровнях. Глобальное пространство не совпадает с физическим, территориально-географическое представление о регионе вытесняется функциональной, нетерриториальной концепцией. Многослойность региональных пространств формируется из взаимодействующих и не совпадающих друг с другом, географического, геополитического, геоэкономического и геофилософского уровней. Регион уже несколько десятилетий перестал быть чисто географическим понятием и нуждается в многоуровневом и междисциплинарном понимании. В данном контексте можно говорить о «конце географии» – так как неповторимая идентичность культуры народов, живущих в их пределах, больше не сохраняется в территориальных границах государств.

Структура региональных подсистем международных отношений

Для структуры региональных подсистем характерно тяготение к «поляризации», проявление и борьба полюсов силы, тенденции к трансформации их числа и конфигурации, и распределению ролей – таких как региональные гегемоны, протогегемоны, партнеры и вассалы. Распространенными примерами (макро) региональных порядков являются моноцентричный, как, например, США в североамериканской региональной подсистеме, ЮАР в южноафриканской или Россия в Евразии, биполярный, как Индия и Пакистан в региональной подсистеме Южной Азии, Бразилия и Аргентина в Латинской Америке, полицентричный, как Королевство Саудовская Аравия, Ирак, Сирия и Египет на Ближнем Востоке, или неструктурированный, как в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

В структуре региональных подсистем ключевые роли играют акторы-государства, их национальные интересы и цели. Ответы на вопрос о главенстве тех или иных акторов принципиально различаются у представителей различных научных направлений. Так, представители политического (нео) реализма считают главными акторами государства, а международные организации и другие структуры – лишь выполняющими волю государств. А представители политического (нео) либерализма, наоборот, признают в качестве главных акторов транснациональные корпорации и международные организации. Внутренняя структура (та, которая действует в рамках границ подсистемы) региональных порядков формируется во взаимодействии наиболее сильных региональных государств и зависит от их количества и особенностей. Интеграционные структуры разворачиваются в различных специфических действующих механиз-

мах и сферах, в международных организациях, транснациональных корпорациях, институтах, идеологиях, мотивах, проектах и правовых основах.

Проблемы внутренней среды реализуются в таких функциональных сферах, как география, экономика, неравномерность экономического развития, экономическая взаимозависимость, различные политические режимы, культурные и религиозные различия и безопасность. Вопросы внешней среды проявляются в форме трансрегионализма и взаимодействия с глобальными процессами^{2,3,4}. В постбиполярном мире, в связи с регионализацией, этнизацией, конфессионализацией и полицентризацией, в региональных подсистемах имеют место усиление центров силы и новые взаимодействия между элементами внутри региональных порядков и с экстрарегиональными акторами и процессами. Распределение ролей в региональных подсистемах не является неизменным и может меняться вследствие попеременного усиления или ослабления то одного, то другого центра силы.

Возрастание политической роли цивилизаций как подсистем международных отношений

Трансформация системы международных отношений в начале 1990-х годов привела к значительным изменениям в характере глобальных и региональных противоречий. Растущий интерес к исследованию и политической практике цивилизаций и их «столкновений», своевременно выраженный С. Хантингтоном, доказал возвращение в мировую политику новой «линии разломов», существовавшей веками и гораздо более глубокой, чем идеологические конфликты холодной войны. Предпосылками повышенного интереса к глобальным и региональным цивилизационным подсистемам являются разрушение биполярного мира, мультицентризация миропорядка, развитие глобальных и региональных интеграционных процессов. Переходу идеологических противостояний времен холодной войны в более глубокие и многоуровневые противостояния цивилизационные также способствовал рост культурной, цивилизационной и международно-политической независимости незападных цивилизаций. Помимо глобализации и регионализации, можно говорить о постбиполярной цивилизационизации, т.е. переходе на более глубокий и детерминирующий любые другие уровни, цивилизационный уровень.

² Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World Politics. – 2007. – Vol. 59, № 4. – P. 629–652.

³ Özdemir H. An Inter-Subsystemic Approach in International Relations // All Azimuth. – 2015. – Vol. 4, № 1. – P. 5–26.

⁴ Голосов О.В. Моделирование региональной системы: актуализация подходов // Финансы: теория и практика. – 2012. – № 2. – С. 114–120.

Международные регионы и региональные комплексы традиционно рассматриваются как региональные подсистемы международных отношений. Этот подход основан на политическом неореализме М. Каплана, К. Боулдинга, К. Уолтца и системных исследованиях российского ученого А.А. Богданова. В конце XX в. системно-регионалистские подходы были обогащены результатами исследований представителей шведской школы Б. Хеттне, Ф. Сёдербаумом и другими⁵.

Рассмотрение биполярных международных отношений и региональной интеграции в духе «старого» регионализма времен холодной войны трансформировалось в парадигматически новое направление исследований явлений и процессов в духе «нового регионализма»⁶. Достижения данных подходов в анализе структуры региональных подсистем позволяют успешно их применять к цивилизационным подсистемам. Вместе с представленными в международном регионе государствами, «гегемоническими» и «вассальными» отношениями между ними, международными интеграционными структурами, транснациональными корпорациями и другими действующими акторами, – в рамках регионалистской парадигмы данный вопрос выпадает из рассмотрения, – цивилизации также входят в число ключевых, нередко еще более сверхзначимых, чем межгосударственные отношения, детерминирующих структур региональных порядков. Как правило, они представлены не только в виде «работающих в фоновом режиме» «супердетерминант» любых процессов развития и отношений, но и в виде определенных общественно-политических институтов, международных организаций экономической, культурной и конфессиональной направленности.

Особым случаем с максимальной выраженностью потенциала цивилизационных структур выступают «государства-цивилизации»⁷. Основываясь на методологии системного метода, представляется возможным исследовать глобальные и региональные *цивилизационные системы (подсистемы)* международных отношений – действующие, активные, постколониальные и суверенные, основанные на фундаментальных ценностях и нормах, проникающие в политико-институциональные взаимодействия, разворачивающиеся в конкурирующем и постоянно меняющемся распределении ролей и потенциалов.

⁵ Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // Contribution to New Political Economy. – 2000. – Vol. 5, № 3. – P. 457–473.

⁶ Tziampiris A. The New Eastern Mediterranean as a Regional Subsystem / ed. by Litsas S.N., Tziampiris A. // The New Eastern Mediterranean. – Cham, Switzerland: Springer. – 2019. – P. 1–30.

⁷ Coker Ch. The Rise of the Civilizational State. – Cambridge, U.K.: Polity Press. – 2019. – P. xi–xii.

Структуры глобальных и региональных систем (подсистем) в поисках равновесной цивилизационной и геополитической конфигурации

На протяжении истории международных отношений глобальные и региональные порядки многократно переживали проблематизации и поиски стабильной равновесности, борьбу стабилизирующих акторов и факторов, стремящихся к установлению баланса и статус-кво, с дестабилизирующими акторами и факторами, стремящимися к их разрушению. Новые результирующие стабилизации после разрушения прежних возникали после мировых, а до XX столетия, европейских войн, включая холодную войну середины 1940 – конца 1980-х годов. Через проблематизации с последующей балансировкой последовательно возникли *Вестфальская* система как результат Тридцатилетней войны и достижения баланса между католиками и протестантами, блоком Габсбургов и Католической лигой против антигабсбургской коалиции и Евангелической унии. *Венская* система как восстановление баланса сил и работающий вариант новой коллективной безопасности. *Версальско-Вашингтонская* система как результат Первой мировой войны, с характерным отсутствием единства участников Лиги Наций, *Ялтинско-Потсдамская* система как результат Второй мировой войны с искусственным разделением мира на два противостоящих «лагеря», *Американоцентричная Pax Americana* как результат холодной войны и *Система реальной полицентричности* как результат кризиса Pax Americana в начале 2000-х годов.

Международные регионы выступают как «полуавтономные целостности, с одной стороны, и как образования, находящиеся в отношениях взаимовлияния и созависимости с международной системой – с другой»⁸. Локальные цивилизации – как (кросс) территориально локализованные подсистемы, которые, в отличие от территориально-географических региональных подсистем, могут выходить за пределы государственных границ, будучи локализованы на территориях нескольких стран и континентов, детерминируя внутри- и межцивилизационные взаимодействия. Структура системы международных отношений на глобальном уровне находит отражение не только на уровне региональных подсистем, но и на уровне цивилизаций и их кроссрегиональных и кроссконтинентальных взаимодействий, в той или иной, различной степени детерминирует их и детерминируется ими. Глобализация и регионализация, специфические региональные разновидности открытого и закрытого регионализма определяют степень вмешательства глобальных процессов в политику и экономику региона. Локальные (мега) цивилизации погружены во внешнюю

⁸ Лабуткин Н.С. Концепция региональных подсистем: от гетерогенности к плюрализму // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 34. – DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-1-32-56.

среду – систему международных отношений. Многослойность цивилизационных ареалов формируется из кроссрегиональных и кроссконтинентальных, взаимодействующих и не совпадающих друг с другом, географического, геополитического, геоэкономического и геофилософского уровней. В свою очередь, локальные цивилизации делятся на субцивилизации – каждая из которых кроссубцивилизационным образом взаимодействует с другими, формируя региональные и внешнеполитические, кроссконфессиональные и кроссинституциональные альянсы и мезальянсы различной степени глубины, продолжительности и масштабности последствий для международных отношений.

Монолитных цивилизаций практически не существует, все имеют в той или иной степени дробную субцивилизационную структуру. Так, исламская (мега) цивилизация состоит из «персидской, магрибской субцивилизаций, субцивилизации региона Персидского залива» и других⁹. Европейская (мега) цивилизация включает западно- и восточноевропейскую, и российскую субцивилизации. Представляется полезным использование «понятия “общая цивилизационная принадлежность” как усиливающий свое значение фактор, влияющий на формирование союзов и межгосударственных объединений и способствующий согласованию интересов внутри этих объединений на основе ощущения цивилизационной общности, располагающей членов этих объединений к большему взаимному доверию (система “свой – свой”)»¹⁰. Данные примеры демонстрируют необходимость многоуровневого и междисциплинарного, основанного на системном подходе исследования структуры и функционирования цивилизаций в статике и динамике, лежащего в основе цивилизационного моделирования как процесса изучения и прогнозирования развития цивилизационных систем.

Моделирование межцивилизационных взаимодействий (на примере интеграционных объединений Большой Евразии)

Данный аналитический метод может быть реализован применительно к любой (макро) региональной подсистеме. В ходе его реализации составляются полиморфные модели политического, экономического, ценностно-нормативного, социально-стратификационного, этатистского, конфессионального, культурного, традиционного, институционального, модернизационного и других состояний государств, обществ и регионов на конкретный момент времени в прошлом, настоящем и будущем. Большая

⁹ Валиахметова Г.Н. Исламский мир – Запад: цивилизационное измерение конфликта политических интересов // Проблемы востоковедения. – 2014. – № 4 (66). – С. 7–11.

¹⁰ Малков С.Ю., Алешковский И.А., Билуга С.Э. Методологические основы междисциплинарных исследований цивилизационных процессов // Россия и современный мир. – 2024. – № 122. – С. 192. – DOI: 10.31249/rsm/2024.02.12.

Евразия рассматривается в данной статье как пример комплексной, разветвленной, развитой структуры макрорегиональной подсистемы – она включает весь евразийский континент и часть африканского: 48 стран Европы, 50 стран Азии и семь стран Северной Африки. На этой территории расположены восемь локальных цивилизаций: Западноевропейская, Восточноевропейская, Евразийская, Китайская, Индийская, Японская, Буддистская и Исламская, а за пределами Большой Евразии – четыре цивилизации: Североамериканская, Латиноамериканская, Океаническая и Африканская. Проект «Большого евразийского партнерства» предполагает «сопряжение» региональных интеграционных процессов, «интеграцию интеграций», создание сети зон свободной торговли и межблоковых торгово-экономических партнерств. Интеграционные структуры Большой Евразии, помимо реализации национальных интересов входящих в них государств и факторов географии, экономики, глобализационных, экстра-региональных влияний, неравномерности экономического развития, экономической взаимозависимости, относительной схожести политических режимов и интересов безопасности, в имеющихся девяти межцивилизационных интеграционных объединениях реализуют принципы цивилизационной солидарности.

Взаимодействие цивилизаций осуществляется в межцивилизационных интеграционных объединениях в двух основных формах. Во-первых, *моноцивилизационная разноконфессиональная модель, действующая на основе конфессиональной вариативности, но в рамках одной цивилизации*. Реализуется в *Европейском союзе* в сотрудничестве 27 государств – основанных на цивилизационности христианского протестантства и католицизма, при небольшом числе православных государств (существенные различия между странами Западной и Восточной Европы, ранее входившими в «капиталистический» и «социалистический» лагерь). А также в *Лиге арабских государств*, в которой на цивилизационной основе ислама взаимодействуют 22 разноконфессиональных государства (преимущественно суннитских, но в Ираке и Бахрейне мусульмане-шииты составляют численное большинство, а в Йемене, Кувейте и Ливане – порядка 30–40% населения) и *Организации исламского сотрудничества* – насчитывающей 57 государств-членов, как имеющих, так и не имеющих мусульманского большинства.

Во-вторых, *разноцивилизационная модель, действующая на основе цивилизационной вариативности, в рамках межцивилизационного взаимодействия государств-членов*. Данная модель реализуется в *ЕАЭС* – в котором разноконфессиональная христианская Армения и преимущественно православные Россия и Белоруссия успешно взаимодействуют с Казахстаном и Киргизией – основой самоидентификации которых выступает принадлежность к исламской цивилизации. Данная модель разноцивилизационного взаимодействия также характерна для интеграционной структуры *СНГ*, в которой различные конфессии христианства сосуществуют с раз-

личными конфессиями ислама (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан).

Еще более «пестрой», разнородной является вариативность межкультурных взаимодействий православно-христианской, разнорелигиозной исламской, буддистской и даосистской цивилизаций в ШОС (Россия, Китай, Индия, Пакистан, Иран, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан), АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины), Организации черноморского экономического сотрудничества ОЧЭС – Армения, Албания, Азербайджан, Грузия, Греция, Болгария, Молдавия, Румыния, Россия, Турция, Сербия, Украина, Республика Северная Македония. В Союзе для Средиземноморья имеет место своеобразное совмещение обеих моделей, происходит взаимодействие всех 27 государств – членов Европейского союза и 16 других стран, среди которых такие цивилизационно-различные, как Албания, Алжир, Босния и Герцеговина, Великобритания, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Мавритания, Марокко, Монако, Палестина, Сирия, Тунис, Турция, Черногория.

Данные примеры демонстрируют отход от комплексных противостояний времен холодной войны в пользу совместной реализации национальных интересов государств – представителей мировых и локальных цивилизаций. В данном комплексном процессе, в отличие от всесторонности, всепоглощающей и всеохватности входящих в него цивилизаций, реализуются геополитические и геоэкономические интересы взаимодействия, и конкретно реализуемые акты политической воли активных на международном и региональном уровнях политических акторов – в направлении взаимного сотрудничества и укрепления партнерства «восходящих» незападных государств, все больше осознающих собственную цивилизационную идентичность и суверенность.

Цивилизационные подсистемы неоднородны, среди разновидностей можно, вслед за С. Хантингтоном, среди прочих, различать *стержневые государства* (core states, США в западной цивилизации, Россия – в православной, Китай – в синской; в исламской, латиноамериканской и африканской цивилизациях нет стержневых государств, но в Латинской Америке на эту роль претендует Бразилия, а в Африке – ЮАР), *страны-одиночки* (lone states, не имеющие культурной общности с другими обществами – Эфиопия с амхарским языком и коптским православием, Япония, чью самобытную культуру не разделяет ни одна другая страна); *расколотые страны* (torn states, большие группы людей принадлежат к различным цивилизациям – Турция (противоречие между проектами секуляризованной нации-государства западного типа и возрождением исламских традиций¹¹),

¹¹ Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 17–24. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02.

Мексика (стремление лидеров к переопределению цивилизационной идентичности в направлении к западной цивилизации), Филиппины (христиане и мусульмане), Судан (мусульманский север и христианский юг), Канада (франкоязычный Квебек и остальная англоязычная часть страны), Индия (мусульмане и индуисты), Украина (одной из ранних причин разлома послужила Брестская уния 1596 г., согласно которой православные Киевской митрополии должны были подчиниться католическому вероучению), и также, согласно С. Хантингтону, расколотой страной на протяжении нескольких столетий остается Россия¹².

В условиях цивилизационизации противостояний времен холодной войны, в ответ на идеи С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» и Ф. Фукуямы о «конце истории» президентом Ирана М. Хатами в ООН в 2000 г. была предложена идея межкультурного диалога – которая нашла выражение в резолюции ООН «Глобальная повестка для диалога цивилизаций» и декларации ЮНЕСКО о сохранении культурного разнообразия 2001 года¹³. Неизбежная в предпосылках возникновения в пост-биполярный период, концепция диалога цивилизаций, производная от межкультурных противоречий, встраивается в них, провозглашая устранение взаимного непонимания и создание условий для установления мира, обречена на долгосрочное существование. Она вовсе не является утопичной в конкретных сферах сотрудничества, в которых речь идет о потенциальном совпадении национальных интересов государств и других акторов, представляющих различные цивилизации. Однако декларируемый отход от межкультурных противоречий в сторону партнерства может оказываться в значительной степени затруднительным и даже бесперспективным там, где противостояния имеют длительную цивилизационную историю. Прежде всего, это касается противостояний Запада и России, Запада и исламского мира, и суннитско-шиитского противостояния на Ближнем Востоке.

* * *

Международная политическая регионалистика является примером актуального и быстроразвивающегося научного направления. Широко применяемый на протяжении более семи десятилетий системный подход хронологически совпал с практической реализацией феномена регионализации, увеличения плотности региональных связей и развития интеграции.

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: Издательство «АСТ», 2003. – С. 238–278.

¹³ Мирбахери Ф. Сглаживание противоречий или маскировка различий: анализ «диалога цивилизаций» Мохаммеда Хатами // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История: Информационно-аналитический журнал. – 2009. – № 2. – С. 173–178.

онных структур, которые, в аналитических целях, удобно представлять, как региональные (также макрорегиональные, когда речь идет о расширенных пространствах регионов и кроссрегиональных взаимодействиях) подсистемы международных отношений. Использование разветвленной терминологии системного подхода, понимание теоретических аспектов его применения позволяют анализировать региональные подсистемы через их взаимодействия со средой, участие экстрарегиональных акторов и внутреннюю полиморфную и многоуровневую структуру.

Начиная с 1990-х годов, в глобальных и региональных системах (подсистемах) имеет место феномен цивилизационализации как возрастание роли локальных цивилизационных элементов и подсистем, и наряду с прежними, ставшими уже традиционными, аспектами региональной интеграции, возрастает интерес исследователей к проблематике локальных цивилизаций, к несовпадающим с границами и уровнями (макро) региональных подсистем, но играющим в них, нередко, ключевую и детерминирующую роль, цивилизационными подсистемами. Моделирование цивилизационных подсистем и междивилизационных взаимодействий, как было показано на примере интеграционных объединений макрорегиональной подсистемы Большой Евразии, предоставляет исследователям региональных международных отношений новые аналитические возможности.

Список источников и литературы

1. Валиахметова Г.Н. Исламский мир – Запад: цивилизационное измерение конфликта политических интересов // Проблемы востоковедения. – 2014. – № 4 (66). – С. 7–11.
2. Голосов О.В. Моделирование региональной системы: актуализация подходов // Финансы: теория и практика. – 2012. – № 2. – С. 114–120.
3. Лабуткин Н.С. Концепция региональных подсистем: от гетерогенности к плюрализму // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 32–56. – DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-1-32-56.
4. Малков С.Ю., Алешковский И.А., Билюга С.Э. Методологические основы междисциплинарных исследований цивилизационных процессов // Россия и современный мир. – 2024. – № 122. – С. 189–202. – DOI: 10.31249/rsm/2024.02.12.
5. Мирбахери Ф. Сглаживание противоречий или маскировка различий: анализ «диалога цивилизаций» Мохаммеда Хатами // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История: Информационно-аналитический журнал. – 2009. – № 2. – С. 173–178.
6. Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 17–24. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02.

7. Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2021. – 218 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: Издательство «АСТ», 2003. – 603 с.
9. Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // *World Politics*. – 2007. – Vol. 59, № 4. – P. 629–652.
10. Coker Ch. *The Rise of the Civilizational State*. – Cambridge, U.K.: Polity Press, 2019. – 256 p.
11. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *Contribution to New Political Economy*. – 2000. – Vol. 5, № 3. – P. 457–473.
12. Özdemir H. An Inter-Subsystemic Approach in International Relations // *All Azimuth*. – 2015. – Vol. 4, № 1. – P. 5–26.
13. Tziampiris A. *The New Eastern Mediterranean as a Regional Subsystem* / ed. by Litsas S.N., Tziampiris A. // *The New Eastern Mediterranean*. – Cham, Switzerland: Springer. – 2019. – P. 1–30.

ОЦЕНКА ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ПОЛИЯЗЫЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

АЙРАПЕТЯН Армен Самвелович

кандидат юридических наук, ведущий аналитик
автономной некоммерческой научно-исследовательской
организации «Институт психолого-экономических исследований»

E-mail: airapetian-as@ipei.ru

SPIN-код: 7717-4210

ORCID: 0000-0002-3165-7019

Для цитирования: Айрапетян А.С. Оценка динамики развития полиязычия населения Турецкой Республики в период правления Партии справедливости и развития // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 63–81. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.06.

Аннотация. В статье рассматривается динамика изменения языкового капитала экономически активного населения Турецкой Республики (25–64 лет) в период правления Партии справедливости и развития. Инструментами измерения выступают коэффициент полиязычия и индекс языковой интеграции. Целью статьи является определение влияния изменения уровня полиязычия и языковой интеграции населения в условиях прогноза официальной статистики Республики о его уменьшении и превышении доли женщин. Задача статьи – оценить языковой капитал населения на основе предлагаемой авторской оригинальной методологии.

Результаты работы показывают изменение тенденции развития языкового капитала экономически активного населения Турции в последние годы – переход от доминирования моноязычия в 2007 и 2011 гг. в зону неустойчивого двуязычия к 2022 г. Несмотря на то что на данном этапе мужская часть экономически активного населения более полиязычна, чем женская, автор прогнозирует качественное изменение ситуации уже через 10 лет. В связи с прогнозируемым официальной статистикой страны снижением численности населения Турции в целом и предстоящим увеличением доли женского населения в совокупности с установленным автором потенциалом наращивания женщинами своего языкового капитала турецкое общество находится на пороге серьезной трансформации не только экономической жизни, но и политической системы, которая объективно складывается в пользу оппозиции во главе с Народно-Республиканской партией, а также ставит

перед правящей партией задачу пересмотра своей идеологической базы с учетом происходящего увеличения роли женщин.

Ключевые слова: Турецкая Республика, языковая интеграция, языковой капитал, полиязычие.

Evaluation of Polylingualism Development Dynamics of the Population of the Republic of Turkey During the Rule of Justice and Development Party

Armen S. AIRAPETIAN

PhD in Law, Leading Analyst,
Institute for Psychological and Economic Research

E-mail: airapetian-as@ipei.ru

SPIN-code: 7717-4210

ORCID: 0000-0002-3165-7019

For citation: Airapetian A.S. (2025). Evaluation of Polylingualism Development Dynamics of the Population of the Republic of Turkey During the Rule of Justice and Development Party. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 63–81. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.06.

Abstract. The article examines the dynamics of changes in the linguistic capital of the economically active population of the Republic of Türkiye (25–64 years old) during the rule of the Justice and Development Party. The measurement tools are the polylingualism coefficient and the language integration index. The purpose of the article is to determine the impact of changes in the level of polylingualism and linguistic integration of the population in the context of the forecast of official statistics of the Republic about its decrease and excess of the proportion of women. The objective of the article is to assess the linguistic capital of the population based on the original methodology proposed by the author.

The results of the research show some change in the development trend of the linguistic capital of the economically active population of Türkiye in recent years – the transition from the dominance of monolingualism in 2007 and 2011 to the zone of unstable bilingualism by 2022. Despite the fact that at this stage the economically active males are more polylingual than the females, the author predicts a qualitative change in the situation in 10 years. In connection with the predicted by the official statistics of the country decrease in the population of Türkiye as a whole and the forthcoming increase in the share of the female population, together with the potential of women to increase their linguistic capital, established by the author, Turkish society is on the threshold of a serious transformation not only of economic life, but also of the political system, which is objectively developing in favor of the opposition led by the Republican People's Party, and also poses the task of revising its ideological base for the ruling party, taking into account the ongoing increase in the role of women.

Keywords: Republic of Türkiye, language integration, language capital, polylingualism.

Пространство, занимаемое сегодня Турецкой Республикой, практически никогда не было однородным ни в этническом, ни в культурном, ни тем более языковом плане. Здесь всегда наблюдалось активное взаимодействие различного характера многих народов с кочевым и оседлым образом жизни: «...тюрки – скотоводы, греки – виноградари и ремесленники, армяне – земледельцы и ремесленники, лазы – рыбаки»¹. Эти и другие народы Малой Азии, с одной стороны, сохраняли свой образ жизни, а, с другой, постепенно смешивались, перенимая друг у друга бытовые привычки, способы хозяйствования, а вместе с ними и язык. Язык тюрков-завоевателей постепенно таким образом был освоен коренными жителями Малой Азии и обогатился за счет заимствований. Так, Ю. Петросян пишет о множестве таких заимствований в языке тюрков из иранских и славянских языков, греческого, арабского и армянского². Многие заимствования сохранились вплоть до конца существования Османской Империи. Так, видный российский тюрколог А.Н. Самойлович, описывая османско-турецкий язык, отмечал в нем наличие *некоторых* армянских, французских, немецких, английских, венгерских, албанских слов, *множества* греческих, итальянских, балкано-славянских слов и *обилие* арабской и персидской лексики. Арабский и персидский не просто обогатили османско-турецкий язык словарным запасом, но и грамматическими формами их употребления, а персидский оказал влияние также на синтаксис³.

Помимо взаимного обогащения конкуренция языков в Османской империи приводила к определенному уровню полиязычия ее населения, в первую очередь элит и прежде всего это касалось самих султанов. Например, Ю. Петросян подчеркивал, что «необузданный деспот» Мехмед II Завоеватель (1444–1446 и 1451–1481)* владел несколькими языками⁴. В Альбоме Османских падишахов подчеркивается, что языковой капитал данного султана охватывал помимо турецкого арабский, персидский, греческий, сербский и латинский языки⁵. Следует заметить, что персидский и арабский языки были неотъемлемыми составляющими языкового капитала практически всех полиязычных османских султанов. Одним из преимуществ, обеспечивавших позиции арабского языка, являлось его активное использование мусульманским духовенством Османской империи⁶. Начиная с Абдулмеджида I (1839–1861), неотъемлемым элементом языко-

¹ Петросян Ю. Османская империя – Москва: Алгоритм, 2013. – С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. – Москва: Вост. лит.: Муравей, 2002. – С. 16.

* Здесь и далее приводятся годы правления османских падишахов.

⁴ Петросян Ю. Османская империя. – Москва: Алгоритм, 2013. – С. 44.

⁵ Альбом Османских Падишахов. – Стамбул: Какнюс, 2013. – С. 7.

⁶ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. – С. 54.

вого капитала почти всех последующих монархов империи становится французский язык⁷.

Похожие тенденции были характерны не только для султанов, но и чиновников Империи, интеллигенции и купцов. Турецкий энциклопедист Хаджи Хальфа (*вошедший в историю как составитель трактата о мерах по ликвидации неурядиц в государственных делах*) имел в собственности громадную библиографию книг на арабском, персидском и турецком языках, содержащую труды 8 тыс. авторов⁸. Дочь измирского купца, ставшая супругой Мустафы Кемалю Ататюрка, Латифе-ханум знала несколько европейских языков, будучи выпускницей Парижского университета, и оказывала помощь Мустафе Кемалю в переводе необходимых документов, когда он по ее приглашению поселился в ее доме в период, когда турецкая армия отвоевывала Измир у греческих войск⁹.

Полиязычие являлось непосредственным спутником попыток реформирования Османской империи на европейский манер. Так один из основателей первой турецкой типографии Ибрагим Мютеферрика (*трансильванский венгр, попавший в плен к османам, проданный на невольничьем рынке и впоследствии принявший ислам для того, чтобы обрести свободу*) уже в Империи пополнил свой языковой капитал, выучив турецкий, арабский и персидский (*латынь и греческий он изучил еще в протестантской школе*)¹⁰. К слову, первая турецкая типография была открыта в Стамбуле в доме Ибрагима Мютеферрика в декабре 1727 г. (для сравнения: армянская типография в столице Империи работала с 1565 г.)¹¹. Она специализировалась исключительно на распространении светской литературы. Основные расходы по ее оборудованию взяла на себя государственная казна, поскольку решение об открытии типографии было принято 5 июля 1727 г. указом султана Ахмеда III (1703–1730)¹². Уже 31 января 1729 г. вышла в свет первая книга, которой был арабо-турецкий словарь, отпечатанный тиражом в 1000 экземпляров и быстро разошедшийся среди покупателей. Типография Ибрагима Мютеферрика за 1729–1742 гг. выпустила 17 сочинений общим тиражом 12 тыс. экземпляров, включая «Турецкую грамматику», составленную монахом-иезуитом Холдерманом¹³. Ибрагим-паша Невшехирли (занимал пост великого визиря в период 1718–1730 гг., именуемый «Эпохой тюльпанов») создал в Стамбуле несколько библиотек, в том числе во дворце султана, и организовал специ-

⁷ Альбом Османских Падишахов. – Стамбул: Какнус, 2013. – С. 31.

⁸ Петросян Ю. Османская империя. – Москва: Алгоритм, 2013. – С. 97.

⁹ Аралов С.А. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. – Москва: Издательство Института Международных отношений, 1960. – С. 205.

¹⁰ Петросян Ю. Османская империя. – Москва: Алгоритм, 2013. – С. 159.

¹¹ Там же. С. 161.

¹² Там же. С. 160–161.

¹³ Там же. С. 161.

альную комиссию для перевода на турецкий и арабский языки выдающихся научных трудов Запада и Востока¹⁴. Именно данный великий визир поддержал Ибрагима Мютеферрика в реализации его идеи по открытию первой турецкой типографии.

После смерти Ибрагима Мютеферрика в 1745 г. книгопечатание на турецком языке практически прекратилось¹⁵ и возобновило свою деятельность в 1792 г., а уже в 1795 г. к первой типографии присоединилась вторая, открытая при армейском инженерном училище¹⁶. Возобновление и развитие турецкого книгопечатания было связано с активной реформаторской деятельностью султана Селима III (1789–1807), в первую очередь в военной сфере – на турецкий язык был переведен ряд европейских, главным образом французских, трудов по военному делу и математике¹⁷.

При жизни султана Махмуда II (1808–1839), распустившего в 1826 г. янычарский корпус, были открыты школа гражданских чиновников и школа переводчиков, в которых среди иных предметов основательно преподавались иностранные языки, при этом падишахе стали издаваться сначала на французском, затем на турецком языках первые правительственные газеты¹⁸.

Конституционное движение, начавшееся в 1865 г. в Османской империи, также было связано с полиязычием элиты. Сначала «Общество новых османов» в марте 1867 г. отпечатало и распространило в Стамбуле открытое письмо находившегося во французской эмиграции опального крупного сановника империи, египетского принца Мустафы Фазыл-паши. Опубликованный на французском языке в начале 1867 г. в Париже документ содержал критику произвола и деспотизма султанских чиновников и призывал к их ликвидации, а также созданию условий для развития ремесел, торговли и сельского хозяйства, оздоровлению финансов и прекращению иностранного вмешательства во внутренние дела страны¹⁹. Затем эмигрировавшие в Европу «новые османы» при материальной поддержке Фазыл-паши начали издавать на турецком языке свои газеты «Мухбир» и «Хюрриет»²⁰. В этот период видные деятели «новых османов» (*Намык Кемаль и Зия*) перевели на турецкий язык труды ряда западных авторов (*Руссо, Вольтера, Монтескье, Гюго, Вольнея и Ламартина*), широко открыв их для турецкой аудитории²¹. Активную издательскую деятельность

¹⁴ Петросян Ю. Османская империя. – Москва: Алгоритм, 2013. – С. 158.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 191.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 209.

¹⁹ Там же. С. 228.

²⁰ Там же. С. 230.

²¹ Там же. С. 230–231.

из-за границы вели также в конце XIX – начале XX в. младотурки, выпуская на турецком и французском языках свои газеты «Мешверет», «Мизан», «Османлы» и «Шура-и уммет»²².

При этом именно со знанием турецкого языка связывалась возможность успешной карьеры на государственной службе Империи и в высших эшелонах власти. Именно он (*наряду с принятием ислама*) открывал двери в покои султана и визирей, а также являлся проводником в коридорах османской власти. Например, упомянутый выше Ибрагим Мютеферрика был дворцовым служащим, выполнявшим функции стражи и особые поручения, не раз выступал переводчиком для Порты в переговорах с европейскими державами, ему неоднократно давались ответственные дипломатические поручения²³.

Определенной особенностью знание турецкого языка отличалось в дипломатическом корпусе империи среди посольских и консульских представителей иностранных государств в Стамбуле. Несмотря на то что много внимания уделялось изучению разговорного турецкого языка в дипломатических миссиях, в том числе и российской²⁴, трудность освоения османско-турецкого языка привела к формированию в Стамбуле отдельного «особого самодовлеющего», по мнению А.Ф. Миллера, института драгоманата²⁵. Драгомены представляли собой дипломатических переводчиков, и в их задачи входили официальные и неофициальные переговоры, личные контакты с турецкими деятелями, посещение османских министерств и ведомств, таможен, судов и личный прием посетителей²⁶. Более того, должности драгоманов, как правило, замещались из числа подданных Османской империи – ими были левантинцы или греки-фанариоты. Именно первого драгомана посольства по сложившейся традиции хорошо знал султан, часто принимал у себя великий визирь, первый драгоман посольства вел переговоры с реисом-эфенди, представляя интересы соответствующей иностранной державы. А.Ф. Миллер называл среди причин такого явления устойчивость и стабильность должности драгомана, с одной стороны, а также чрезвычайную редкость непосредственного общения с турками аккредитованных при дворе султана европейских дипломатов, с другой стороны, ввиду их нежелания изучать трудный восточный язык и посвящать всю свою дипломатическую карьеру одной этой восточной стране²⁷. Об уровне влияния драгоманов на посольские дела свидетельствует приводимое А.Ф. Миллером письмо французского

²² Петросян Ю. Османская империя. – Москва: Алгоритм, 2013. – С. 252.

²³ Там же. С. 159.

²⁴ Там же. С. 180.

²⁵ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. – С. 12.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

дипломата графа де Сен-При от 1785 г., в котором должность диппредставителя (*вне зависимости от опыта и профессионализма лица, ее замещающего*) характеризуется не более как «первый секретарь при первом драгомане»²⁸.

Турецкий язык выступал также в многонациональной Империи инструментом недопуска других национальных групп к власти. Так, например, по проекту Конституции Османской империи 1876 г. (*документ так в силу и не вступил*), учреждавшему парламент страны, предусматривалось, что депутатами могли быть избраны подданные империи, владеющие турецким языком и достигшие 30-летнего возраста²⁹. Дополнительным фактором напряженности межнациональных отношений и конфликтного характера многоязычия в Османской империи стало использование языков как инструмента национально-освободительной борьбы со стороны ряда покоренных османами народов. Так А.Ф. Миллер отмечал, что создание, возрождение, развитие и распространение соответствующих литературных языков греческими и славянскими просветителями было поддержано национальными буржуазиями сербов, греков и болгар, которым стало тесно и некуда расти в условиях османского феодализма³⁰.

Языковые конфликты, являвшиеся частью межнациональных в Порте, были в психологическом отношении довольно типичны и соответствовали выявленному немецким философом Й.Л. Вайсгербером механизму. Он объяснял природу языкового конфликта через сущность самого языка и через отношение к языку со стороны его носителей, подчеркнув, что «не только меньшинство держится всеми силами за свой родной язык, но и господствующий народ, чувствующий, что не способен ассимилировать иноязычное меньшинство, пока оно культивирует и сохраняет свой родной язык»³¹. В условиях Османской империи, как указывал А.Ф. Миллер, в частности на Балканах, сложилась ситуация, когда, например, на 400 тыс. греков приходилось 15–20 тыс. мусульман, которые были задействованы в янычарском корпусе и администрации паши, назначенного сюда султаном для сбора налогов, дани и иных видов податей³². При этом механизм сбора подати был таков, когда местное греческое и сербское население не вступало в прямой контакт с представителями османской администра-

²⁸ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. – С. 12.

²⁹ Петросян Ю. Османская империя – Москва: Алгоритм, 2013. – С. 237.

³⁰ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. – С. 58.

³¹ Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – Москва: Книжный дом ЛИБОРОКОМ, 2009. – С. 132.

³² Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. – С. 58.

ции, а сдавало платежи как в Сербии, например, через местных выборных волостных старшин (кнезов), осуществлявших к тому же полицейские и судебные функции. И только старший кнез непосредственно взаимодействовал с пашой. Именно в этой узкой прослойке, на наш взгляд, и наблюдалось полиязычие в среде христианских (сербских и греческих) элит, а также у мусульманских представителей в администрации пашы. В целом такая организация власти на местах позволяла сохранять многоязычие Империи без перехода к массовому полиязычию и отуречиванию населения. Правда, как отмечает А.Ф. Миллер, Болгарии в этом отношении повезло меньше, чем Сербии и Греции, поскольку через ее территорию была выстроена логистика в Венгрию и Дунайские княжества, Болгария подверглась серьезной турецкой колонизации, приведшей к высокому уровню принятия ислама местным населением, а также сокращению использования болгарского языка (*помимо давления Порты среди факторов, повлиявших на это, А.Ф. Миллер называл гонения греческого фанариотского духовенства на болгарскую самобытность*)³³.

Помимо конфликтного характера взаимодействия языков в Османской империи, обусловленного наличием ряда национально-освободительных движений, существовала еще одна контрастная особенность, значительно усложнявшая жизнь турецкого населения Османской империи. А.Н. Самойлович говорил о значительной условности понятия османско-турецкого языка, выделяя три больших группы языковых явлений: 1) *kaba Türkçe*, представлявший собой ряд анатолийских и балканских турецких народных говоров; 2) *orta Türkçe* – средний литературный язык, на котором писала и говорила образованная часть преимущественно городского и столичного населения; 3) высокостильный литературный язык слоя духовных и светских кругов, приближенных к султанскому дворцу и совершенно оторванных от народа, доживавших свой век во второй половине 1920-х годов³⁴. Именно о последнем А.Ф. Миллер писал как об «искусственном» и «витиеватом» языке, употреблявшемся в литературе и официальной документации, далеко от сплошь неграмотного народа, что в итоге привело к росту популярности каллиграфии, когда высшие сановники переписывали по несколько раз одни и те же произведения³⁵. При этом тот же А.Н. Самойлович подчеркивал, что по мере демократизации османский литературный язык, обслуживавший обширную многообразную печатную литературу, приблизился к уровню языка современной (на 1924–1925 гг.)

³³ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. – С. 58.

³⁴ Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. – Москва: Вост. лит.: Муравей, 2002. – С. 17.

³⁵ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. – С. 54.

цивилизации и оказывал все большее влияние на прочие турецкие литературные языки (напр., узбекский и татарский)³⁶.

После распада Османской империи и появления нового государства в Анатолии под названием Турецкая Республика новое правительство страны под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка провело ряд значительных реформ, в том числе и в сфере языковой политики, главная из которых – перевод письменности с арабского алфавита на латиницу. Это реформа отвечала ряду предложенных Ататюрком принципов, в частности, национализма, народности и светскости. Смена графики алфавита должна была снизить влияние исламского духовенства, упростить повышение уровня образования, а также приблизить друг к другу в языковом плане народ и государство.

В этой связи интересно посмотреть, с каким языковым капиталом подошло население Турецкой Республики через 100 лет после своего основания на современном этапе – в годы, на которые приходится правление Партии справедливости и развития: 2007, 2011 и 2022 гг. Выбор именно этих трех лет обусловлен особенностью источников, которые были использованы для целей нашего исследования. Европейское статистическое агентство Eurostat на протяжении ряда лет проводит исследования, посвященные взрослому экономически активному населению, где отдельное внимание уделяется владению иностранными языками. По населению Турции Eurostat располагает данными за 2007, 2011 и 2022 гг.³⁷

Подход оценки полиязычия и языковой интеграции как характеристик языкового капитала опирается на результаты исследований российских и советских психологов: А.А. Потебня³⁸, Л.С. Выготский³⁹, А.Н. Леонтьев⁴⁰, А.А. Леонтьев⁴¹ и т.д. В своих работах они уделяли значительное внимание фактору языка, его влиянию на развитие сознания, становление и социализацию личности. Они отмечали особую роль, которую играют владение речью и полиязычие в становлении и развитии мышления человека и его психики в целом. Например, Л.С. Выготский называл язык одним из самых важных социальных факторов в развитии и перестроении человеческого поведения, основным орудием мышления, воли, выработки понятий и сознания в целом. Л.С. Выготским, чьи

³⁶ Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. – Москва: Вост. лит.: Муравей, 2002. – С. 14.

³⁷ Number of foreign languages known (self-reported) by sex // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/edat_aes_l21__custom_11916376/default/table?lang=en (дата обращения: 21.07.2024).

³⁸ Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

³⁹ Выготский Л.С. Мышление и речь. – Москва: Лабиринт, 2007. – 350 с.

⁴⁰ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – Москва: Издательство Московского университета, 1981. – 584 с.

⁴¹ Леонтьев А.А. Путешествие по карте языков мира. – Москва: Просвещение, 1990. – 144 с.

труды в последнее десятилетие во все большей степени становятся определяющими для общемировой психологической мысли, выделялись две важные функции языка: 1) средство социальной координации опыта отдельных людей; 2) самое важное орудие человеческой мысли. Выготский позиционировал язык как инструмент, позволяющий приобщаться ко всему духовному опыту человечества, который делает возможным развитие высших психологических функций (обобщения, суждения, комбинирования и т.д.)⁴².

А.Н. Леонтьев исходил из того, что язык составляет столь же необходимый момент порождения сознания, как и трудовая деятельность⁴³, а также приходил к выводу о языке как форме и носителе сознательного обобщения действительности⁴⁴.

В связи с тем, что каждый язык представляет собой определенный образ мира, мыслительная деятельность на разных языках, следовательно, отличается вариативностью, что и придает истинность идее французского философа П. Рикёра: «Твой язык так же важен, как и мой»⁴⁵.

Следовательно, можно предполагать, что овладение несколькими языками для человека является, по сути, обогащением его сознания дополнительными средствами отражения действительности и дополнительными операторами мышления.

Подход к оценке индикаторов конкуренции языков и оценке языкового капитала экономически активного населения Турецкой Республики для целей настоящего исследования основывается на двух взаимосвязанных показателях, включающих коэффициент полиязычия (КП) и индекс языковой интеграции (ИЯИ), разработанный автором настоящей статьи в Центре психолого-экономических исследований Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС⁴⁶ и апробированный на оценке Балтийского региона⁴⁷ и европейской интеграции⁴⁸.

Измерение доли населения, владеющего различным количеством языков, по нашему мнению, позволяет выйти на оценку распространения

⁴² Леонтьев А.А. Словарь Л.С. Выготского. – Москва: Смысл, 2021. – С. 161.

⁴³ Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – Москва: Смысл, 2019. – С. 94.

⁴⁴ Там же. С. 95.

⁴⁵ Рикёр П. Справедливое. – Москва: Гнозис, Логос, 2005. – С. 220–221.

⁴⁶ Неверов А.Н., Айрапетян А.С. Языковые рынки и инструменты их анализа // Психолого-экономические исследования. – 2019. – № 2. – С. 11–22.

⁴⁷ Неверов А.Н., Маркелов А.Ю., Айрапетян А.С. Оценка влияния интеграционных процессов на этнополитическую конкуренцию языков в Балтийском регионе // Балтийский регион. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 58–77. – DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-4.

⁴⁸ Айрапетян А.С. Европейский союз: движение к языковому равноправию или скрытой языковой монополии? // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 124–149. – DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-1-124-149.

полиязычия в том или ином обществе или как в случае настоящего исследования – экономически активного населения Турции. На основе данных исследований психологов предлагается четыре основных параметра владения языками.

1. Монолингвы (МЛ) – лица, владеющие только одним языком.
2. Билингвы (БЛ) – лица, владеющие двумя языками.
3. Трилингвы (ТЛ) – лица, владеющие тремя языками.
4. Полилингвы (ПЛ) – лица, владеющие четырьмя и более языками.

Приведенные показатели берутся в процентном отношении к общей численности исследуемого населения. Показатель уровня полиязычия, обозначенный нами как коэффициент полиязычия, рассчитывается по следующей формуле:

$$КП = БЛ + ТЛ + ПЛ$$

Коэффициент полиязычия определяется как показатель доли населения, владеющего двумя и/или более языками, а также способного к включению в межкультурную коммуникацию.

Для определения уровня языковой интеграции каждой выделенной выше группе присваивается коэффициент: МЛ – 1, БЛ – 2, ТЛ – 3 и ПЛ – 4. Чем больше население знает языков, тем выше его коэффициент. Индекс языковой интеграции рассчитывается по следующей формуле:

$$ИЯИ = -1/3 + \{(ПЛ \times 4) + (ТЛ \times 3) + (БЛ \times 2) + (МЛ \times 1)\} / 3.$$

Результатом вычислений станет значение в пределах от 0 до 1.

Опыт апробации применения формулы индекса языковой интеграции позволяет нам выделить следующие пороговые значения:

1) «*зона устойчивого одноязычия*», характеризующаяся доминированием монолингвов – при показателях **ИЯИ < 0,17**;

2) «*зона нестабильного двуязычия*», для которой характерно *либо* доминирование монолингвов при значительном присутствии билингвов и/или иных полилингвов, *либо* доминирование билингвов при значительном присутствии монолингвов – в диапазоне **0,18 < ИЯИ < 0,32** (указанный диапазон свидетельствует о пограничном состоянии между монолингвами и билингвами);

3) «*зона стабильного двуязычия*», где наблюдается устойчивое доминирование билингвов при диапазоне значений **0,33 < ИЯИ < 0,49**;

4) доминирование билингвов при значительном присутствии трилингвов при **0,5 < ИЯИ < 0,82** (указанный диапазон свидетельствует о пограничном состоянии между билингвами и трилингвами);

5) доминирование трилингвов и полилингвов при значении **0,83 < ИЯИ < 1**.

Таким образом, *индекс языковой интеграции* является показателем, демонстрирующим языковую вариативность личности и населения, комплексную интегрированную картину мира и психологической структуры сознания. Чем выше данный показатель, тем большим количеством языков владеет население и большей вариативностью мышления оно обладает. Соответственно, более высокие показатели индекса позволяют говорить о больших возможностях для понимания и меньшего конфликтного потенциала использования языков.

Динамика уровня полиязычия экономически активного населения Турции в возрасте 25–64 лет показывает, во-первых, его снижение в период между 2007 и 2011 гг. с последующим значительным ростом к 2022 г., во-вторых, больший уровень полиязычия присущ мужчинам – именно они делают чуть больший вклад (график 1). Это может быть связано, с тем, что количество мужского населения просто больше по сравнению с женским, а также большей вовлеченностью мужчин в экономическую активность в качестве индивидуальных экономических агентов. Тем не менее следует заметить, что и мужчинам, и женщинам свойственны одинаковые тенденции изменения уровня полиязычия, что позволяет говорить о влиянии такого фактора, как миграция, – именно от нее в значительной степени и зависят количественные показатели языкового капитала населения Республики.

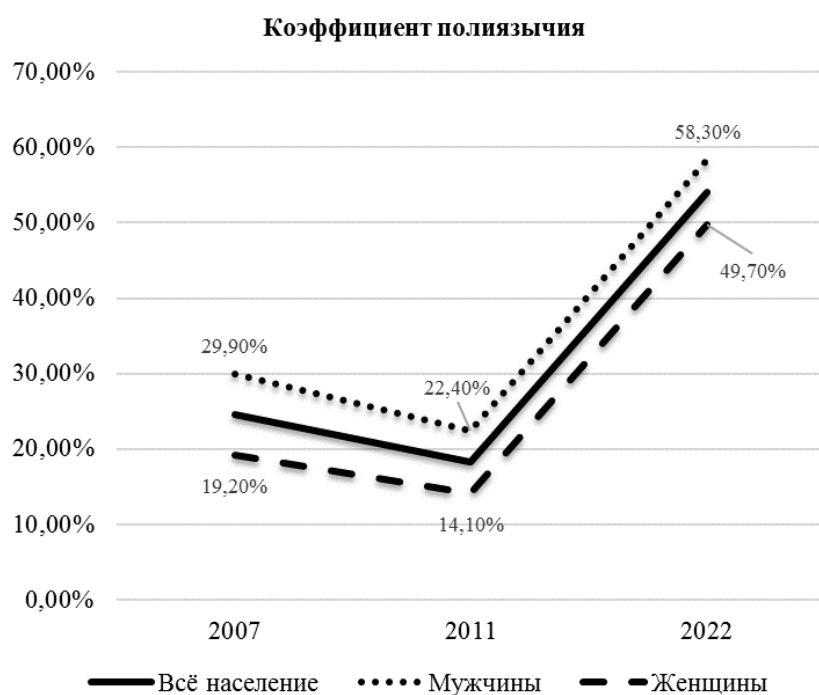
Динамика уровня языковой интеграции по своим тенденциям очень похожа на колебания уровня полиязычия (график 2). Сходство также наблюдается и в одинаковых тенденциях, присущих как мужскому, так и женскому населению Турции. Вместе с ростом полиязычия мы видим и значительный рост языковой интеграции населения Республики к 2022 г. Если 2007 и 2011 гг. однозначно демонстрируют доминирование одноязычного населения (*показатель ИЯИ даже ниже отметки 0,15*), то к 2022 г. оно оказалось в зоне нестабильного двуязычия (*показатель ИЯИ преодолел отметку 0,17*). Значительная часть и мужского, и женского экономически активного населения наращивает свой языковой капитал.

Данные итоги исследования подтверждаются и личными наблюдениями автора в такой сфере, как религиозные связи с общественностью. Речь об исламских информационных центрах, функционирующих в крупных мечетях Стамбула (Мечеть Рюстема-паши, Новая мечеть, Сулеймания, Мечеть Шехзаде Мехмеда, Нуросмание, Голубая мечеть и т.д.). 10-летний авторский опыт наблюдений (2014, 2019, 2021 и 2024 гг.) позволяет говорить о расширении использования языков сотрудниками данных центров. Во-первых, бесплатно раздаваемая литература представлена большей линейкой языков: если в 2019 и 2021 гг. в основном это были английский, французский, испанский, русский и украинский языки, то в 2024 г. к ним добавились македонский, болгарский, боснийский вариант сербо-хорватского языка, румынский, китайский, корейский, японский,

вьетнамский, польский, казахский, узбекский, киргизский и т.д. По личным ощущениям автора, значительно вырос объем исламской литературы на французском языке. Во-вторых, если в 2014 г. сотрудники исламских информационных центров в мечетях использовали в основном либо турецкий, либо английский языки в общении с туристами-посетителями мечетей, то в 2019 и 2021 гг. можно было услышать в ряде крупных мечетей диалоги на французском и русском языках, а в 2024 г. общение на данных языках стало встречаться чаще, к тому же в некоторых мечетях поговорить об исламе готовы уже на испанском, на украинском и на казахском языках. При этом в целом сотрудников исламских информационных центров обоих полов, знающих минимум два языка, а порой и три, стало больше, особенно в крупных мечетях, где высокий уровень проходимости иностранных туристов (Сулеймания, Голубая мечеть, Новая мечеть).

График 1

**Динамика изменения уровня полиязычия
экономически активного населения Турецкой Республики**

**Динамика изменения уровня языковой интеграции
экономически активного населения Турецкой Республики**

Отдельного внимания заслуживает анализ уровня полиязычия и языковой интеграции экономически активного населения Турецкой Республики за 2022 г. Евростат расширил возрастные рамки понятия экономически активного населения с диапазона 25–64 лет до 18–69 лет. Видимо, это связано с рядом пенсионных реформ в странах – членах Европейского союза. Тем не менее служба дает несколько возрастных групп экономически активного населения в целом, а также по его мужской и женской составляющих.

Уровень полиязычия экономически активного населения Турции 18–69 лет охватывает больше половины (график 3). При этом самой полиязычной частью является молодежь – группа 18–24 лет. Это единственная возрастная группа с самым высоким полиязычным женским населением. Более того, женщины здесь даже более полиязычны, чем мужчины. В остальных возрастных группах женщины уступают мужчинам по данному показателю (в группах 25–64 и 25–69 лет полиязычных женщин менее половины).

Уровень языковой интеграции турецкого населения в 2022 г. по всем выделяемым Евростатом возрастным группам демонстрирует нахождение экономически активного населения в зоне нестабильного двуязычия (график 4). Наибольшим языковым капиталом обладает молодежь в возрасте 18–24 лет. Как и с уровнем полиязычия женщины в языковом отношении в данной группе более вариативны не только по сравнению с женщинами из других групп, но и по сравнению с мужчинами. Именно в группе 18–24 лет языковой капитал женщин чуть богаче, чем у мужчин.

График 3

**Динамика изменения уровня полиязычия
экономически активного населения Турецкой Республики
по некоторым возрастным группам**

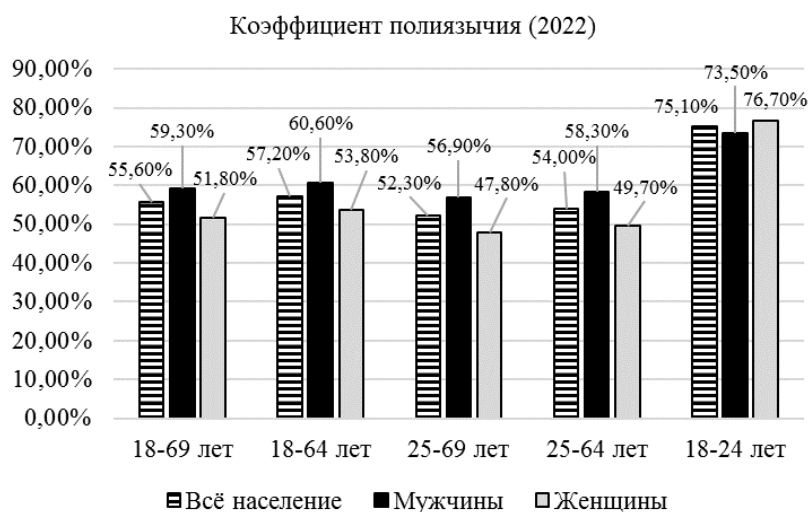
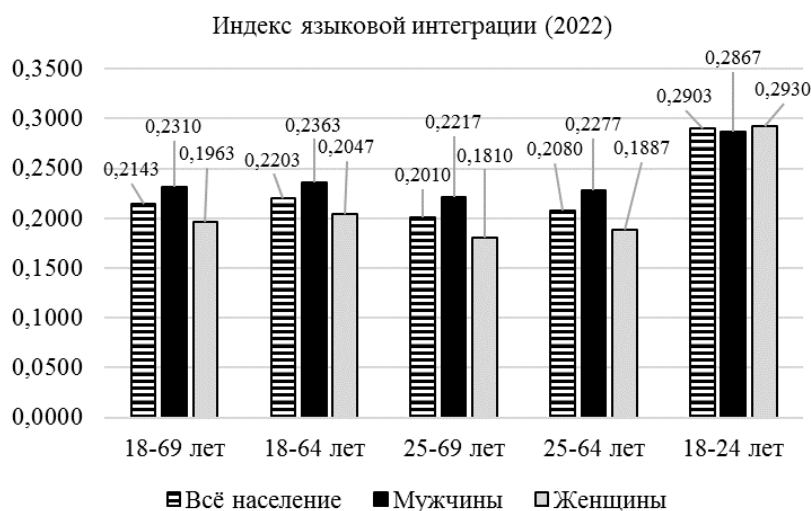

График 4

**Динамика изменения уровня языковой интеграции
экономически активного населения Турецкой Республики
по некоторым возрастным группам**

Совокупный анализ уровня полиязычия и языковой интеграции экономически активного населения Турции позволяет сказать, что в течение ближайших 10 лет уровень большей включенности женщин в качестве индивидуальных экономических агентов станет выше. Турецкие женщины в молодых поколениях (18–24 лет) уже сейчас обладают более высоким языковым капиталом, следовательно, обладают потенциалом более высокого уровня социализации. Это может свидетельствовать о том, что они еще больше будут брать на себя ответственность за свою судьбу и их чуть более высокий языковой капитал сейчас может выступать показателем этого.

Дополнительным фактором, свидетельствующим в пользу высказанного предположения, выступает демографический прогноз TürkStat'a о динамике изменения численности населения Турции по годам к 2100 г. (табл. 1). По основному (*Ana senaryo* – тур., *Main scenario* – англ.) и пессимистическому сценариям (*Düşük senaryo* – тур., *Low scenario* – англ.) ожидается снижение всего (*Toplam* – тур., *Total* – англ.) населения Турецкой Республики. Его увеличение, согласно агентству, возможно при более эффективной миграционной политике властей в оптимистическом сценарии (*Yüksek senaryo* – тур., *High scenario* – англ.).

Интересным здесь для целей настоящего исследования является не столько динамика всего населения, сколько изменение соотношения мужского (*Erkek* – тур., *Male* – англ.) и женского (*Kadın* – тур., *Female* – англ.) населения. С 2030 г. при любом сценарии ожидается устойчивая тенденция превышения женского населения над мужским. Визуально девочек среди детей и внуков в 2024 г. в Стамбуле в местах культурного отдыха и досуга турецких семей (например, парк «Гюльхане») стало больше, чем мальчиков.

В 2019 и 2021 гг. такое резкое соотношение в пользу девочек не наблюдалось. Следовательно, повышение социальной роли женщины объективно. Поскольку шансов на вступление в супружеские отношения с 2030 г. для них станет меньше (по крайней мере внутри Турции), для турецких женщин остаются варианты: либо выходить замуж за иностранцев, либо более активно проявлять себя в качестве индивидуального экономического агента, либо сочетание сразу нескольких опций. В любом случае начавшийся, о чем говорит наш анализ данных Евростата, процесс более активного наращивания женщинами своего языкового капитала укладывается в возможные стратегии. Следовательно, образ будущего турецких женщин все больше будет немыслим без знания иностранных языков. Это также может привести к росту полиязычия и языковой интеграции детей, рожденных такими женщинами.

Таблица 1

**Сценарный прогноз TürkStat'a о динамике изменения
численности населения Турецкой Республики к 2100 г.⁴⁹**

Senaryolar Сценарии		Ana senaryo Основной сценарий	Düşük senaryo Пессимистический сценарий	Yüksek senaryo Оптимистический сценарий
2023	Erkek Мужчины	42 734 071	42 734 071	42 734 071
	Kadın Женщины	42 638 306	42 638 306	42 638 306
	Toplam Всего	85 372 377	85 372 377	85 372 377
2024	Erkek Мужчины	42 933 857	42 933 857	42 950 138
	Kadın Женщины	42 878 019	42 878 019	42 891 927
	Toplam Всего	85 811 876	85 811 876	85 842 065
2030	Erkek Мужчины	43 996 753	43 842 145	44 280 755
	Kadın Женщины	44 191 468	44 048 437	44 446 088
	Toplam Всего	88 188 221	87 890 581	88 726 843
2050	Erkek Мужчины	46 382 176	44 161 599	48 899 706
	Kadın Женщины	47 392 441	45 332 641	49 693 967
	Toplam Всего	93 774 618	89 494 239	98 593 672
2075	Erkek Мужчины	43 384 974	36 958 921	50 149 780
	Kadın Женщины	44 901 967	38 906 104	51 191 385
	Toplam Всего	88 286 941	75 865 025	101 341 165
2100	Erkek Мужчины	37 713 747	26 048 257	49 953 942
	Kadın Женщины	39 085 669	28 103 394	50 631 746
	Toplam Всего	76 799 416	54 151 651	100 585 688

⁴⁹ Прогнозы численности населения, 2023–2100 гг. Nüfus Projeksiyonları, 2023–2100 // Türkiye İstatistik Kurumu. – 30.06.2024. – Турец. яз. – URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Population-Projections-2023-2100-53699> (дата обращения: 01.08.2024).

Таким образом, ожидаемое снижение численности населения Турции к 2100 г. может сопровождаться ростом его полиязычия и обогащением его языкового капитала. В свою очередь объективный рост субъектности турецкой женщины уже в ближайшем будущем будет влиять (*если уже не влияет, судя по итогам мартовских местных выборов 2024 г. в Турции*) на трансформацию не только экономической, но и политической системы.

Из этого следует, что женщины объективно расширяют электоральную базу современной турецкой оппозиции, в первую очередь Народной республиканской партии (*Cumhuriyet Halk Partisi, CHP*), традиционно опирающейся на республиканские ценности Ататюрка: революционность, республиканизм, светскость, народность и национализм. При таком раскладе правящая Партия справедливости и развития (*AK Parti*) президента Реджепа Тайипа Эрдогана проигрывает конкуренцию за власть оппозиции, особенно в постэрдогановский период. Правящая партия помимо поиска нового харизматичного лидера в деле эффективной борьбы за сохранение власти должна еще пересмотреть свою идеологическую базу, опирающуюся на традиционные исламские ценности, с учетом происходящего роста роли женщины в турецком обществе.

Список источников и литературы

1. Айрапетян А.С. Европейский союз: движение к языковому равноправию или скрытой языковой монополии? // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 124–149. – DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-1-124-149.
2. Альбом Османских Падшахов. – Стамбул: Какнюс, 2013. – 36 с.
3. Аралов С.А. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. – Москва: Издательство Института Международных отношений, 1960. – 223 с.
4. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа – Москва: Книжный дом ЛИБОРОКОМ, 2009. – 232 с.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. – Москва: Лабиринт, 2007. – 350 с.
6. Леонтьев А.А. Путешествие по карте языков мира. – Москва: Просвещение, 1990. – 144 с.
7. Леонтьев А.А. Словарь Л.С. Выготского. – Москва: Смысл, 2021. – 176 с.
8. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – Москва: Смысл, 2019. – 511 с.
9. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики: монография. – Москва: Издательство Московского университета, 1981. – 584 с.
10. Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале 19-го в. – Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. – 508 с.
11. Неверов А.Н., Айрапетян А.С. Языковые рынки и инструменты их анализа // Психолого-экономические исследования. – 2019. – № 2. – С. 11–22.

12. Неверов А.Н., Маркелов А.Ю., Айрапетян А.С. Оценка влияния интеграционных процессов на этнополитическую конкуренцию языков в Балтийском регионе // Балтийский регион. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 58–77. – DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-4.
13. Петросян Ю. Османская империя. – Москва: Алгоритм, 2013. – 304 с.
14. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
15. Рикёр П. Справедливое. – Москва: Гнозис, Логос, 2005. – 304 с.
16. Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. – Москва: Вост. лит.: Муравей, 2002. – 158 с.
17. Number of foreign languages known (self-reported) by sex // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/edat_aes_l21__custom_11916376/default/table?lang=en (дата обращения: 21.07.2024).
18. Прогнозы численности населения, 2023–2100 гг. Nüfus Projeksiyonları, 2023–2100 // Türkiye İstatistik Kurumu. – 30.06.2024. – Турец. яз. – URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Population-Projections-2023-2100-53699> (дата обращения: 01.08.2024).

ПОТЕНЦИАЛ САУДОВСКОЙ АРАВИИ В КАЧЕСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ

БУЛАНАКОВА Мария Александровна

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой
международных отношений Северо-Западного
Института Управления – филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
E-mail: bulanakova-ma@ranepa.ru
SPIN-код: 3174-5193
ORCID: 0000-0002-6937-4057

ВАСИЛЬЕВ Максим Максимович

студент 4 курса факультета международных отношений
Северо-Западного Института Управления – филиала РАНХиГС
(Санкт-Петербург)
E-mail: vasiliev.sp@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-9652-1948

Для цитирования: Буланакова М.А., Васильев М.М. Потенциал Саудовской Аравии в качестве региональной морской державы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 82–92. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.07.

Аннотация. Геостратегическое положение Саудовской Аравии определяется доступом к Красному морю и Персидскому заливу, а значит, и к основным морским коммуникациям региона. Это делает Королевство важным игроком в глобальной торговой и логистической системе. Программа диверсификации экономики Saudi Vision 2030 уделяет этому особое внимание. Целью настоящего исследования является определение особенностей потенциала Саудовской Аравии в качестве региональной морской державы. Теоретическая рамка исследования формируется на основе изучения многочисленных подходов к трактовке «sea power». Рассматривается то, как различные теоретические школы в области международных отношений подходят к определению ключевых компонентов статуса морской державы, а также как положение морской державы характеризуется международными индексами. Морская политика Саудовской Аравии рассматривается при помощи выделенных критериев «sea power». Утверждается, что Саудовская Аравия обладает реальным потенциалом для становления в качестве региональной морской державы, важнейшим условием этого выступает реализация программы Saudi Vision 2030. Ключевым препятствием на этом пути являются качествен-

ные и количественные характеристики собственных военно-морских сил, необходимых для защиты невоенной морской деятельности и для продвижения влияния в регионе.

Ключевые слова: региональная морская держава, «sea power», морская сила, морская мощь, Саудовская Аравия, Saudi Vision 2030.

Saudi Arabia Potential as a Regional Sea Power

Maria A. BULANAKOVA

PhD in History, Head of Chair of the International Relations,
North-West Institute of Management, branch of the Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

E-mail: bulanakova-ma@ranepa.ru

SPIN-code: 3174-5193

ORCID: 0000-0002-6937-4057

Maksim M. VASILIEV

4th year Student of the Faculty of International Relations,
North-West Institute of Management, branch of the Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

E-mail: vasiliev.sp@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-9652-1948

For citation: Bulanakova M.A., Vasiliev M.M. (2025). Saudi Arabia Potential as a Regional Sea Power. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 82–92. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.07.

Abstract. Saudi Arabia's geostrategic position is determined by its access to the Red Sea and the Persian Gulf, and therefore to the region's main maritime communications. This makes the Kingdom an important player in the global trade and logistics system. The Saudi Vision 2030 economic diversification program pays special attention to this. The purpose of this study is to determine the features of Saudi Arabia's potential as a regional sea power. The theoretical framework of the study is formed on the basis of studying numerous approaches to the interpretation of "sea power". It considers how various theoretical schools in the field of international relations approach the definition of key components of the status of a sea power, as well as how the position of a sea power is characterized by international indexes. The maritime policy of Saudi Arabia is considered using the identified criteria of "sea power". It is argued that Saudi Arabia has real potential to become a regional sea power, the most important condition for this being the implementation of the Saudi Vision 2030 program. The key obstacle on this path is the qualitative and quantitative characteristics of its own naval forces, which are necessary for the protection of non-military maritime activities and for promoting influence in the region.

Keywords: sea power, Saudi Arabia, Saudi Vision 2030.

Переосмысление концепции морской державы

Концепция «sea power», именуемая в различных интерпретациях как «морская держава», «морская мощь» или «морская сила», не нова и является порождением более раннего периода в развитии международных отношений. На рубеже XIX–XX вв. классиками морской геополитики (А.Т. Мэхэн, Ф.Г. Коломб) под морской мощью понимался статус мировой державы, способной с помощью своего потенциала на море влиять на политические процессы во всем мире. Ключевым компонентом такой мощи являлся сильный флот, единым ударом которого можно одержать победу в генеральном сражении на море¹.

Применение данной концепции в современных исследованиях связано с двумя разнонаправленными процессами: ее развитием в рамках теорий неолиберализма и неореализма. Неолиберальные авторы ссылаются на структуру глобальной экономической системы, от стабильности которой выигрывают все государства мира. Из-за этого военно-морские силы строятся и развиваются не друг против друга, а вместе друг с другом, и их основная цель сегодня – защита мировой экономической системы². Роль сильного флота при этом не отрицается, но понимание морской мощи строится не на «мощи на море», а на «мощи от моря»³.

Практическим отражением данного подхода является индекс морской мощи Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Выражением морского потенциала страны является сумма трех субиндексов: морских ресурсов, морских инструментов и морской деятельности⁴. При этом индикаторы военного и невоенного использования моря признаны взаимозависимыми и взаимодополняемыми, а потому имеют равный в процентном соотношении вес в индексе.

Современные исследования в парадигме неореализма вновь обращаются к отдельным элементам риторики классической геополитики. Это отличает их от представителей классического реализма, которые либо не касались морской мощи в своих работах, либо критиковали ее. Отт Лаанеметс, например, обращается к понятиям национальной мощи и талассократии, геополитике Спикмэна и Маккиндера⁵, Бен Ломбарди об-

¹ Mahan A. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. – Boston: Little, Brown and Company, 1890. – 557 p.

² Rubel R. Navies and Economic Prosperity: The New Logic of Sea Power // Corbett Paper. – 2012. – № 11. – P. 1–23. – URL: <https://www.kcl.ac.uk/dsd/assets/corbettpaper11.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).

³ Till G. Seapower: A Guide for the Twenty-First Century. – Abingdon: Routledge, 2009. – 432 p.

⁴ Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2024: индексы ИМЭМО РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 2024. – 212 с.

⁵ Laanemets O. Sea Power in the Baltic Sea // Estonian Journal of Military Studies. – 2021. – № 16. – P. 55–142. – DOI: 10.15157/st.vi16.24102 (дата обращения: 17.12.2024).

ращает внимание читателя на вопросы будущего военно-морской безопасности⁶, а Мохаммед Кешк ссылается на концепцию баланса сил при оценке угроз морской безопасности в Персидском заливе⁷. Морская сила снова отождествляется с военным флотом как инструментом принуждения и проекции силы. В практических исследованиях это выражается в разработке и использовании индексов морских держав, в которых единственными единицами сравнения становятся количественные показатели военно-морских сил (Global Fire Power Index⁸, World Directory of Modern Military Warships⁹).

Таким образом, с теоретической и практической точек зрения ключевыми компонентами морской мощи являются сильный флот и определенный уровень экономического и политического взаимодействия между государствами. Ключевой вопрос, в котором подходы различаются, заключается в балансе между ролью военных и невоенных аспектов морской деятельности.

В контексте современного анализа международных отношений мы видим, что государства могут иметь разные политические амбиции. Это напрямую зависит от их военного, экономического и политического потенциала, исторического развития и международной повестки дня. Не все государства сегодня могут претендовать на статус морской державы в глобальном масштабе, но в то же время они могут обладать определенными качествами морской державы и активно распространять свое влияние на региональном уровне.

Одним из таких примеров является Турецкая Республика, имеющая самый большой флот в регионе Чёрного моря¹⁰, контролирующая проливы Босфор и Дарданеллы, а также активно разрабатывающая морские месторождения ресурсов. Другим показателем развития военно-морского потенциала Турции является разработка новой внешнеполитической стратегии «Голубая Родина», направленной на доминирование в Восточном

⁶ Lombardi B. The Future Maritime Operating Environment and the Role of Naval Power // Canadian Naval Review. – 08.09.2016. – 126 p. – URL: <https://www.navalreview.ca/2016/09/the-future-maritime-operating-environment-and-the-role-of-naval-power/> (дата обращения: 17.12.2024).

⁷ Keshk M. Maritime Security of the Arab Gulf States. Analysis of Current Threats, Confrontation Mechanisms, and Future Challenges. – Springer, 2022. – 170 p.

⁸ Navy Fleet Strength by Country // Global Firepower. – URL: <https://www.globalfirepower.com/navy-ships.php> (дата обращения: 17.12.2024).

⁹ Global Naval Powers Ranking // World Directory of Modern Military Warships. – URL: <https://www.wdmmw.org/ranking.php> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁰ Деланоз И. Соотношение вооруженных сил в Черноморском регионе // Российский совет по международным делам. – 20.06.2016. – URL: <https://russiancouncil.ru/blackseamilitary> (дата обращения: 17.12.2024).

Средиземноморье¹¹. Получается, что Турция контролирует часть морской акватории, разрабатывает расположенные в ней ресурсы, имеет инструменты для защиты своей морской деятельности и является неотъемлемой частью военно-политического баланса в регионе. Однако она не претендует на статус глобальной морской державы, несмотря на использование своего морского потенциала для достижения собственных целей и защиты своих интересов.

В XXI в. морская сила понимается как сумма компонентов военного, политического и экономического потенциала государства. Понятие «sea power» может активно использоваться при определении роли средних держав при условии выделения новой классификации – включения в их ряды «региональных морских держав», положение и морской потенциал которых позволяют им занимать ведущую роль в регионе и тем самым оказывать влияние на страны этого же региона. Однако в современных исследованиях определение и классификация региональных морских держав еще не проводились.

Саудовская Аравия

В контексте идеи определения региональных морских держав и дальнейшего изучения их морского потенциала большой интерес представляет случай Королевства Саудовская Аравия. Это государство, вся сфера деятельности которого в настоящее время тесно связана с морем. Королевство имеет береговую линию протяженностью около 3400 километров, в то время как через Красное море проходит больше 13% мировой торговли и судоходства, а Персидский залив обеспечивает 20% мировых поставок энергии¹². Согласно данным участия Саудовской Аравии в Международной морской организации (ИМО) с 1969 г., Королевство:

- считается первой арабской страной, прошедшей обязательный аудит ИМО (IMSAS) в 2023 г.;
- имеет 20-й в мире флот по рейтингу ЮНКТАД и 1-й торговый флот в арабском мире;
- занимает 5-е место по скорости обработки грузов в мире;
- достигло 77% роста морских перевозок в период с 2016 по 2023 г.¹³

Очевидно, что для региональных морских держав море выступает как источник экономического развития. По состоянию на 2023 г. запасы

¹¹ Аватков В.А., Мишин Л.Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 7–22. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.03.01.

¹² The Kingdom of Saudi Arabia & The International Maritime Organization. – URL: <https://www.ksaimo.com/en> (дата обращения: 17.12.2024).

¹³ Ibid.

нефти в Саудовской Аравии составляют 267 млрд баррелей¹⁴, что делает ее второй страной в мире по запасам нефти. Индекс морских ресурсов ИМЭМО ставит Саудовскую Аравию на первое место из-за ее крупнейших шельфовых запасов нефти. Так, например, месторождение Сафания является крупнейшим в мире морским нефтяным месторождением¹⁵. Разветвленная система нефтепроводов соединяет места добычи нефти с портами. В Саудовской Аравии базируется компания Bahri, ранее известная как Национальная судоходная компания Саудовской Аравии. Она имеет флот из 92 судов, 39 из которых являются «очень большими нефтеналивными судами» (VLCC). Она является одним из ведущих поставщиков услуг по транспортировке сырой нефти за последние два с лишним десятилетия и эксклюзивным поставщиком транспортировки VLCC для Saudi Aramco¹⁶.

Роль морского компонента экономики Королевства также подтверждена в программе экономической диверсификации Saudi Vision 2030, которая была учреждена Советом по вопросам экономики и развития в 2016 г. под руководством наследного принца Мухаммеда бин Салмана. В интервью Arab News в 2021 г. наследный принц обсудил роль нефтяного сектора в программе экономической диверсификации: «Существует ошибочное мнение, что Королевство Саудовская Аравия хотело бы избавиться от нефти»¹⁷. По его мнению, спрос на нефть останется высоким и после 2030 г., но доступное предложение будет снижаться быстрее. Саудовская Аравия сможет увеличить добычу нефти в будущем, чтобы покрыть мировой спрос на нефть, что является многообещающим прогнозом для экономики страны. Даже если экономика Королевства диверсифицируется, нефтяной сектор все равно будет играть в ней важную роль. Поддержание стабильности этой морской деятельности, связанной с добычей на шельфе и морской транспортировкой ресурсов, станет еще более важной задачей, если наследный принц окажется прав в своем суждении о будущем увеличении добычи нефти.

Кроме того, приоритет развития Саудовской Аравии как морской державы в рамках программы Saudi Vision 2030 отражается в активном включении новых социально-демографических групп населения в морскую повестку дня. В 2023 г. Королевство провело ряд семинаров в рамках

¹⁴ Oil data: upstream // OPEC Annual Statistical Bulletin. – 2024. – URL: <https://publications.opec.org/asb/chapter/show/123/2113/2116> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁵ Our history // Aramco. – URL: <https://www.aramco.com/en/about-us/our-history> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁶ About Bahri Oil // Bahri. – URL: <https://www.bahri.sa/en/bahri-units/bahri-oil/> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁷ Full Transcript: Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer // Arab News. – 28.04.2021. – URL: <https://arab.news/ywhra> (дата обращения: 17.12.2024).

«Arab Women in Maritime Association» с участием 18 стран из региона Ближнего Востока и Северной Африки, с двумя приглашенными женщинами – представителями от каждой страны¹⁸.

Фактор внешнеэкономических связей и внешнего влияния в целом играет важную роль в определении морского потенциала Саудовской Аравии. Ближний Восток находится в географическом центре китайского проекта «Один пояс – один путь». Половина импорта нефти в Китай поступает из стран Персидского залива, причем ни одна страна не покупает нефти у Саудовской Аравии больше, чем Китай¹⁹. Между тем на 18-м саммите G20 в Нью-Дели в сентябре 2023 г. был запланирован экономический коридор под названием IMEC (India-Middle East-Europe Economic Corridor). IMEC призван дополнить уже существующие автомобильные и морские транспортные маршруты, стремясь повысить связанность и экономическую интеграцию между Азией и Европой²⁰. Таким образом, наблюдается четкая диверсификация экономических и инфраструктурных проектов, что станет еще одним фактором, способствующим укреплению Королевства как независимой морской державы в регионе.

К 2030 г. Королевство Саудовская Аравия ставит перед собой цель войти в первую десятку стран по индексу логистических услуг LPI, занять 35-е место в индексе трансграничной торговли, увеличить долю Королевства на рынке перевалки грузов до 45% и расширить логистические услуги²¹. В Индексе морской деятельности IMEMO 2022 Королевство заняло 23-е место в мире²², в Индексе 2023 г. – 22-е²³, а в 2024 г. Саудовская Аравия заняла 25-е место²⁴. Сами авторы индекса отмечают, что дополнительное негативное влияние оказало то, что в ноябре 2023 г. базирующееся в Йемене движение хуситов начало свои нападения на отдельные торговые суда, проходящие через Красное море²⁵.

¹⁸ The Kingdom of Saudi Arabia & The International Maritime Organization. – URL: <https://www.ksaimo.com/en> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁹ Bradsher K. China's Economic Stake in the Middle East: Its Thirst for Oil // The New York Times. – 11.10.2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/11/business/china-oil-saudi-arabia-iran.html> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁰ Cafiero G. The Geopolitics of the India-Middle East-Europe Economic Corridor // Arab Center Washington DC. – 10.10.2023. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-geopolitics-of-the-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (дата обращения: 17.12.2024).

²¹ The Kingdom of Saudi Arabia & The International Maritime Organization. – URL: <https://www.ksaimo.com/en> (дата обращения: 17.12.2024).

²² Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2022: индексы ИМЭМО РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 2022. – 190 с.

²³ Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2023: индексы ИМЭМО РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 2023. – 196 с.

²⁴ Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2024: индексы ИМЭМО РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 2024. – 212 с.

²⁵ Там же.

Проблема региональной безопасности в Красном море и Персидском заливе, по сути, двойственна. Исторически архитектура безопасности в Заливе строилась на присутствии ВМС США²⁶. Среди позитивных аспектов такого положения дел – политическая поддержка и институционализация военного партнерства между Саудовской Аравией и Соединенными Штатами. Сегодня Саудовская Аравия является активным участником возглавляемого США многонационального военно-морского партнерства «Combined Maritime Forces» и трижды выступала в качестве командующей страны в «Объединенной оперативной группе – 152»²⁷. В то же время это выступило в качестве ограничивающего фактора в развитии собственных военно-морских сил. Основу саудовского флота составляют семь фрегатов, четыре корвета, три минных и 39 патрульных судов²⁸. Индекс морских инструментов ИМЭМО ставит Саудовскую Аравию на 36-е место среди 100 ведущих стран, а индекс военно-морских сил ставит Королевство на 34-е место²⁹. Согласно Global Firepower Index, Саудовская Аравия занимает 53-е место в рейтинге «Naval Power by Country»³⁰, в то время как World Directory of Modern Warships поместили Королевство на 36-е место из 39 стран в Индексе³¹.

Недавние изменения в политике США на Ближнем Востоке также повлияли на позицию Саудовской Аравии в сфере региональной безопасности. Администрация Трампа не смогла помочь Королевству после иранской атаки на нефтяные месторождения в 2019 г., а администрация Байдена заморозила продажу оружия традиционным союзникам на Ближнем Востоке³². Все это подталкивает Саудовскую Аравию к развитию собственной оборонной промышленности, а также к диверсификации поставок оружия.

Мухаммед бин Салман, занимавший пост министра обороны с 2015 по 2022 г., столкнулся с рядом проблем в саудовских вооруженных

²⁶ Thievon K. New Ambition at Sea: Naval Modernization in the Gulf States // The International Institute for Strategic Studies. – 05.06.2023. – URL: <https://www.iiss.org/research-paper/2023/06/new-ambitions-at-sea-naval-modernisation-in-the-gulf-states/> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁷ Combined Maritime Forces. – URL: <https://combinedmaritimeforces.com/> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁸ Navy Fleet Strength by Country // Global Firepower. – URL: <https://www.globalfirepower.com/navy-ships.php> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁹ Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2024: индексы ИМЭМО РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 2024. – 212 с.

³⁰ Navy Fleet Strength by Country // Global Firepower. – URL: <https://www.globalfirepower.com/navy-ships.php> (дата обращения: 17.12.2024).

³¹ Global Naval Powers Ranking // World Directory of Modern Military Warships. – URL: <https://www.wdmmw.org/ranking.php> (дата обращения: 17.12.2024).

³² Haboush J. Pentagon official outlines ‘paradigm shift’ in US defense approach to Middle East // Al Arabiya English. – 24.05.2023. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2023/05/24/US-national-security-interests-interwoven-in-Middle-East-Pentagon-official-says> (дата обращения: 17.12.2024).

силах, главная из которых заключалась в том, что Королевство тратило непропорционально большую часть своих доходов на вопросы безопасности, которые дали неопределенные результаты³³. Серьезные проблемы региональной безопасности, будь то угроза со стороны Ирана или хуситов, или конкуренция с другими арабскими государствами Персидского залива, привели к масштабным реформам по модернизации армии и флота под знаменем Saudi Vision 2030. Эти реформы включают финансирование национальных судостроительных (например, Zamil) и оружейных (например, SAMI) компаний и их сотрудничество с иностранными (например, Navantia)³⁴. По данным Главного управления военной промышленности, компания «SAMI Navantia Naval Industries» открыла «Центр передового опыта по интеграции и разработке военно-морских систем», что знаменует собой важный шаг вперед для SAMI Navantia в достижении целей Saudi Vision 2030³⁵.

Растущие военно-морские амбиции Королевства очевидны уже более десятилетия³⁶ и во многом связаны с реализацией программы Saudi Vision 2030. Успех в реализации идей Мухаммеда бин Салмана ведет к перестройке не только национальной экономики и видения региональной безопасности, но и всего Ближнего Востока и места Саудовской Аравии в нем.

* * *

Применение концепции морской мощи в современных исследованиях международных отношений связано с ростом влияния средних держав, которые готовы использовать свой морской потенциал на мировой арене. Хотя понимание этой концепции в настоящее время сильно дифференцировано, оно имеет большой потенциал усиления динамики ее использования в будущих исследованиях, если выделение региональных морских держав окажется обоснованным.

Саудовская Аравия рассматривается в данном исследовании как потенциальная региональная морская держава. Королевство контролирует

³³ Cordesman A. Military Spending: The Other Side of Saudi Security // Center for Strategic & International Studies. – 13.03.2018. – URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep22439> (дата обращения: 17.12.2024).

³⁴ Vidal A. Securing the Seas: Examining Changing Saudi & Emirati Naval Capabilities // Gulf International Forum. – 15.04.2024. – URL: <https://gulif.org/securing-the-seas-examining-changing-saudi-emirati-naval-capabilities/> (дата обращения: 17.12.2024).

³⁵ Saudi Arabia Strengthens Naval Power with New Center of Excellence // World Defense Show Saudi Arabia. – 02.04.2024. – URL: <https://www.worlddefenseshow.com/media/news/article-list/saudi-arabia-strengthens-naval-power-with-new-center-of-excellence/> (дата обращения: 17.12.2024).

³⁶ Mazzucco L. Saudi Navy Assumes New Leadership Role in US-led Maritime Coalitions // Stimson. – 26.10.2023. – URL: <https://www.stimson.org/2023/saudi-navy-assumes-new-leadership-role-in-us-led-maritime-coalitions/> (дата обращения: 17.12.2024).

большое количество морских ресурсов, его инструментария достаточно для успешной реализации невоенного использования моря. Однако ухудшение ситуации в сфере региональной морской безопасности является фактором, который, с одной стороны, сдерживает морской потенциал Саудовской Аравии, но, с другой стороны, стимулирует инвестиции в развитие национального судостроения и оружейных технологий. Окончательное превращение Королевства в региональную морскую державу зависит от результатов программы Saudi Vision 2030.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Мишин Л.Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 3 (7). – С. 7–22. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.03.01.
2. Деланоз И. Соотношение вооруженных сил в Черноморском регионе // Российский совет по международным делам. – 20.06.2016. – URL: <https://russian-council.ru/blackseamilitary> (дата обращения: 17.12.2024).
3. Ежегодный статистический бюллетень ОПЕК. – URL: <https://publications.opes.org/asb/chapter/show/123/2113/2116> (дата обращения: 17.12.2024).
4. Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2022: индексы ИМЭМО РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 2022. – 190 с.
5. Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2023: индексы ИМЭМО РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 2023. – 196 с.
6. Поливач А.П., Гудев П.А. Морские державы 2024: индексы ИМЭМО РАН. – Москва: ИМЭМО РАН, 2024. – 212 с.
7. About Bahri Oil // Bahri. – URL: <https://www.bahri.sa/en/bahri-units/bahri-oil/> (дата обращения: 17.12.2024).
8. Bradsher K. China's Economic Stake in the Middle East: Its Thirst for Oil // The New York Times. – 11.10.2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/11/business/china-oil-saudi-arabia-iran.html> (дата обращения: 17.12.2024).
9. Cafiero G. The Geopolitics of the India-Middle East-Europe Economic Corridor // Arab Center Washington DC. – 10.10.2023. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-geopolitics-of-the-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (дата обращения: 17.12.2024).
10. Combined Maritime Forces. – URL: <https://combinedmaritimeforces.com/> (дата обращения: 17.12.2024).
11. Cordesman A. Military Spending: The Other Side of Saudi Security // Center for Strategic & International Studies. – 13.03.2018. – URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep22439> (дата обращения: 17.12.2024).
12. Full Transcript: Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer // Arab News. – 28.04.2021. – URL: <https://arab.news/ywhra> (дата обращения: 17.12.2024).

13. Global Naval Powers Ranking // World Directory of Modern Military Warships. – URL: <https://www.wdmmw.org/ranking.php> (дата обращения: 17.12.2024).
14. Haboush J. Pentagon official outlines 'paradigm shift' in US defense approach to Middle East // Al Arabiya English. – 24.05.2023. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2023/05/24/US-national-security-interests-interwoven-in-Middle-East-Pentagon-official-says> (дата обращения: 17.12.2024).
15. Keshk M. Maritime Security of the Arab Gulf States. Analysis of Current Threats, Confrontation Mechanisms, and Future Challenges. – Springer, 2022. – 170 p.
16. Laanemets O. Sea Power in the Baltic Sea // Estonian Journal of Military Studies. – 2021. – № 16. – P. 55–142. – URL: <https://doi.org/10.15157/st.vi16.24102> (дата обращения: 17.12.2024).
17. Lombardi B. The Future Maritime Operating Environment and the Role of Naval Power // Canadian Naval Review. – 08.09.2016. – 126 p. – URL: <https://www.navalreview.ca/2016/09/the-future-maritime-operating-environment-and-the-role-of-naval-power/> (дата обращения: 17.12.2024).
18. Mahan A. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. – Boston: Little, Brown and Company, 1890. – 557 p.
19. Mazzucco L. Saudi Navy Assumes New Leadership Role in US-led Maritime Coalitions // Stimson. – 26.10.2023. – URL: <https://www.stimson.org/2023/saudi-navy-assumes-new-leadership-role-in-us-led-maritime-coalitions/> (дата обращения: 17.12.2024).
20. Navy Fleet Strength by Country // Global Firepower. – URL: <https://www.global-firepower.com/navy-ships.php> (дата обращения: 17.12.2024).
21. Our history // Aramco. – URL: <https://www.aramco.com/en/about-us/our-history> (дата обращения: 17.12.2024).
22. Rubel R. Navies and Economic Prosperity: The New Logic of Sea Power // Corbett Paper. – 2012. – № 11. – P. 1–23. – URL: <https://www.kcl.ac.uk/dsd/assets/corbettpaper11.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).
23. Saudi Arabia Strengthens Naval Power with New Center of Excellence // World Defense Show Saudi Arabia. – 02.04.2024. – URL: <https://www.worlddefense-show.com/media/news/article-list/saudi-arabia-strengthens-naval-power-with-new-center-of-excellence/> (дата обращения: 17.12.2024).
24. The Kingdom of Saudi Arabia & The International Maritime Organization. – URL: <https://www.ksaimo.com/en> (дата обращения: 17.12.2024).
25. Thievon K. New Ambition at Sea: Naval Modernization in the Gulf States // The International Institute for Strategic Studies. – 05.06.2023. – URL: <https://www.iiss.org/research-paper/2023/06/new-ambitions-at-sea-naval-modernisation-in-the-gulf-states/> (дата обращения: 17.12.2024).
26. Till G. Seapower: A Guide for the Twenty-First Century. – Abingdon: Routledge, 2009. – 432 p.
27. Vidal A. Securing the Seas: Examining Changing Saudi & Emirati Naval Capabilities // Gulf International Forum – 15.04.2024. – URL: <https://gulffif.org/securing-the-seas-examining-changing-saudi-emirati-naval-capabilities/> (дата обращения: 17.12.2024).

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

КРЫЛОВ Данила Сергеевич

кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-код: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

ЕРМАНАЛИЕВА Аида Рамильевна

старший лаборант Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: lonny.bin21@mail.ru

SPIN-код: 7987-2001

ORCID: 0009-0003-8524-0141

Для цитирования: *Крылов Д.С., Ерманалиева А.Р.* Место и роль Исламской Республики Иран в новой геополитической реальности // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 93–103. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.08.

Аннотация. Статья посвящена исследованию изменений внешнеполитической роли Исламской Республики Иран в современных условиях. Актуальность темы обусловлена трансформацией системы международных отношений, в рамках которой Иран стремится занять ключевые позиции, являясь одним из связующих звеньев между Европой, Ближним Востоком и Азией. Были изучены документы стратегического планирования Ирана, включая Стратегию 20-летнего развития и Седьмой пятилетний план. Использованы методы системного анализа для оценки взаимодействий Ирана с региональными и внерегиональными акторами, а также конструктивистский подход, позволяющий анализировать региональные пространства в рамках мегарегионализации. Полученные результаты свидетельствуют, что мегарегионализация играет ключевую роль в новой внешнеполитической стратегии Ирана. Это особенно заметно через участие Тегерана в транспортных проектах, например, МТК «Север-Юг». Иран активно формирует

новые региональные и межрегиональные союзы, расширяя свое экономическое и культурное влияние, что укрепляет его позиции на международной арене.

Ключевые слова: Иран, глобальные трансформации, полицентричный мир, идейно-ценностный фактор, БРИКС, ШОС, Большая Евразия.

The Place and Role of the Islamic Republic of Iran in New Geopolitical Reality

Danila S. KRYLOV

PhD in Political Science, Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-code: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

Aida R. ERMANALIEVA

Senior Laboratory Assistant of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: lonny.bin21@mail.ru

SPIN-code: 7987-2001

ORCID: 0009-0003-8524-0141

For citation: Krylov D.S., Ermanalieva A.R. (2025). The Place and Role of the Islamic Republic of Iran in New Geopolitical Reality. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 93–103. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.08.

Abstract. The article is dedicated to studying the changes in the foreign policy role of the Islamic Republic of Iran amid the transformation of the international system. The relevance of the topic stems from the ongoing transformation of the international order, in which Iran seeks to secure key positions, acting as a bridge between Eurasia and the Middle East. The purpose of the study is to analyze Iran's foreign policy strategies, with a focus on its involvement in international alliances such as BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The research sources include Iran's strategic planning documents, such as the 20-Year Development Strategy and the Seventh Five-Year Plan. The study employs a systematic (comprehensive) approach, viewing international relations as a holistic, dynamic system encompassing a multitude of interconnected factors influencing Iran's foreign policy trajectory. Methods of system analysis were used to assess Iran's interactions with regional and extraregional actors, as well as a constructivist approach to analyze regional spaces within the framework of megaregionalization. The main conclusions indicate that megaregionalization plays a pivotal role in Iran's new foreign policy strategy, particularly through its participation in transport projects such as the International North-South Transport Corridor and energy diplomacy. Iran is actively forming new regional and interregional alliances, expanding its economic and cultural influence, which strengthens its position in interna-

tional initiatives. Thus, Iran seeks to play a key role in a polycentric model of international relations, replacing confrontation with cooperation.

Keywords: Iran, global transformations, polycentric world, ideological and value factor, BRICS, SCO, Greater Eurasia.

С началом специальной военной операции (СВО) в 2022 г. на Украине, ускорился процесс трансформации системы международных отношений, который начал формироваться еще до этих событий, в частности после присоединения Крыма к России в 2014 г. В современных условиях географическая близость как главный фактор сотрудничества утрачивает свою первостепенную важность. На первый план выходят новые альянсы и форматы сотрудничества, такие как БРИКС и ШОС, которые отражают отход от западоцентричной системы. Иран, являясь неоспоримым региональным лидером, активно участвует в формировании новой геополитической реальности, играя все более значимую роль в этих процессах¹.

Феномен глобальной регионализации эволюционировал в мегарегионализацию², в которой не просто отдельные государства, а целые макро-регионы начинают определять мировую повестку. В подобных условиях Иран пересматривает свои внешнеполитические ориентиры, переходя от традиционного регионального лидерства к более амбициозным целям, стремясь стать стратегическим узлом на пересечении различных регионов³.

На фоне усиливающихся глобальных вызовов – будь то экономические, экологические и политические кризисы – Тегеран взял курс на мегарегиональную интеграцию⁴. Иранские амбиции стали очевидны уже в 2000-х годах, еще до начала Арабской весны. На новом этапе глобальной регионализации Иран активно претендует на роль ведущей силы в Юго-Западной Азии, стремясь укрепить свое лидерство в регионе⁵.

¹ Евстафьев Д.Г. Посткапитализм для России. Модель конкуренции в неоглобальном мире // Свободная мысль. – 2024. – № 2 (1704). – С. 85–96.

² Мегарегионализация – это процесс формирования крупных межрегиональных объединений, выходящих за рамки традиционных географических и политических регионов. В отличие от обычной регионализации, которая фокусируется на сотрудничестве внутри определенных регионов (например, ЕС или АСЕАН), мегарегионализация предполагает создание более масштабных альянсов и интеграционных проектов, которые охватывают несколько регионов и континентов. Примером таких процессов являются международные объединения, как БРИКС и ШОС, которые объединяют государства с разными культурными и геополитическими ориентирами для совместного решения глобальных вызовов.

³ Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). – Москва: РУДН, 2012. – 385 с.

⁴ Дунаева Е.В. Внутриполитическая и социально-экономическая ситуация в Исламской Республике Иран // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. – Москва: НП РСМД, 2023. – С. 41–45.

⁵ Баскаков И.Д., Ерманалиева А.Р. Современный внешнеполитический курс Ирана в Закавказье // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 3 (7). – С. 115–131. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.03.06.

Устремления Тегерана отражены в Стратегии 20-летнего развития Ирана до 2025 г.⁶, а также в Седьмом пятилетнем плане развития⁷. Основное внимание уделяется созданию сбалансированных отношений с соседними странами, что будет способствовать усилению экономических связей. Одним из приоритетов Ирана является усиление взаимодействия с Организацией экономического сотрудничества (ОЭС) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), с целью развития транзитного потенциала в области перемещения энергоносителей, товаров и пассажиров.

Мегарегионализация как новая составляющая внешней политики Ирана

В последние десятилетия Исламская Республика Иран уверенно укрепляла свои позиции в качестве регионального лидера, однако современные вызовы на мировой арене требуют от Тегерана пересмотра устоявшихся моделей взаимодействия. Важно учесть, что основной принцип внешней политики Исламской Республики – невмешательство во внутренние дела других стран. Данный подход, закрепленный в исламской идеологии государства, поддерживает суверенитет и одновременно утверждает Иран в роли защитника справедливости и борца с угнетателями⁸.

Значимость Ирана в международных процессах значительно возросла с его вступлением в БРИКС 1 января 2024 года⁹. Решительный шаг не только усилил влияние страны в мировой политике, но и открыл перед ней новые возможности для сотрудничества с ключевыми экономическими партнерами, такими как Китай и Россия. Иран, таким образом, не просто развивает многосторонние отношения, но становится активным инициатором создания платформ и механизмов взаимодействия, которые связывают между собой разные регионы мира.

Формирующийся процесс мегарегионализации способствует расширению иранского влияния на международной арене. Ключевую роль в этой стратегии играют крупные инфраструктурные и энергетические проекты. Ярким примером является Международный транспортный коридор «Север – Юг», который соединяет Иран с Индийским океаном, Закавказьем и Европой.

⁶ Стратегия развития Исламской Республики Иран до 2025 года = Санад-е чашмандаз-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар офог-е 1404 // Khamenei. – 03.11.2003. – Перс. яз. – URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=9034> (дата обращения: 14.09.2024).

⁷ Был представлен Седьмой пятилетний план развития, полный текст = Барнаме-йе хафтом-е тоусэ нехайи шод, матн-е камел // Farhikhtegandaily. – 12.01.2023. – Перс. яз. – URL: <https://farhikhtegandaily.com/news/89488> (дата обращения: 14.09.2024).

⁸ Iran (Islamic Republic of) 1979 (rev. 1989) // Constitute. – URL: https://www.constitute-project.org/constitution/Iran_1989.pdf (дата обращения: 14.09.2024).

⁹ Вступление Ирана в БРИКС // TV BRICS. – 26.01.2021. – URL: <https://tvbrics.com/news/vstuplenie-irana-v-briks/> (дата обращения: 14.09.2024).

казьем, Средней Азией и Россией. Транспортный проект не только усиливает экономическое присутствие Ирана в разных регионах, но и открывает новые возможности для сотрудничества, создавая базу для развития международных альянсов и торговых путей¹⁰.

Одновременно Иран также активно развивает сотрудничество в энергетической сфере, что позволяет ему стать важным игроком на рынках Евразии. Примером являются различные другие крупные проекты, такие как инициатива «Один пояс – один путь», где Иран участвует совместно с Китаем. Развивая эту стратегию, Тегеран создает культурные и экономические мосты между Востоком и Западом, которые усиливают его позиции не только в регионе, но и на международной арене. В долгосрочной перспективе Иран планирует играть ключевую роль в формировании новой глобальной архитектуры, ориентированной на полицентричный мир, где сразу несколько крупных держав будут определять правила новой системы международных отношений¹¹.

Новая роль Ирана в системе международных альянсов

Присоединение Ирана к БРИКС является не только политическим шагом, но и важным стратегическим ходом, направленным на укрепление своей роли в изменяющемся мировом порядке. БРИКС зарекомендовал себя как неформальный центр притяжения для стран, которые стремятся ослабить влияние Запада и построить полицентричную международную систему¹².

Для Тегерана вступление в БРИКС – это возможность интеграции в коалицию государств, которые представляют значительную долю мирового населения и экономики, но действуют вне рамок традиционного западного геополитического доминирования, что особенно важно для Ирана, учитывая многолетние санкции со стороны США и ЕС. БРИКС предлагает Ирану не только альтернативные экономические возможности, но и площадку для сотрудничества с Китаем и Россией, которые уже являются важными партнерами Исламской Республики¹³. БРИКС, будучи объединением с широким географическим охватом, способствует расши-

¹⁰ Столетов О.В. Иранский фактор в геоэкономических процессах Глобального Юга на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 67–87. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.04.

¹¹ Мамедова Н.М. Исламский фактор в развитии современного Ирана // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). – Москва: Садра, 2019. – С. 106–122.

¹² К чему стремится Иран, вступая в БРИКС? // Агентство Анадолу. – 29.08.2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/мнение-к-чему-стремится-иран-вступая-в-брикс/2978444> (дата обращения: 02.09.2024).

¹³ Никонов В.А. Исламская Республика Иран – новый участник БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 103. – С. 7–41. – DOI: 10.24412/944 jga82.

рению дипломатического и экономического пространства для Ирана, особенно на фоне попыток Вашингтона сдержать его влияние в регионе Ближнего Востока¹⁴.

Экономический потенциал Ирана также становится важным активом для стран БРИКС. Наличие больших запасов нефти и газа делает его привлекательным партнером для стран, нуждающихся в энергетических ресурсах, таких как Китай и Индия. А Иран, в свою очередь, рассчитывает на инвестиции в свою инфраструктуру и энергетический сектор, что позволит ему снизить зависимость от западных технологий и рынков.

Однако ключевой задачей для Ирана остается выстраивание сбалансированной внешнеполитической стратегии. С одной стороны, он стремится расширить свое влияние в регионе, с другой – избежать чрезмерной конфронтации с Западом, чтобы не подвергнуть страну новым экономическим и политическим ударам. Участие в БРИКС предоставляет Ирану возможность продемонстрировать свою независимость, оставаясь при этом в рамках сотрудничества с крупными державами, которые разделяют его видение глобальных процессов¹⁵.

Отмечая роль Ирана в международных альянсах, необходимо выделить важное событие – вступление Исламской Республики в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в 2022 г., которое открыло перед страной значительные возможности и преимущества. Прежде всего, это возможность Ирану преодолеть международную изоляцию, которая была наложена на страну в результате политических и экономических санкций¹⁶.

ШОС для Ирана – ключевой инструмент в укреплении мира, безопасности и добрососедства в огромном регионе Евразии, что особенно важно для Республики. В рамках ШОС Иран активизирует политическое и гуманитарное давление на государства Средней Азии, в особенности на культурно близкие Таджикистан и Узбекистан.

Нельзя не учесть особый вклад в интеграцию как в ШОС, так и в БРИКС покойного бывшего президента Ирана Эбрахима Раиси и в целом работу правительства 13-го созыва, которая еще в далеком 2021 г. поставила ряд стратегических целей для выстраивания успешной и эффективной политики. После вступления в должность президент обозначил ключевые приоритеты внешней политики, сосредоточенные на укреплении

¹⁴ Федорова И.Е. Иран – США: Диалог и противостояние. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. – 141 с.

¹⁵ Президент Ирана: вступление в БРИКС и ШОС поможет в борьбе с санкциями // Ведомости. – 29.08.2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/29/992391-prezident-irana-briks-shos> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁶ Эбрахимторкаман А. Вступление Ирана в ШОС: энергетические и социально-политические аспекты // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 4. – С. 45–56. – DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-45-56.

доверительных отношений с соседними государствами и усилении экономической интеграции в Азии¹⁷, что он подтвердил в своем выступлении на 22-м саммите ШОС.

Иран как культурный и цивилизационный центр

Однако мегарегионализация не ограничивается только экономикой и политикой. Экономическое сотрудничество, хоть и является важной основой для взаимодействия государств, не всегда может преодолеть культурные, идеологические и политические разногласия¹⁸. В этой связи важную роль играют идейно-ценностная и цивилизационная экспансия, в рамках которой Иран активно продвигает национальные интересы, основанные на исламском учении¹⁹.

Ключевым вектором в идейно-ценностной политике для ИРИ является стремление к созданию «единой исламской уммы», которая позволила бы Ирану положение лидера исламского мира. Этот политический курс связан не только с шиитской идентичностью Ирана, но амбициями расширить политическую и идеологическую составляющую внешней политики за пределы шиитского мира. Этому способствует в том числе и поддержка таких государств и групп, представляющих интересы суннитского большинства²⁰.

Одним из важных моментов в позиционировании Ирана на мировой арене стало заявление Верховного лидера (Рахбара) Аятоллы Али Хаменеи о «Втором этапе революции» в 2019 г.²¹ В этом документе лидер революции обращает внимание на понятие «исламского пробуждения», которое включает в себя не только идеи религиозного возрождения, но и политические аспекты панисламизма. В рамках этого подхода Аятолла Али Хаменеи подчеркивает важность концепции «новой исламской цивилизации», которая должна объединить мусульманские страны в противостоянии западным гегемонистским тенденциям и глобальной несправедливости²².

¹⁷ Раиси: внешняя политика Ирана основана на укреплении доверия и экономической интеграции в Азии // ParsToday. – 16.02.2023. – URL: <https://parstoday.ir/ru/news/iran-i176848> (дата обращения: 17.09.2024).

¹⁸ Аватков В.А. Россия, Турция и Постсоветский Восток в идейно-ценностной картине мировой политики. – Москва: Проспект, 2023. – 176 с.

¹⁹ Вагапова Ф.Г., Гареева К.И. Потенциал «мягкой силы» Исламской Республики Иран // Международные отношения и общество. – 2022. – № 1. – С. 93–102.

²⁰ Дружиловский С.Б. Мировое сообщество и новая внешнеполитическая концепция Ирана // Иран: диалог цивилизаций: материалы конференции. – 2003. – С. 36–42.

²¹ Обращение Верховного лидера иранскому народу о «Втором шаге революции» = Баяние-е «Гам-е Доввом-е Энгэлоб» хитаб бе миллэт-е Иран // Khamenei. – 11.02.2019. – Перс. яз. – URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=41673> (дата обращения: 16.09.2024).

²² Баранов А.В. Принцип «эдалят» в концепции исламского пробуждения аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. – 2018. – № 16. – С. 44–58.

Иранские культурные центры, образовательные учреждения и медиа-проекты²³ играют ключевую роль в распространении иранских ценностей в таких государствах, как Ирак, Ливан, Сирия и Йемен²⁴. Так, в Ираке иранское руководство финансирует ряд шиитских учебных заведений и медиаресурсов, направленных на укрепление идеологического влияния ИРИ среди местного населения²⁵.

Иранский эксперт Али Акбар Джафари подчеркивает роль Исламской Республики после окончания Второй ливанской войны 2006 г., в которой Иран активно участвовал в восстановлении инфраструктуры и оказании гуманитарной помощи Ливану, что в очередной раз укрепило влияние Тегерана в государстве. Эксперт также отмечает финансирование Ираном «братского» Пакистана в ходе наводнений в 2010 г. Оба примера необходимо рассмотреть в качестве инструмента внешнеполитической стратегии и расширения влияния, направленного на продвижение национальных интересов²⁶.

Иран также активно использует методы культурной дипломатии. На протяжении последних десятилетий Тегеран поддерживает стипендии для студентов из различных государств²⁷, организует культурные обмены, художественные выставки и конференции, которые служат средством расширения иранского присутствия за рубежом²⁸. Эти усилия позволяют Тегерану укреплять отношения с местными элитами и формировать долгосрочные связи, которые, в свою очередь, способствуют усилению его влияния на политическую ситуацию в сопредельных регионах.

²³ Просмотр иранского сериала установил рекорды в арабских странах = Тамашай-е ин сериал-е Ирани дар кешвархай-е Араби рекорд зад // Ettelaat news. – 30.05.2024. – Перс. яз. – URL: <https://www.ettelaat.com/news/43897/د-رکورد-ز-د-ایرانی-در-کشورهای-عربی> (дата обращения: 16.09.2024).

²⁴ Пур-Али Париса, Дехшири Мохаммад Реза, Гади Мохаммад Реза, Ходаверди Хасан. Подходы культурной дипломатии Ирана в Ираке после падения режима Саддама = Пур-Али Париса, Дехшири Мохаммад Реза, Гади Мохаммад Реза, Ходаверди Хасан. Руйкардхай-е дипломаси-йе фарханги-йе Иран дар Эрак пас аз сукут-е Саддам // Фаслнаме-йе пежухиш-хайе саяси-йе джахан-е Эслам. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 69–99. – Перс. яз.

²⁵ Iran's Economic Leverage in Iraq // Carnegie Endowment for International Peace. – 23.05.2018. – URL: <https://carnegieendowment.org/sada/2018/05/irans-economic-leverage-in-iraq?lang=en> (дата обращения: 16.09.2024).

²⁶ Джафари Али Акбар, Гарби Мохаммад Реза. Источники мягкой силы Исламской Республики Иран: количественное исследование общей политики в области науки и технологий = Джафари Али Акбар, Гарби Мохаммад Реза. Манобе-е кудрат-е нарма-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран: мутале-е ками-йе сиесатхай-е кели-йе эльм ва фанавари // Пажухишنامه-йе энкелаб-е Эслами. – 2018. – Т. 8, № 27. – С. 151–175. – Перс. яз.

²⁷ Вагапова Ф.Г., Гареева К.И. Потенциал «мягкой силы» Исламской Республики Иран // Международные отношения и общество. – 2022. – № 1. – С. 93–102.

²⁸ На ВДНХ открылась выставка культуры Ирана // Первое студенческое агентство. – 04.07.2024. – URL: https://pervoe.online/news/student-v-gorode/37706-na_vdnkh_otkrylas_vystavka_kultury_irana/ (дата обращения: 16.09.2024).

* * *

На современном этапе Иран – это государство, которое активно использует особенности складывающегося миропорядка для укрепления влияния в регионе. И формирующийся переход Тегерана к мегарегиональной стратегии свидетельствует о готовности не только реагировать на глобальные вызовы, но и активно участвовать в формировании нового политического ландшафта. Модель, выдвигаемая Ираном, не ограничивается региональными рамками и нацелена на создание новых международных отношений, в которых сотрудничество заменит конфронтацию, а новые альянсы будут создавать пространство для стабильности и развития.

Иран, стремящийся стать центром политического и культурного притяжения, не просто позиционирует себя как активное и деятельное государство, но как цивилизацию с глубокой историей и уникальным наследием, которое продолжает оказывать влияние на современные региональные и глобальные процессы.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Россия, Турция и Постсоветский Восток в идейно-ценностной картине мировой политики. – Москва: Проспект, 2023. – 176 с.
2. Баранов А.В. Принцип «эдалят» в концепции исламского пробуждения аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. – 2018. – № 16. – С. 44–58.
3. Баскаков И.Д., Ерманилиева А.Р. Современный внешнеполитический курс Ирана в Закавказье // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 3 (7). – С. 115–131. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.03.06.
4. Вагапова Ф.Г., Гареева К.И. Потенциал «мягкой силы» Исламской Республики Иран // Международные отношения и общество. – 2022. – № 1. – С. 93–102.
5. Вступление Ирана в БРИКС // TV BRICS. – 26.01.2021. – URL: <https://tvbrics.com/news/vstuplenie-irana-v-briks/> (дата обращения: 14.09.2024).
6. Дружиловский С.Б. Мировое сообщество и новая внешнеполитическая концепция Ирана // Иран: диалог цивилизаций: материалы конференции. – 2003. – С. 36–42.
7. Дунаева Е.В. Внутриполитическая и социально-экономическая ситуация в Исламской Республике Иран // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. – Москва: ИП РСМД, 2023. – С. 41–45.
8. Евстафьев Д.Г. Посткапитализм для России. Модель конкуренции в неоглобальном мире // Свободная мысль. – 2024. – № 2 (1704). – С. 85–96.
9. К чему стремится Иран, вступая в БРИКС? // Агентство Анадолу. – 29.08.2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/мнение-к-чему-стремится-иран-вступая-в-брикс/2978444> (дата обращения: 02.09.2024).

10. Мамедова Н.М. Исламский фактор в развитии современного Ирана // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). – Москва: Садра, 2019. – С. 106–122.
11. На ВДНХ открылась выставка культуры Ирана // Первое студенческое агентство. – 04.07.2024. – URL: https://pervoe.online/news/student-v-gorode/37706-na_vdnkh_otkrylas_vystavka_kultury_irana/ (дата обращения: 16.09.2024).
12. Никонов В.А. Исламская Республика Иран – новый участник БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 103. – С. 7–41. – DOI: 10.24412/944 jga82.
13. Президент Ирана: вступление в БРИКС и ШОС поможет в борьбе с санкциями // Ведомости. – 29.08.2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/29/992391-prezident-irana-briks-shos> (дата обращения: 02.09.2024).
14. Раиси: внешняя политика Ирана основана на укреплении доверия и экономической интеграции в Азии // ParsToday. – 16.02.2023. – URL: <https://parstoday.ir/ru/news/iran-i176848> (дата обращения: 17.09.2024).
15. Столетов О.В. Иранский фактор в геоэкономических процессах Глобального Юга на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 67–87. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.04.
16. Федорова И.Е. Иран – США: Диалог и противостояние. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. – 141 с.
17. Эбрахимиторкаман А. Вступление Ирана в ШОС: энергетические и социально-политические аспекты // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 4. – С. 45–56. – DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-45-56.
18. Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). – Москва: РУДН, 2012. – 385 с.
19. Iran (Islamic Republic of) 1979 (rev. 1989) // Constitute. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iran_1989.pdf (дата обращения: 14.09.2024).
20. Iran's Economic Leverage in Iraq // Carnegie Endowment for International Peace. – 23.05.2018. – URL: <https://carnegieendowment.org/sada/2018/05/irans-economic-leverage-in-iraq?lang=en> (дата обращения: 16.09.2024).
21. Был представлен Седьмой пятилетний план развития, полный текст = Барнаме-йе хафтом-е тоусэ нехайи шод, матн-е камел // Farhikhtegandaily. – 12.01.2023. – Перс. яз. – URL: <https://farhikhtegandaily.com/news/89488> (дата обращения: 14.09.2024).
22. Джафари Али Акбар, Гарби Мохаммад Реза. Источники мягкой силы Исламской Республики Иран: количественное исследование общей политики в области науки и технологий = Джафари Али Акбар, Гарби Мохаммад Реза. Манобе-е кудрат-е нарм-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран: мутале-е ками-йе сиесатхай-е кели-йе эльм ва фанавари // Пажухишнаме-йе энкелаб-е Эслами. – 2018. – Т. 8, № 27. – С. 151–175. – Перс. яз.
23. Обращение Верховного лидера к иранскому народу о «Втором шаге революции» = Баяние-е «Гам-е Доввом-е Энгэлоб» хитаб бе миллэт-е Иран //

- Khamenei. – 11.02.2019. – Перс. яз. – URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=41673> (дата обращения: 16.09.2024).
24. Просмотр иранского сериала установил рекорды в арабских странах = Тамашай-е ин сериал-е Ирани дар кешвархай-е Араби рекорд зад // Ettelaat news. – 30.05.2024. – Перс. яз. – URL: <https://www.ettelaat.com/news/43897/> زد-رکورد-عربی-کشورهای-در-ایرانی-سریال-این-تماشای (дата обращения: 16.09.2024).
25. Пур-Али Париса, Дехшири Мохаммад Реза, Гади Мохаммад Реза, Ходаверди Хасан. Подходы культурной дипломатии Ирана в Ираке после падения режима Саддама = Пур-Али Париса, Дехшири Мохаммад Реза, Гади Мохаммад Реза, Ходаверди Хасан. Руйкардхай-е дипломаси-йе фарханги-йе Иран дар Эрак пас аз сукут-е Саддам // Фаслنامه-йе пежухишхайте саяси-йе джахан-е Эслам. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 69–99. – Перс. яз.
26. Стратегия развития Исламской Республики Иран до 2025 года = Санад-е чашмандаз-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар офог-е 1404 // Khamenei. – 03.11.2003. – Перс. яз. – URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=9034> (дата обращения: 14.09.2024).

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СИРИЙСКИЙ КРИЗИС**

НАФИКОВ Ильсур Закирзянович

кандидат исторических наук, доцент
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) Федерального Университета

E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

SPIN-код: 2992-0888

ORCID: 0000-0001-9016-7944

ГАЛИМОВ Ильназ Илдарович

студент кафедры алтаистики, тюрских и центральноазиатских
исследований Института международных отношений, истории
и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального Университета

E-mail: galimov.ilnaz2018.galimov@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-0237-6480

Для цитирования: *Нафиков И.З., Галимов И.И.* Миграционная политика Турецкой Республики в условиях региональных конфликтов на Ближнем Востоке: сирийский кризис // *Ближний и Постсоветский Восток.* – 2025. – № 1 (9). – С. 104–118. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.09.

Аннотация. В статье изучается эволюция миграционной политики Турецкой Республики в отношении сирийских беженцев с начала гражданской войны в Сирии в 2011 г. до выборов в органы местной администрации в Турции в 2024 г. В ходе исследования была предпринята попытка выявить подходы, применяемые правительством Турции к сирийским беженцам на разных этапах исследуемого периода. Внимание, прежде всего, уделяется причинам, побудившим турецкое правительство видоизменять миграционную политику в отношении сирийских беженцев. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что по мере увеличения количества сирийских беженцев на территории Турецкой Республики, ухудшения экономического и социального положения страны, а также роста антисирийского духа в турецкой общественности и популярности оппозиционных партий правительство Турции было вынуждено постоянно корректировать свой подход к вопросу сирийских беженцев.

Ключевые слова: Турция, миграция, миграционная политика, Сирия, сирийские беженцы.

Migration Policy of Turkish Republic in Context of Regional Conflicts in Middle East: Syrian Crisis

Ilsur Z. NAFIKOV

PhD in History, Associate Professor, Institute of International Relations,
History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

SPIN-code: 2992-0888

ORCID: 0000-0001-9016-7944

Ilnaz I. GALIMOV

Student of the Department of Altaic, Turkic and Central Asian Studies,
Institute of International Relations, History and Oriental Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: galimov.ilnaz2018.galimov@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-0237-6480

For citation: Nafikov I.Z., Galimov I.I. (2025). Migration Policy of Turkish Republic in Context of Regional Conflicts in Middle East: Syrian Crisis. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 104–118. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.09.

Abstract. The article examines the evolution of the migration policy of the Republic of Turkey towards Syrian refugees from the beginning of the Syrian civil war in 2011 to the local government elections in Turkey in 2024. The study attempts to identify the approaches taken by the Turkish government towards Syrian refugees at different stages of the period under study. Attention is primarily paid to the reasons that prompted the Turkish government to modify its migration policy towards Syrian refugees. As a result of the study, the author concludes that as the number of Syrian refugees in the Republic of Turkey increased, the economic and social situation of the country deteriorated, and the anti-Syrian spirit in the Turkish public and the popularity of opposition parties grew, the Turkish government was forced to constantly adjust its approach to the issue of Syrian refugees.

Keywords: Turkey, migration, migration policy, Syria, Syrian refugees.

Турецкая Республика с самого начала сирийского кризиса принимает огромное количество сирийских беженцев, которые были вынуждены покинуть свои дома в связи с гражданской войной на их родине. Несмотря на сложное внутривластное, социальное, экономическое положение, правительство Турецкой Республики обеспечивает беженцам помимо политического убежища доступ к здравоохранению, к необходимой социальной помощи, а также предоставляет право пребывания на территории Турции на неопределенный срок¹.

¹ Войнова А.А., Ивановская Ж.В. Влияние миграции сирийских беженцев на экономику Турции // *Мировая экономика и мировые финансы*. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 23–28. – DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0030.

Стоит отметить, что Турция имеет богатый опыт осуществления миграционной политики. На протяжении всей своей истории, включая имперский, республиканский и современный этапы, государство турок сталкивается с проблемой беженцев и прилагает огромные усилия для облегчения и обустройства жизни мигрантов на новых местах их проживания. Так, во время Испанской инквизиции османский султан Баязид II предоставил убежище еврейским беженцам, впоследствии они были размещены в таких городах, как Стамбул, Измир и Салоники (современная территория Греции). Другая крупная волна миграции в Османскую империю происходила в XIX в. после Крымской войны, когда татары-мусульмане массово мигрировали на территорию Анатолии. С усилением Австро-Венгерских позиций на Балканах и постепенной утратой влияния Великой Порты над этим регионом огромное количество балканских мусульман были вынуждены покинуть свои дома и искать убежища на территории Османской империи, и начиная с 1878 по 1908 г. Государство османов пережило большие миграционные волны со стороны Балканского полуострова². Позднее в ходе Итало-Турецкой войны 1912–1913 гг. администрация Великой Порты создала специальную программу («Программа по расселению, обеспечению и передаче беженцев из Триполитании и ее окрестностей») по урегулированию беженцев, прибывавших из Триполитании³.

Впоследствии в результате двух Балканских войн и Первой мировой войны, приведших к распаду империи и интервенции стран Антанты, государство принимало на своей территории беженцев, бежавших от ужасов войны. В ранние годы республики Турция проводила политику обмена населения с такими государствами, как Греция, Болгария, Югославия, а в 1933–1945 гг. Республика Турция стала убежищем для сотен тысяч еврейских мигрантов, бежавших от ужасов концлагерей Германии, Италии, Румынии и Венгрии. Далее после исламской революции в Иране Турция приняла около миллиона персидских (иранских) азербайджанцев на своей территории, в основном на территории Анатолии⁴.

Все вышеприведенные примеры подтверждают, что Турция на всех этапах своего государственного строя сталкивалась с миграционными процессами, однако после Второй мировой войны мир еще не видел столь

² Баррансуэла О. Роль Турции в кризисе сирийских беженцев. Barranzuela O. Rol de Turquía frente a la crisis de refugiados sirios // CEMERI. – 09.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://cemerl.org/en/art/a-rol-turquia-crisis-refugiados-kt> (дата обращения: 20.09.2024).

³ Уфук Е. Мухаджирские комиссии и их деятельность от Османской империи до Республики, 1860–1923 гг. Ufuk E. Osmanlı'dan Cumhuriyet'e muhacir komisyonları ve faaliyetleri, 1860–1923. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2018. – P. 155. – Турец. яз.

⁴ Баррансуэла О. Роль Турции в кризисе сирийских беженцев. Barranzuela O. Rol de Turquía frente a la crisis de refugiados sirios // CEMERI. – 09.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://cemerl.org/en/art/a-rol-turquia-crisis-refugiados-kt> (дата обращения: 20.09.2024).

огромной по своим масштабам гуманитарной катастрофы, сопровождавшейся насильственной миграцией, которая произошла после начала гражданской войны в Сирии⁵. До начала гражданской войны в Сирии в 2011 г. проживало 22 млн человек, более 7,5 млн покинули свои дома, а еще 4 млн сирийцев были вынуждены покинуть страну⁶. У сирийских беженцев был выбор между Ливаном и Турцией. Выбор Турции объясняется стратегическим положением страны, а также более безопасной и спокойной обстановкой. Первые беженцы прибыли в приграничную провинцию Хатай⁷.

С самого начала сирийского конфликта президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган призвал правительство и народ проявить чувства сострадания к сирийским беженцам, которые ищут безопасность и защиту на территории Турции, спасаясь от «алавитской шиитской тирании». Правящая партия справедливости и развития использовала два термина в отношении сирийских беженцев: «мухаджирь» (переселенцы), которым ранее называли последователей пророка Мухаммеда, бежавших вместе с ним из Мекки в Медину, в более поздние периоды данным термином стали обозначать мусульман, которые переселялись с территорий иноверцев, и «ансарь» (помощники), ранее так именовали людей Медины, помогавших пророку Мухаммеду, в отношении турецких граждан, тепло приветствующих сирийцев и оказывающих им поддержку⁸. Тем самым в 2011 г. турецкое правительство на фоне прибывающих в страну сирийских беженцев объявило о начале государственной программы Open-door policy (Политика открытых дверей) для защиты беженцев из Сирии. Программа находится в ведении Управления по стихийным бедствиям и чрезвычайным ситуациям при правительстве Турции (AFAD)⁹.

В самом начале периода проведения «Политики открытых дверей» Турция приняла небольшую группу мигрантов, состоящую из 252 человек, им не требовалось получения визы и к ним не предъявлялись дополни-

⁵ Долгов Б.В. Сирийский опыт социального развития // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 42–65. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03.

⁶ Садыкова З. Турецкая политика открытых дверей, или благородство ее граждан // Res Publica. – 30.06.2017. – URL: <https://respublica.kg/2017/06/30/tureckaya-politika-otkrytyx-dverej-ili-blagorodstvo-ee-grazhdan/> (дата обращения: 19.09.2024).

⁷ Баррансуэла О. Роль Турции в кризисе сирийских беженцев. Barranzuela O. Rol de Turquía frente a la crisis de refugiados sirios // CEMERI. – 09.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://cemer.org/en/art/a-rol-turquia-tesis-refugiados-kt> (дата обращения: 20.09.2024).

⁸ Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 04.02.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 21.09.2024).

⁹ Садыкова З. Турецкая политика открытых дверей, или благородство ее граждан // Res Publica. – 30.06.2017. – URL: <https://respublica.kg/2017/06/30/tureckaya-politika-otkrytyx-dverej-ili-blagorodstvo-ee-grazhdan/> (дата обращения: 19.09.2024).

тельные требования¹⁰. Постепенно число сирийских беженцев на турецкой территории росло, большинство из них прибывали в такие пограничные области, как Хатай, Мардин, Шанлыурфа, Газиантеп, Килис, и в 10 турецких городах, в том числе в пограничных, как Османия, Адана и Кахраманмараш, были построены 26 контейнерных городов, в которых были размещены сирийские беженцы¹¹. Лагерь беженцев назвали «Временными центрами убежища», в которых на 2023 г. проживало 59 645 сирийцев¹². В лагерях для беженцев имеется доступ к медицинской помощи и к бесплатному образованию. Каждому сирийскому беженцу выделялось в месяц 50 турецких лир, для средней семьи, состоящей из 5 человек, эта сумма составляла 250 турецких лир¹³.

Проводимая «Политика открытых дверей» потребовала от государства введения изменений в конституцию. Следует отметить, что Турецкая Республика присоединилась к Женевской конвенции о статусе беженцев в 1961 г., однако с оговоркой, что страна будет принимать только беженцев с Европейского континента, беженцы, прибывающие с других континентов, получали только временное убежище¹⁴, поэтому до 2013 г. сирийские беженцы имели лишь «гостевой» статус. Этот статус не позволял им устраиваться на работу, что ставило их в зависимость от гуманитарной помощи и воли работодателя¹⁵. В 2013 г. парламент Турции единогласно одобрил Закон «Об иностранцах и международной защите» с целью оптимизации правовой базы для беженцев. Закон гарантировал права гражданских лиц, ищущих убежище, предоставляя им услуги и гарантии статуса временной защиты¹⁶, однако часть представителей гуманитарных организаций

¹⁰ Баррансуэла О. Роль Турции в кризисе сирийских беженцев. Barranzuela O. Rol de Turquía frente a la crisis de refugiados sirios // CEMERI. – 09.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://cemerl.org/en/art/a-rol-turquia-crisis-refugiados-kt> (дата обращения: 20.09.2024).

¹¹ Садыкова З. Турецкая политика открытых дверей, или благородство ее граждан // Res Publica. – 30.06.2017. – URL: <https://respublica.kg/2017/06/30/tureckaya-politika-otkrytyx-dverej-ili-blagorodstvo-ee-grazhdan/> (дата обращения: 19.09.2024).

¹² Баррансуэла О. Роль Турции в кризисе сирийских беженцев. Barranzuela O. Rol de Turquía frente a la crisis de refugiados sirios // CEMERI. – 09.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://cemerl.org/en/art/a-rol-turquia-crisis-refugiados-kt> (дата обращения: 20.09.2024).

¹³ Садыкова З. Турецкая политика открытых дверей, или благородство ее граждан // Res Publica. – 30.06.2017. – URL: <https://respublica.kg/2017/06/30/tureckaya-politika-otkrytyx-dverej-ili-blagorodstvo-ee-grazhdan/> (дата обращения: 19.09.2024).

¹⁴ Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 04.02.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 21.09.2024).

¹⁵ Садыкова З. Турецкая политика открытых дверей, или благородство ее граждан // Res Publica. – 30.06.2017. – URL: <https://respublica.kg/2017/06/30/tureckaya-politika-otkrytyx-dverej-ili-blagorodstvo-ee-grazhdan/> (дата обращения: 19.09.2024).

¹⁶ Баррансуэла О. Роль Турции в кризисе сирийских беженцев. Barranzuela O. Rol de Turquía frente a la crisis de refugiados sirios // CEMERI. – 09.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://cemerl.org/en/art/a-rol-turquia-crisis-refugiados-kt> (дата обращения: 20.09.2024).

заявляли, что мало что изменилось в действительности после введения в силу законопроекта¹⁷, и правящая партия набирала себе политические очки на фоне помощи населения единоверцам¹⁸.

К 2014 г., по данным тогдашнего министра иностранных дел Турецкой Республики Мевлюта Чавушоглу, Республика Турция приняла 2,5 млн беженцев из Сирийской Арабской Республики и 200 тыс. из Ирака, потратив на прием беженцев 10 млрд долларов, однако несмотря на большие материальные расходы, правительство продолжило проводить политику открытых дверей¹⁹. Тогда же ситуация с сирийскими беженцами начала меняться, до этого большинство турок, как отмечалось выше, относились к сирийским беженцам очень положительно. Сирийцев тогда воспринимали как жертв войны и были рады им предоставить убежище, однако количество прибывающих мигрантов с тех пор увеличилось.

Беженцы стали объектами нападков и воспринимались как главные причины во внутренних турецких проблемах, в таких как: рост цен, нестабильность лиры, проблема с инфляцией. Часть турецких политиков циркулировали подобную риторику с целью извлечения из этого выгоды для своей политической карьеры²⁰. Несмотря на это в тот период времени вопрос беженцев еще так остро не стоял на повестке дня турецкой общенности, объясняется это тем, что количество беженцев было не столь значительным и наличие других важных к тому времени тем, к примеру: проблемы, связанные с безопасностью 2015 г., попытки переворота в 2016 г., референдум в 2017 г. по введению президентской системы в стране, все эти вопросы в совокупности заслонили проблемы беженцев, а также гуманитарная и религиозная политика Эрдогана с таким же успехом способствовали затмить вопрос беженцев²¹. Более того, начиная с 2016 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган начал использовать сирийских беженцев как своего рода инструмент в своей внешней политике со стра-

¹⁷ Садыкова З. Турецкая политика открытых дверей, или благородство ее граждан // Res Publica. – 30.06.2017. – URL: <https://respublica.kg/2017/06/30/tureckaya-politika-otkrytyh-dverej-ili-blagorodstvo-ee-grazhdan/> (дата обращения: 19.09.2024).

¹⁸ Первышева Е. «Мое будущее уничтожено». Миллионы беженцев перебрались в Турцию. Теперь от них хотят избавиться // LENTA. – 14.10.2019. – URL: https://lenta.ru/articles/2019/10/14/syrians_in_turkey/ (дата обращения: 22.09.2024).

¹⁹ Глава МИД Турции: Мы продолжим политику открытых дверей по отношению к беженцам // RT на русском. – 13.02.2016. – URL: <https://russian.rt.com/article/148261> (дата обращения: 22.09.2024).

²⁰ Кассем Х. Проклятье беженца: турки винят сирийцев во всех бедах // NEWS.RU. – 27.06.2022. – URL: <https://news.ru/near-east/nezvanyj-gost-huzhe-bezhenec-rasskazal-kak-turki-koshmaryat-sirijcev/> (дата обращения: 22.09.2024).

²¹ Апайдын С. Анализ: Постепенное становление проблемы беженцев в Турции // МК-Турция. – 19.07.2024. – URL: <https://mk-turkey.ru/life/2024/07/19/analiz-postepennoe-stanovlenie-problemy-bezhencev-v-turcii.html> (дата обращения: 21.09.2024).

нами Европейского союза²², тогда же МИД Турции объявил, что страна более не в состоянии в одиночку справляться с мигрантами, и что требуется соответствующая программа по контролю и расселению беженцев²³.

Приблизительно в это же время волны беженцев в странах Европейского союза вызвали резкий рост популизма, после чего между Брюсселем и Анкарой были организованы ряд переговоров, по итогам которых Турция обязывалась в рамках совместного плана по регулированию миграционных передвижений взять под свой контроль уменьшение количества случаев нелегальной миграции. Европейский союз в свою очередь обязался возобновить переговорный процесс по вступлению Турецкой Республики в Союз, в частности осуществление безвизового режима между странами, который должен был быть введен в силу к октябрю 2016 г., а также гарантировал выделение 3 млрд евро на улучшение условий сирийских беженцев на турецкой территории.

Несмотря на попытки скоординировать общую политику в отношении урегулирования проблемы сирийских беженцев, трения между Анкарой и Брюсселем, особенно в вопросах о размерах финансирования со стороны ЕС, Турция взяла более грубый подход в своих отношениях со странами ЕС, превратив беженцев в оружие в своих руках. К примеру в 2016 г. в разгаре вопроса о размерах финансирования Эрдоган пригрозил странам Европейского союза новыми волнами сирийских беженцев, которые хлынут в Европу, а в 2019 г. ответом на негативную реакцию европейских стран на проводимую Турцией военную операцию против курдских ополченцев Эрдоган в очередной раз пригрозил лидерам европейских стран отправкой 3,6 млн сирийских беженцев²⁴.

Проводимая правительством Турции «Политика открытых дверей» подразумевала предоставление убежища сирийским беженцам, бегущим от ужасов гражданской войны в Сирийской Арабской Республике, однако в 2016 г. британская неправительственная организация (НПО) Amnesty International распространила сведения, что сирийских беженцев начали принудительно депортировать из Турецкой Республики обратно в Сирию, на что турецкий внешнеполитический департамент ответил, что начатая в 2011 г. «Политика открытых дверей» остается до сих пор в силе и ни

²² Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 04.02.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 21.09.2024).

²³ Глава МИД Турции: Мы продолжим политику открытых дверей по отношению к беженцам // RT на русском. – 13.02.2016. – URL: <https://russian.rt.com/article/148261> (дата обращения: 22.09.2024).

²⁴ Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 04.02.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 21.09.2024).

один сирийский беженец не покинул территории Турции насильственно. На протяжении 5 лет Турецкая Республика приняла порядка 2,7 млн беженцев, в 26 лагерях для временного размещения в 10 провинциях страны пребывают 270 тыс. сирийцев. Они имеют полный доступ к питанию, к услугам здравоохранения и образования. В заявлении МИД Турции также заявлялось, что республика приняла наибольшее количество беженцев в мире и продолжает это делать. Отмечалось, что никакой речи о депортации беженцев идти не может²⁵.

Более того, 23 июня 2017 г. президент Реджеп Эрдоган выступил перед местными жителями в преддверии праздника Ураза-байрам в городе Шанлыурфа, который находится в 70 км от сирийской границы. Это один из первых населенных пунктов, который 6 лет назад принял у себя беженцев. Глава государства поблагодарил местных жителей за их проявленное милосердие, а также охарактеризовал ситуацию, происходящую в Сирии, как бесчеловечную и жестокую, именно поэтому Турция предоставляет убежище сирийским беженцам. «Это на нашей совести» – добавил он. Также было отмечено, что за 2017 г. государство потратило на нужды мигрантов 526 млн долларов, а за все время было потрачено 12 млрд долларов²⁶.

Однако по мере того, как турецкая экономика сталкивалась с такими проблемами, как с высокими показателями инфляции, большой рецессией, а также девальвацией турецкой лиры, в турецкой общественности начали нарастать националистические настроения и отношение турок к сирийским беженцам резко изменилось в негативном ключе. Это довольно четко прослеживалось в ходе президентских выборов в 2018 г., а также в период выборов в местную администрацию в 2019 г.²⁷ В этот же период оппозиционные партии, в особенности Народно-республиканская партия, взяли на вооружение проблему миграции и обещали свернуть проводимую правящей партией политику, введя ограничения в отношении беженцев.

Наряду с оппозиционными партиями в период выборов 2018–2019 гг. правящая Партия справедливости и развития была вынуждена скорректировать свою миграционную политику, в целях сохранения своего потен-

²⁵ Смирнов Ф. Анкара опровергла информацию Amnesty о высылке беженцев в Сирию // РИА Новости. – 03.04.2016. – URL: <https://ria.ru/20160403/1401592027.html> (дата обращения: 21.09.2024).

²⁶ Садыкова З. Турецкая политика открытых дверей, или благородство ее граждан // Res Publica. – 30.06.2017. – URL: <https://respublica.kg/2017/06/30/tureckaya-politika-otkrytykh-dverej-ili-blagorodstvo-ee-grazhdan/> (дата обращения: 19.09.2024).

²⁷ Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 04.02.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 21.09.2024).

ционального электората²⁸. На фоне антисирийской волны Турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган, сменив подход «сострадательного исламизма» в миграционном вопросе, провозгласил политику «Турция прежде всего». С этого момента в словах президента чаще можно было услышать о необходимости возвращения сирийских беженцев в Сирию, а также в публичных своих выступлениях он начал заявлять о планах их переселения²⁹.

Так, в рамках измененной миграционной политики президент Турции Реджеп Эрдоган инициировал ряд ограничительных мер, такие как, блокировка доступа мигрантов к медицинским услугам за пределами городов, в которых они официально зарегистрированы, ограничение передвижения по стране, были зафиксированы случаи депортации сирийских беженцев из Турции. Однако при этом правительство Турецкой Республики объявило о приверженности к принципу добровольного, безопасного и достойного возвращения. Стоит также отметить, что в 2018 г. Стамбул и ряд приграничных городов ужесточили свои подходы в миграционной политике, закрыв двери для новых регистраций мигрантов. Также, согласно данным организации Human Rights Watch, сирийские беженцы сталкивались с трудностями в доступе к медицинским и образовательным услугам, участились случаи депортации, что шло вразрез с принципом добровольного, безопасного и достойного возвращения. Несмотря на то что Реджепу Эрдогану удалось одержать победу на президентских выборах в 2018 г., политика ограничений продолжилась, а вопрос беженцев все более политизировался³⁰.

Выборы в местную администрацию в 2019 г. стали крупным поражением для правящей Партии справедливости и развития (ПСР). В таких городах, как Стамбул и Анкара, в которых на протяжении длительного периода времени победу одерживала ПСР, к власти пришли представители оппозиционной Народно-республиканской партии (НРП), что привело к ужесточению миграционной политики в данных городах. К примеру, в Стамбуле начали депортировать незарегистрированных мигрантов, подобная политика наблюдалась и в городе Болу, кандидат в мэры которого в своей предвыборной кампании обещал свернуть все программы по социальному обеспечению беженцев, что и было сделано после его избрания³¹.

²⁸ Апайдын С. Анализ: Постепенное становление проблемы беженцев в Турции // МК-Турция. – 19.07.2024. – URL: <https://mk-turkey.ru/life/2024/07/19/analiz-postepennoe-stanovlenie-problemy-bezhencev-v-turcii.html> (дата обращения: 21.09.2024).

²⁹ Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 04.02.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 21.09.2024).

³⁰ Апайдын С. Анализ: Постепенное становление проблемы беженцев в Турции // МК-Турция. – 19.07.2024. – URL: <https://mk-turkey.ru/life/2024/07/19/analiz-postepennoe-stanovlenie-problemy-bezhencev-v-turcii.html> (дата обращения: 21.09.2024).

³¹ Там же.

Наряду с президентскими выборами в 2018 г. и выборами в органы местной администрации в 2019 г. значительное влияние на миграционную повестку дня оказала эпидемия COVID-19. Не стоит забывать, что часть сирийских беженцев проживают на окраинах крупных городов, либо же в лагерях для беженцев, где зачастую они имеют ограниченный доступ к средствам дезинфекции, гигиены и индивидуальной защиты, особенно в период пандемии. Помимо всего прочего, тысячи сирийских беженцев потеряли свои рабочие места в результате экономического кризиса, вызванного эпидемией COVID-19. Опрос Relief International показывает, что 87% опрошенных отметили, что в результате пандемии как минимум один из членов семьи потерял работу, 81% респондентов пожаловались на наличие неудовлетворенных потребностей, которые в первую очередь связаны с проблемами здоровья и безработицей, а 71% сообщили о наличии проблем с доступом к услугам здравоохранения. В этой сложной обстановке положение сирийских беженцев крайне ухудшилось, а их возможное возвращение в скором будущем в Сирию – в страну, охваченную ужасами гражданской войны – стало маловероятным³².

Усугубление экономического состояния страны, а также увеличение количества сирийских беженцев привели к многочисленным погромам сирийских беженцев разгневанной толпой. Один из таких случаев произошел 11 августа 2021 г. в районе Алтындаг. Два сирийца были обвинены в убийстве турецкого подростка. Ситуация привела к беспорядкам, в результате которых, по данным полиции, были задержаны 76 человек. Задержанные прокомментировали свои действия желанием депортации сирийских и афганских беженцев³³. Другой подобный случай произошел 6 июня 2022 г., когда шестеро турок застрелили сирийца Шарифа аль-Ахмеда, предположительно за то, что он хотел сделать предложение турчанке³⁴.

На фоне роста антииммигрантских настроений в 2021 г. была создана Партия Победы (Zafer Partisi) под руководством турецкого ученого-политика, националиста и идейного сторонника Ататюрка Умита Оздага³⁵. Оздаг полагает, что Турция не может и впредь нести на себе тяжесть

³² Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 04.02.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 21.09.2024).

³³ Щегловин Ю.Б. Об обострении проблемы сирийских беженцев в Турции // Институт Ближнего Востока. – 13.08.2021. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=79073> (дата обращения: 22.09.2024).

³⁴ Кассем Х. Проклятье беженца: турки винят сирийцев во всех бедах // NEWS.RU. – 27.06.2022. – URL: <https://news.ru/near-east/nezvanyj-gost-huzhe-bezhenec-rasskazal-kak-turki-koshmaryat-sirijcev/> (дата обращения: 22.09.2024).

³⁵ Алайдын С. Анализ: Постепенное становление проблемы беженцев в Турции // МК-Турция. – 19.07.2024. – URL: <https://mk-turkey.ru/life/2024/07/19/analiz-postepennoe-stanovlenie-problemy-bezhencev-v-turcii.html> (дата обращения: 21.09.2024).

сирийских беженцев, выделяя для этого огромные средства налогоплательщиков. По словам политика, именно сирийские беженцы усугубляют проблему с продовольствием и жильем, увеличивая безудержную инфляцию, что вызывает большие трудности для турок³⁶. Турецкий политик, желая показать населению Турции к чему может привести в недалеком будущем нынешняя проводимая правящей партией миграционная политика, заказал видеоролик антиутопического характера. В видеоролике рассказывается о будущем города Стамбула, который захвачен и разрушен арабами, турок массово выгоняют из своих домов, а турецкий язык находится под запретом³⁷.

Следующий этап изменения подхода к миграционной политике прослеживался в период президентских выборов 2023 г. и выборов в органы местной администрации в 2024 г. Так, лидер оппозиционной партии НРП и главный оппонент Эрдогана Кемаль Кылычдароглу обвинил правящую партию ПСР, что именно она осознанно впустила в страну порядка 10 млн беженцев, а также дал понять, что при победе НРП все беженцы будут депортированы в Сирию. Несмотря на то что Эрдоган одержал победу и продлил свои полномочия еще на 5 лет, ситуация не благоприятствует ПСР³⁸. Эрдоган традиционно опирался в основном на сельскую и консервативную часть населения страны, которая считала своим долгом, по религиозным соображениям, защитить людей, бегущих от ужасов войны³⁹, однако выборы в местные органы власти в 2024 г. ознаменовали рост популярности позиций НРП. В традиционных оплотах ПСР наблюдается рост популярности оппозиционной партии. Так, доля голосов в городе Килис, который был традиционным оплотом ПСР, снизилась менее чем до 30%⁴⁰.

В период президентских выборов и выборов в местные органы администрации президент Турции Реджеп Эрдоган вновь вернулся к во-

³⁶ Домущий С. Туркам не нравится Эрдоган и превращение беженцами Стамбула в афганский кишлак // Ридус. – 05.05.2022. – URL: <https://www.ridus.ru/turkam-ne-nravitsya-erdogan-i-prevrashenie-bezhencami-stambula-v-afganskij-kishlak-380171.html> (дата обращения: 22.09.2024).

³⁷ Жаль, что Вам пора. Турция возвращает домой миллион сирийцев // ТАСС. – 06.05.2022. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14560407> (дата обращения: 23.09.2024).

³⁸ Апайдын С. Анализ: Постепенное становление проблемы беженцев в Турции // МК-Турция. – 19.07.2024. – URL: <https://mk-turkey.ru/life/2024/07/19/analiz-postepennoe-stanovlenie-problemy-bezhencev-v-turcii.html> (дата обращения: 21.09.2024).

³⁹ Домущий С. Туркам не нравится Эрдоган и превращение беженцами Стамбула в афганский кишлак // Ридус. – 05.05.2022. – URL: <https://www.ridus.ru/turkam-ne-nravitsya-erdogan-i-prevrashenie-bezhencami-stambula-v-afganskij-kishlak-380171.html> (дата обращения: 22.09.2024).

⁴⁰ Апайдын С. Анализ: Постепенное становление проблемы беженцев в Турции // МК-Турция. – 19.07.2024. – URL: <https://mk-turkey.ru/life/2024/07/19/analiz-postepennoe-stanovlenie-problemy-bezhencev-v-turcii.html> (дата обращения: 21.09.2024).

просу о возвращении сирийских беженцев на родину⁴¹. Президент обозначил, что более 1 млн сирийских беженцев готовы вернуть в безопасные территории Сирии, куда, по словам президента, уже вернулись 500 тыс. сирийских беженцев. Безопасными территориями турецкие власти называют территории Северной Сирии, в первую очередь Идлиб, которые не контролируются силами Башара Асада. Переброшенные в эти районы беженцы селятся в специальные брикетные дома, возведенные турецким правительством, которое начало крупное строительство инфраструктуры в 13 регионах, включая Аазаз, Тель-Абьяд и Джераблус. В видеобращении на церемонии сдачи домов в Идлибе турецкий президент рассказал о строительстве 57 тыс. брикетных домов и о том, что в ближайшем будущем будут построены еще 20 тыс. Помимо жилых зданий активно строятся мечети, школы, медицинские центры и объекты социальной сферы⁴².

Однако стоит отметить, что по результатам проведенных опросов, 40% опрошенных сирийцев заявили, что не желают вернуться на родину, 44% респондентов на вопрос «Остались бы Вы в Турции, если турецкое правительство выдало бы Вам гражданство?» ответили, что остались бы, а еще 23% опрошенных рассказали, что ни при каких обстоятельствах не вернутся в Сирию⁴³. Политика переселения, проводимая Эрдоганом, критиковалась со стороны правоозащитников, которые обвиняли в насильном выдворении беженцев⁴⁴, так 13 сирийских беженцев подали иск с прошением приостановить их депортацию в Сирию по причине существования угрозы пыток, однако Конституционный Суд постановил, что не существует обоснованных причин, которые препятствовали их депортации⁴⁵.

Несмотря на активно проводимую правительством Турции политику переселения, говорить о том, что сирийские беженцы в ближайшее время начнут переселяться в Сирию, рано. Важнейшим фактором, который бы заставил вернуться их, как отмечает эксперт Российского совета по меж-

⁴¹ Домуший С. Туркам не нравится Эрдоган и превращение беженцами Стамбула в афганский кишлак // Ридус. – 05.05.2022. – URL: <https://www.ridus.ru/turkam-ne-nravitsya-erdogan-i-prevrashenie-bezhencami-stambula-v-afganskij-kishlak-380171.html> (дата обращения: 22.09.2024).

⁴² Жаль, что Вам пора. Турция возвращает домой миллион сирийцев // ТАСС. – 06.05.2022. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14560407> (дата обращения: 23.09.2024).

⁴³ Чакыр М. Исследование: Сирийцы не хотят возвращаться. Çakır M. Araştırma: Suriyeliler dönmek istemiyor // Cumhuriyet. – 06.12.2019. – Турец. яз. – URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/arastirma-suriyeliler-donmek-istemiyor-1706502> (дата обращения: 24.09.2024).

⁴⁴ Беляев Д. Переселение народов. Эрдоган хочет вернуть миллион беженцев из Турции на север Сирии // ТАСС. – 20.12.2019. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7341919> (дата обращения: 24.09.2024).

⁴⁵ Важнейшее решение Конституционного суда в отношении сирийцев. Anayasa Mahkemesi'nden Suriyelilerde ilgili kritik kararlar // Sözcü. – 04.05.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.sozcu.com.tr/anayasa-mahkemesinden-suriyelilerle-ilgili-pes-pese-kritik-kararlar-wp7114619> (дата обращения: 23.09.2024).

дународным делам Кирилл Семенов, является гарантия того, что так называемые безопасные территории не перейдут под власть Башара Асада. По мнению эксперта, неурегулированный статус этой территории остается главным препятствием для возвращения туда сирийских беженцев и до тех пор, пока Эрдоган не сможет обеспечить гарантии того, что буферная зона останется под турецким протекторатом, ни о каком переселении и речи быть не может⁴⁶.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод, что турецкая миграционная политика и общественное мнение Турции в отношении сирийских беженцев с самого начала конфликта в Сирии менялись и продолжают эволюционировать. Так, в 2011 г. правительство Турции объявило о проведении «Политики открытых дверей», что подразумевало предоставление временного убежища и социального обеспечения сирийским беженцам. Для размещения беженцев в приграничных регионах Турции были построены лагеря со всеми доступами к услугам здравоохранения и образования. В 2013 г. парламент страны принял Закон «Об иностранцах и международной защите», гарантирующий права гражданских лиц, ищущих убежище. Турецкая общественность, которая в основе своей религиозно-консервативна, приветствовала проводимую правящей партией миграционную политику.

К 2014 г. количество сирийских беженцев на территории Турции увеличилось до 2,5 млн человек. Тем не менее, несмотря на большие материальные расходы на их содержание, правительство продолжило проводимую политику. Однако миграционная политика стала претерпевать изменения с 2016 г. Так, сначала сирийские беженцы стали удобным инструментом в руках президента Турции Реджепа Эрдогана в его внешней политике со странами ЕС, а в период президентских и парламентских выборов в 2018–2019 гг. правящая партия на фоне роста популярности оппозиционных сил сменила «Политику открытых дверей» на политику «Турция прежде всего». С этого момента все чаще можно было услышать в публичных выступлениях Эрдогана о необходимости возвращения сирийских беженцев в Сирию. В этот же период администрации таких городов, как Стамбул и Анкара, начали процесс депортации незарегистрированных сирийских беженцев, а также ввели запрет на новые регистрации.

Тем не менее самые значительные изменения в подходе к миграционной политике прослеживались в период президентских выборов

⁴⁶ Беляев Д. Переселение народов. Эрдоган хочет вернуть миллион беженцев из Турции на север Сирии // ТАСС. – 20.12.2019. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7341919> (дата обращения: 24.09.2024).

2023 г. и выборов в органы местной администрации в 2024 г. В период этих выборов правящая партия потерпела сильное поражение, что вынудило правительство вернуться к вопросу о возвращении сирийских беженцев в безопасные территории на севере Сирии, которые находятся под контролем вооруженных сил Турции и где идет строительство инфраструктуры, предназначенной для беженцев.

Вполне очевидно, что на сегодняшний день вопрос беженцев все более политизируется и проблема становится все острее. Очевидно, что на фоне растущих антисирийских настроений в общественности, а также роста популярности оппозиционных сил, правящей Партии справедливости и развития необходимо решить вопрос сирийских беженцев в как можно более короткий промежуток времени, чтобы и впредь оставаться у власти.

Список источников и литературы

1. Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 04.02.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 21.09.2024).
2. Апайдын С. Анализ: Постепенное становление проблемы беженцев в Турции // МК-Турция. – 19.07.2024. – URL: <https://mk-turkey.ru/life/2024/07/19/analiz-postepennoe-stanovlenie-problemy-bezhencev-v-turcii.html> (дата обращения: 21.09.2024).
3. Беляев Д. Переселение народов. Эрдоган хочет вернуть миллион беженцев из Турции на север Сирии // ТАСС. – 20.12.2019. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7341919> (дата обращения: 24.09.2024).
4. Войнова А.А., Ивановская Ж.В. Влияние миграции сирийских беженцев на экономику Турции // Мировая экономика и мировые финансы. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 23–28. – DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0030.
5. Глава МИД Турции: Мы продолжим политику открытых дверей по отношению к беженцам // RT на русском. – 13.02.2016. – URL: <https://russian.rt.com/article/148261> (дата обращения: 22.09.2024).
6. Долгов Б.В. Сирийский опыт социального развития // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 42–65. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03.
7. Домущий С. Туркам не нравится Эрдоган и превращение беженцами Стамбула в афганский кишлак // Ридус. – 05.05.2022. – URL: <https://www.ridus.ru/turkam-ne-nravitsya-erdogan-i-prevrashenie-bezhencami-stambula-v-afganskij-kishlak-380171.html> (дата обращения: 22.09.2024).
8. Жаль, что Вам пора. Турция возвращает домой миллион сирийцев // ТАСС. – 06.05.2022. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14560407> (дата обращения: 23.09.2024).

9. Кассем Х. Проклятье беженца: турки винят сирийцев во всех бедах // NEWS.RU. – 27.06.2022. – URL: <https://news.ru/near-east/nezvanyj-gost-huzhe-bezhenec-rasskazal-kak-turki-koshmaryat-sirijcev/> (дата обращения: 22.09.2024).
10. Первышева Е. «Мое будущее уничтожено». Миллионы беженцев перебрались в Турцию. Теперь от них хотят избавиться // LENTA. – 14.10.2019. – URL: https://lenta.ru/articles/2019/10/14/syrians_in_turkey/ (дата обращения: 22.09.2024).
11. Садыкова З. Турецкая политика открытых дверей, или благородство ее граждан // Res Publica. – 30.06.2017. – URL: <https://respublica.kg/2017/06/30/tureckaya-politika-otkrytyx-dverej-ili-blagorodstvo-ee-grazhdan/> (дата обращения: 19.09.2024).
12. Смирнов Ф. Анкара опровергла информацию Amnesty о высылке беженцев в Сирию // РИА Новости. – 03.04.2016. – URL: <https://ria.ru/20160403/1401592027.html> (дата обращения: 21.09.2024).
13. Щегловин Ю.Б. Об обострении проблемы сирийских беженцев в Турции // Институт Ближнего Востока. – 13.08.2021. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=79073> (дата обращения: 22.09.2024).
14. Баррансуэла О. Роль Турции в кризисе сирийских беженцев. Barranzuela O. Rol de Turquía frente a la crisis de refugiados sirios // CEMERI. – 09.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://cemerl.org/en/art/a-rol-turquia-crisis-refugiados-kt> (дата обращения: 20.09.2024).
15. Важнейшее решение Конституционного суда в отношении сирийцев. Anayasa Mahkemesi'nden Suriyelilerde ilgili kritik kararlar // Sözcü. – 04.05.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.sozcu.com.tr/anayasa-mahkemesinden-suriyelilerle-ilgili-pes-pese-kritik-kararlar-wp7114619> (дата обращения: 23.09.2024).
16. Уфук Е. Мухаджирские комиссии и их деятельность от Османской империи до Республики, 1860–1923 гг. Ufuk E. Osmanlı'dan Cumhuriyet'e muhacir komisyonları ve faaliyetleri, 1860–1923. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2018. – 340 p. – Турец. яз.
17. Чакыр М. Исследование: Сирийцы не хотят возвращаться. Çakır M. Araştırma: Suriyeliler dönmek istemiyor // Cumhuriyet. – 06.12.2019. – Турец. яз. – URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/arastirma-suriyeliler-donmek-istemiyor-1706502> (дата обращения: 24.09.2024).

НАЦИОНАЛЬНАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТУРЦИИ

СБИТНЕВА Алина Игоревна

научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: a_sbitneva@mail.ru

SPIN-код: 4944-0408

ORCID: 0000-0002-9196-9348

Для цитирования: *Сбитнева А.И.* Национальная разведывательная организация Турции // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 119–128. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.10.

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция и текущая роль Национальной разведывательной организации Турции (Milli İstihbarat Teşkilatı, MİT) как ключевого института обеспечения национальной безопасности. Проведен анализ процесса развития и становления разведывательной деятельности Турции от Османского периода до современного этапа, включая институциональные реформы, обусловленные изменениями внутренней и внешней политики государства. Особое внимание уделено влиянию попытки государственного переворота 2016 г. на структуру и функции MİT, а также на перераспределение полномочий между военными и разведывательными органами. Рассмотрены основные направления работы организации, включая борьбу с терроризмом, внешние операции и использование современных технологий, таких как дроны Bayraktar TB2. Отмечены успехи MİT в противодействии угрозам безопасности, в частности в борьбе с Рабочей партией Курдистана и Организацией Фетхуллахистов (FETÖ). Представлена критика в адрес организации, связанная с ее деятельностью и взаимодействием с военными структурами. В условиях растущих угроз, в том числе из региона Ближнего Востока, сделан прогноз о дальнейшем увеличении значимости MİT в обеспечении безопасности Турецкой Республики.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Национальная разведывательная организация, MİT, национальная безопасность, борьба с терроризмом, разведывательная деятельность, Османская империя, Рабочая партия Курдистана, Bayraktar TB2, Ближний Восток, технологии.

National Intelligence Organization of Turkey

Alina I. SBITNEVA

Research Fellow of the Department of Middle
and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: a_sbitneva@mail.ru

SPIN-code: 4944-0408

ORCID: 0000-0002-9196-9348

For citation: Sbitneva A.I. (2025). National Intelligence Organization of Turkey. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 119–128. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.10.

Abstract. The article examines the evolution and current role of the Turkish National Intelligence Organisation (Milli İstihbarat Teşkilatı, MİT) as a key institution for ensuring national security. It analyses the process of development and establishment of intelligence activities in Turkey from the Ottoman period to the modern stage, including institutional reforms due to changes in domestic and foreign policy of the state. Particular attention is paid to the impact of the 2016 coup attempt on the structure and functions of MİT, as well as the redistribution of powers between the military and intelligence agencies. The main areas of the organisation's work, including counter-terrorism, external operations and the use of modern technologies such as Bayraktar TB2 drones, are reviewed. MİT's successes in countering security threats, particularly against the Kurdistan Workers' Party and the FETÖ, are highlighted. Criticism of the organisation in relation to its activities and interaction with military structures is presented. In the context of growing threats, including those from the Middle East, MİT's importance in ensuring the security of the Republic of Turkey is predicted to further increase.

Keywords: Republic of Turkey, National Intelligence Organisation, MİT, national security, counter-terrorism, intelligence, Ottoman Empire, Kurdistan Workers' Party, Bayraktar TB2, Middle East, technology.

Разведывательная деятельность издавна считалась одним из основных видов как внутри, так и внешнеполитической работы государства. Турецкая Республика исторически представляла собой территорию, подверженную как внутренним, так и внешним угрозам, связанным в первую очередь с террористической опасностью и трансграничной преступностью. Существование подобных факторов, подрывающих основы национальной безопасности Турции, вынуждает государство формировать специализированные институты обеспечения безопасности, нацеленные на поддержание общественного порядка и предотвращение попыток его нарушения.

Одной из особенностей обеспечения безопасности Турции является тот факт, что у истоков системы безопасности в этой стране долгое время

находились военные¹. В целом подобная специфика свойственна ряду государств Ближнего Востока – ярким примером является Арабская Республика Египет, где военные долгое время держали политический и ряд других процессов в стране под своим контролем². В Турции же военные, помимо всего прочего, выполняли роль не только гаранта безопасности как таковой, но и являлись символом «светскости». После того, как Турция под эгидой Партии справедливости и развития взяла курс на выстраивание отношений со странами Запада, а затем в 2016 г. произошла попытка государственного переворота, ситуация в значительной степени изменилась, а военные начали планомерно выводиться из властных кругов и утрачивать способность влиять на политические процессы. Реформы коснулись и органов безопасности, в том числе связанных с разведывательной деятельностью.

Сегодня одним из главных таких органов, ответственных за безопасность и внутреннюю стабильность Турецкой Республики, является Национальная разведывательная организация, которая прошла длительный путь своего становления, и уже на протяжении 57 лет осуществляет работу в интересах Турции.

Национальная разведывательная организация: история и современность

Организованная разведывательная деятельность Турции начала складываться еще во времена Османской империи, когда в начале XX в. Энвер-пашой была создана первая в истории османской государственности разведывательная организация Тешкилят-и-Махсуса, зарекомендовавшая себя на мировой арене в качестве одной из самых эффективных в мире. При этом стоит отметить интересный факт: в изданном в 2002 г. современной разведывательной организацией труде, посвященном истории турецкой разведки, отмечается, что у османов разведывательная и шпионская деятельность начала зарождаться еще в XIII–XIV вв., а к середине XVI в. потребность в ней усилилась в связи с открытием западными государствами в Стамбуле посольств³.

В республиканский период Тешкилят-и-Махсуса сменила сформированная М.К. Ататюрком Национальная служба безопасности, которая впоследствии, спустя 27 лет после смерти первого президента Турецкой

¹ Карпат Х.К. Военное дело и политика от Османской империи до наших дней. Karpat H.K. Osmanlı'dan Günümüze Asker ve Siyaset. – İstanbul: Timaş Yayınları, 2019. – P. 28–29. – Турец. яз.

² Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте // Азия и Африка сегодня. – 2014. – Т. 10, № 687. – С. 2.

³ Ильдар Э. История Национальной разведывательной организации. İldar E. Milli İstihbarat Teşkilatı Tarihçesi. – Ankara: MİT Basın Evi, 2002. – P. 5–6. – Турец. яз.

Республики, в 1965 г., была преобразована в Национальную разведывательную организацию (Milli İstihbarat Teşkilatı – MİT), существующую вплоть по настоящее время. Интересно, что портрет М.К. Ататюрка, считающегося в Турции «отцом Республики», также был помещен на официальную эмблему MİT.

Национальная разведывательная организация была создана на основании специального закона № 644 от 6 июля 1965 г. В настоящее время правовой основой организации является Закон № 2937 «О государственной разведывательной деятельности и Национальной разведывательной организации»⁴ от 1 ноября 1983 г., который определяет круг ее ключевых **задач**. Среди них: разработка и выполнение планов, которые относятся к национальной политике страны; сбор, обработка, анализ и хранение информации, документов и других данных, связанных с вопросами обороны, внешней разведки, кибербезопасностью, а также борьбы с терроризмом и международной преступностью.

Осуществление ряда описанных выше задач нередко происходит в тесной координации с Генеральным штабом Турции, Внутренними войсками, Министерством внутренних дел, Министерством иностранных дел и их отдельными подразделениями / департаментами, ответственными за разведку.

При этом важно, что задачи по обеспечению внешней и национальной безопасности, в том числе по борьбе с террористической угрозой, могут выполняться по личному поручению президента государства⁵. Данный факт, в частности, свидетельствует о значимости влияния лидера Турецкой Республики на государственные органы и наличии у него определенного контроля над вопросами, связанными с безопасностью страны⁶.

До 2017 г. организация подчинялась премьер-министру страны, однако после состоявшегося в том же году референдума, внесения конституционных поправок и фактического перехода от парламентской к президентской системе правления стала подчиняться президенту в соответствии с поправкой № 694 от 25 августа 2017 г.⁷ к основному закону № 2937.

⁴ Закон № 2937 о государственных разведывательных службах и Национальной разведывательной организации. 2937 Sayılı Devlet İstihbarat Hizmetleri ve Milli İstihbarat Teşkilatı Kanunu // TBMM Mevzuat Bilgi Sistemi. – 01.11.1983. – Турец. яз. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2937.pdf> (дата обращения: 17.08.2024).

⁵ Там же.

⁶ Аватков В.А. Отстаивая собственное «я»: фактор онтологической безопасности во внешней политике современной Турции. Интервью с профессором Тогрулом Исмаилом // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 145–155. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.09.

⁷ Указ № 694 о принятии некоторых нормативных актов в рамках чрезвычайного положения. 694 Sayılı Olağanüstü Hal Kapsamında Bazı Düzenlemeler Yapılması Hakkında Kanun Hükmünde Kararname // Mevzuat Bilgi Sistemi. – Турец. яз. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/4.5.694.pdf> (дата обращения: 17.08.2024).

По состоянию на 2022 г. возглавляет Национальную разведывательную организацию Х. Фидан, имеющий большой опыт службы в Вооруженных силах Турции, а также в разведывательном и оперативном управлении Корпуса быстрого реагирования НАТО, расположенного в Германии⁸. Штаб-квартира организации располагается в столице Турецкой Республики – Анкаре.

По своей *структуре* Национальная разведывательная организация Турции состоит из шести управлений. В соответствии с возложенными на них задачами подразделяются они следующим образом:

1. *Управление дознания по безопасности* – занимается сбором данных и проведением архивных исследований и исследований в области безопасности, запрошенных государственными органами и организациями.

2. *Управление по противодействию разведывательной деятельности* – отвечает за обнаружение и предотвращение шпионской деятельности иностранных государств и разведывательных служб, учреждений, организаций и отдельных лиц против Турции. С этой целью осуществляется контрразведывательная деятельность, а также сотрудничество и координация с учреждениями государственного и частного секторов, которые являются объектом шпионской деятельности.

3. *Управление по внешним операциям* – вместе с внутренними и внешними подразделениями обеспечивает защиту и развитие стратегических интересов Турции, в том числе в рамках Стратегии национальной безопасности страны.

4. *Управление разведки по безопасности* – собирает данные о поступающих в отношении Турции угрозах, в первую очередь исходящих от террористических организаций. Собранные как внутри страны, так и за рубежом информация используется для принятия мер безопасности и устранения этих угроз.

5. *Управление электронно-технической разведки* – ответственно за сбор, запись, анализ и передачу информации, документов и других данных необходимых организациям для выполнения задач, предусмотренных законодательством.

6. *Управление сигнальной разведки* – производит разведывательные сигналы, включая информацию раннего предупреждения и оповещения, в том числе с использованием коммуникационных и небоевых каналов. С этой целью перехватываются сигналы связи и РЛС, осуществляется их обработка и анализ, а также превращение в разведданные⁹.

⁸ Глава Национальной разведывательной организации. MİT Başkanı // Milli İstihbarat Teşkilatı. – Турец. яз. – URL: <https://www.mit.gov.tr/baskan.html> (дата обращения: 17.08.2024).

⁹ Организационная структура Управления национальной разведки. MİT Başkanlığı Teşkilat Yapılanması // Milli İstihbarat Teşkilatı. – Турец. яз. – URL: <https://www.mit.gov.tr/teskilat.html> (дата обращения: 17.08.2024).

С приходом к власти Партии справедливости и развития, а затем и Р.Т. Эрдогана на пост президента, данная организация, наряду с рядом других, в числе которых Совет национальной безопасности, подверглась существенным изменениям, а ее деятельность во многом стала подвигаться под стандарты европейских и американских спецслужб¹⁰.

Отдельно также стоит остановиться на Управлении сигнальной разведки, которое изначально не входило в структуру МІТ и находилось в ведении Генштаба под иным названием – Командование электронными системами. В 2012 г. Командование было решено передать в управление Национальной разведывательной организации и дать новое – современное – название, однако эти планы были окончательно реализованы лишь к 2018 году¹¹. При этом в экспертном сообществе выведение Командования из-под подчинения военных рассматривается скорее как негативный шаг, что объясняется необходимостью отделения военных организаций от всех остальных и их повышенной эффективностью именно в условиях независимости и/или автономности¹².

2014 г. также ознаменовался реформами, затронувшими не только внутреннюю структуру Национальной разведывательной организации и основные направления ее деятельности, которые были в значительной степени изменены, но и права сотрудников МІТ, а также отдельные аспекты стратегической работы¹³.

Разведка Турции внутри страны и на международной арене

Информации о конкретной деятельности Национальной разведывательной организации Турции в открытых источниках по понятным причинам содержится достаточно мало. В отчете о деятельности МІТ за 2021 г. фигурируют в основном общие фразы о том, что за рассматриваемый промежуток времени Национальной разведывательной организацией была проведена успешная работа, нацеленная на противодействие трансформирующимся глобальным угрозам, продолжалась деятельность по сбору

¹⁰ Чахмутоглу Э. Политика Турции в области разведки и кибербезопасности. Çahmutoğlu E. Türkiye'nin istihbarat ve siber güvenlik politikaları / ed. by İnat K., Aslan A., Duran B. // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 478 p. – Турец. яз.

¹¹ Дикмеджи О. Информационная разведка и современная ситуация в Турции. Dikmedci O. Sinyal İstihbaratı ve Türkiye'deki Mevcut Durum // SASAM. – 28.01.2019. – Турец. яз. – URL: <http://sahipkiran.org/2019/01/28/sinyal-istihbarati/> (дата обращения: 17.08.2024).

¹² Военная разведка / отв. ред. Пухов Р.Н., Робинсон П. – Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. – 376 с.

¹³ Чахмутоглу Э. Политика Турции в области разведки и кибербезопасности. Çahmutoğlu E. Türkiye'nin istihbarat ve siber güvenlik politikaları / ed. by İnat K., Aslan A., Duran B. // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 478 p. – Турец. яз.

стратегической разведывательной информации, а также был сделан акцент на предоставление наиболее точной информации высшему уровню государственной власти. Подчеркивается, что в сфере контрразведки в 2021 г. была разоблачена шпионская деятельность, в частности раскрыта работа многих государств, а также уничтожены агентурные сети¹⁴.

При этом в отчете отдельно отмечена деятельность МІТ в области борьбы с терроризмом, которая в действительности является одним из основных направлений работы структуры в современных условиях. Так, например, организация активным образом участвует в отслеживании и поимке членов, признанной в Турции в качестве террористической Рабочей партии Курдистана (РПК) и Организации Фетхуллахистов (ФЕТО). Для достижения этих целей Национальной разведывательной организацией, нередко совместно с Вооруженными силами Турции, по всей стране проводятся антитеррористические операции, в задачи многих из которых входит задержание именно высших должностных лиц и глав террористических формирований.

На внешнеполитическом треке разведывательная деятельность также играет немаловажную роль при проведении трансграничных военных операций, в частности, в соседних Сирии и Ираке. Так, например, в июле 2022 г. на севере Ирака сотрудниками Национальной разведывательной организации был нейтрализован высокопоставленный член РПК Х. Демир и сопровождавшие его союзники. Известно, что Х. Демир присоединился к РПК еще в 1990-х годах и был одним из организаторов многих акций, направленных против силовых структур Турции¹⁵.

При этом важную роль при проведении разведывательной деятельности с недавних пор играет военно-техническое оснащение государства. Сегодня на вооружение Турецкой Республики поставляются новейшее оборудование и техника национального производства, в том числе способная выполнять разведывательные функции. Среди тех, что наиболее задействованы при проведении зарубежных военных кампаний – тактические беспилотные летательные аппараты Bayraktar TB2, пользующиеся особой популярностью у зарубежных импортеров, и вертолеты T129 АТАК, благодаря высокоточной системе слежения которых ВС Турции обладает возможностью успешного обнаружения членов курдских формирований на территориях Сирии, Ливии и в других регионах.

¹⁴ Отчет о деятельности Национальной разведывательной организации Турции за 2021 год. 2021 MİT Faaliyet Raporu // Milli İstihbarat Teşkilatı. – Турец. яз. – URL: <https://www.mit.gov.tr/MitFaaliyetRaporu/5/index.html#zoom=z> (дата обращения: 17.08.2024).

¹⁵ В результате операции МІТ нейтрализован известный высокопоставленный командир РПК. МІТ'in operasyonu PKK'nin sözde üst düzey sorumlusu etkisiz hale getirildi // Anadolu Ajansı. – 04.07.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/mitin-operasyonu-pkknin-sozde-ust-duzey-sorumlusu-etkisiz-hale-getirildi/2629561> (дата обращения: 17.08.2024).

Тем не менее, несмотря на свою эффективность, Национальная разведывательная организация нередко подвергается критике. К примеру, после попытки осуществления государственного переворота в 2016 г. сам Р.Т. Эрдоган обвинил МІТ в непредотвращении этих деструктивных саботажных действий¹⁶. Однако можно также предположить, что данный «переворот» в некоторый степени был выгоден президенту Турции и позволил ему существенно укрепить свою власть.

Более того, достаточно странным представляется тот факт, что после того, как в ряде государственных органов прошли массовые «чистки», а ряд сотрудников были уволены по подозрению в связях с ФЕТО, обвиненной в подготовке путча, свое место сумел сохранить глава Национальной разведывательной организации Х. Фидан, а сама организация была наделена дополнительными функциями и, в частности, получила беспрецедентное право сбора информации о военных¹⁷, которые отныне утратили доверие официальной власти.

* * *

В настоящее время Турецкая Республика находится на этапе конструирования системы безопасности нового типа, необходимость существенного изменения которой спровоцировала произошедшая шесть лет назад попытка государственного переворота. Национальная разведывательная организация, несмотря на имеющуюся в экспертном сообществе критику, по-прежнему остается основным органом, ответственным за разведывательную и контрразведывательную деятельности Турции.

Существующая проблема интеграции военных структур с разведывательными, в свою очередь, в некоторых случаях в действительности негативным образом сказывается на деятельности спецслужб в целом и военных в частности (в том числе из-за нехватки квалифицированных кадров), с другой – позволяет им оперативно обмениваться полученной информацией, что является важным преимуществом при реализации возложенных на них задач.

Исходя из открытых источников можно сделать вывод, что наиболее успешно Национальная разведывательная организация проявляет себя в области борьбы с терроризмом, и можно предположить, что в условиях увеличения числа угроз, поступающих в том числе с территории Ближнего Востока и напрямую затрагивающих национальную безопасность Турецкой Республики, в среднесрочной перспективе значимость МІТ и всех связанных с ней структур будет только расти.

¹⁶ Турецкую разведку разделят на две части после путча // РБК. – 02.08.2016. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2016/57a0ac149a794758bfeb9e4f> (дата обращения: 17.08.2024).

¹⁷ Военная разведка / отв. ред. Пухов Р.Н., Робинсон П. – Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. – 376 с.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Отстаивая собственное «я»: фактор онтологической безопасности во внешней политике современной Турции. Интервью с профессором Тогрулом Исмаилом // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 145–155. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.09.
2. Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте // Азия и Африка сегодня. – 2014. – Т. 10, № 687. – С. 2–7.
3. Военная разведка / отв. ред. Пухов Р.Н., Робинсон П. – Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. – 376 с.
4. Турецкую разведку разделят на две части после путча // РБК. – 02.08.2016. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2016/57a0ac149a794758bfeb9e4f> (дата обращения: 17.08.2024).
5. В результате операции MİT нейтрализован известный высокопоставленный командир РПК. MİT'in operasyonu ile PKK'nin sözde üst düzey sorumlusu etkisiz hale getirildi // Anadolu Ajansı. – 04.07.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/mitin-operasyonu-yla-pkknin-sozde-ust-duzey-sorumlusu-etkisiz-hale-getirildi/2629561> (дата обращения: 17.08.2024).
6. Глава Национальной разведывательной организации. MİT Başkanı // Milli İstihbarat Teşkilatı. – Турец. яз. – URL: <https://www.mit.gov.tr/baskan.html> (дата обращения: 17.08.2024).
7. Дикмеджи О. Информационная разведка и современная ситуация в Турции. Dikmeci O. Sinyal İstihbaratı ve Türkiye'deki Mevcut Durum // SASAM. – 28.01.2019. – Турец. яз. – URL: <http://sahipkiran.org/2019/01/28/sinyal-istihbarati/> (дата обращения: 17.08.2024).
8. Закон № 2937 о государственных разведывательных службах и Национальной разведывательной организации. 2937 Sayılı Devlet İstihbarat Hizmetleri ve Milli İstihbarat Teşkilatı Kanunu // TBMM Mevzuat Bilgi Sistemi. – 01.11.1983. – Турец. яз. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2937.pdf> (дата обращения: 17.08.2024).
9. Ильдар Э. История Национальной разведывательной организации. İldar E. Milli İstihbarat Teşkilatı Tarihçesi. – Ankara: MİT Basın Evi, 2002. – 172 p. – Турец. яз.
10. Карпат Х.К. Военное дело и политика от Османской империи до наших дней. Karpat H.K. Osmanlı'dan Günümüze Asker ve Siyaset. – İstanbul: Timaş Yayınları, 2019. – 400 p. – Турец. яз.
11. Организационная структура Управления национальной разведки. MİT Başkanlığı Teşkilat Yapılanması // Milli İstihbarat Teşkilatı. – Турец. яз. – URL: <https://www.mit.gov.tr/teskilat.html> (дата обращения: 17.08.2024).
12. Отчет о деятельности Национальной разведывательной организации Турции за 2021 год. 2021 MİT Faaliyet Raporu // Milli İstihbarat Teşkilatı. – Турец. яз. – URL: <https://www.mit.gov.tr/MitFaaliyetRaporu/5/index.html#zoom=z> (дата обращения: 17.08.2024).

13. Указ № 694 о принятии некоторых нормативных актов в рамках чрезвычайного положения. 694 Sayılı Olağanüstü Hal Kapsamında Bazı Düzenlemeler Yapılması Hakkında Kanun Hükmünde Kararname // Mevzuat Bilgi Sistemi. – Турец. яз. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/4.5.694.pdf> (дата обращения: 17.08.2024).
14. Чахмутаглы Э. Политика Турции в области разведки и кибербезопасности. Çahmutoğlu E. Türkiye'nin istihbarat ve siber güvenlik politikaları / ed. by İnat K., Aslan A., Duran B. // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 478 p. – Турец. яз.

**БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ
ВОСТОК**

№ 1 (9) – 2025

Научный журнал

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казиминова

Подписано к печати 3/VI-2025 г. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 8,0
Тираж 800 экз.
Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6